

Библиотека
историка

Б. Г. Могильницкий

**ВВЕДЕНИЕ
В МЕТОДОЛОГИЮ
ИСТОРИИ**

УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

Москва
«Высшая школа»

1989

Рецензенты:

кафедра истории СССР советского периода Московского государственного историко-археологического института (зав. кафедрой доктор исторических наук, профессор В. Т. Дробинин); институт АН СССР И. П. Ковальченко (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Рекомендовано к изданию Министерством высшего и среднего специального образования СССР

Мотылянский Б. Т.

М 74 Введение в методологию истории: Учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. „История“. — М.: Высш. шк., 1989. — 175 с. — (Б-ка историка). ISBN 5-06-000019-2

В книге рассматривается природа исторического познания в свете истории и теории современного общества; предмет истории, историческая закономерность, принципы партийности в истории, история и идеология, история и эстетика, социальная функция исторической науки. Критикуются взгляды буржуазных авторов по этим проблемам.

050100000(430900000) — 041

4-89

ББК 63

001 (01) — 80

9

© Издательство „Высшая школа“

1989

ISBN 5-06-000019-2

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
Москва, 119889
199 365
ОТДЕЛ ПРОДАЖ

ВВЕДЕНИЕ

Перед каждым студентом, серьезно интересующимся историей, неизбежно встает вопрос, что это за наука, каковы ее познавательные возможности, что можно от нее ожидать, какие места она занимает в современном мире. Это важные вопросы, но из острота особенно возрастает в наше время — время научно-технической революции и выходящих ускоренно естественной науке, с одной стороны, и продолжившейся противостояния двух общественных систем, ставящего ввиду угрозившей опасности международного империализма под угрозу самое существование человечества, — с другой. Угрозы глобальной катастрофы никогда не были столь реальны, как в наши дни, а вместе с тем никогда раньше не выступали столь ярко, как сейчас, значение человеческого фактора в общественном процессе.

Отсюда вытекает возрастающий во всем мире интерес к гуманитарному знанию, способность проводить познающие человека в его месте в истории, его возможности влиять на социальную действительность в условиях, обеспечивающих эффективность и плодотворность этого влияния.

Несомненно, предельно ясным такого понимания является исторический подход, так как только в исторической ретроспективе возможно действительно всестороннее и глубокое познание человека. Обобщая многовековой опыт прошлого, историческая наука вносит свой вклад в решение самой актуальной проблемы современности, ибо ее данные являются незаменимым средством познания человека и общества, а следовательно, и путей их совершенствования, способных предотвратить или лишить человечества, обеспечить ему надежное будущее.

Важность этого вклада непосредственно зависит от уровня идейно-теоретической зрелости и методологической вооруженности исторической науки. А это в свою очередь обуславливает возрастающее значение методологии истории как дисциплины, специально разрабатывающей методологический аппарат исторической науки.

Как особая историческая дисциплина методология истории изучает природу, принципы и методы исторической мысли, где вместе дело с основными понятиями исторической науки, составляющими в своей совокупности ее методологический аппарат. Их назначение состоит в том, что они организуют и систематизируют материал исторической науки, обрывают исходный пункт и вместе с тем определяют ее истолкование. Такие основные понятия называются категориями, т. е. понятиями, отнесенными наиболее общими и существенными своим содержанием (например, категория исторической многомерности), признаками, т. е. исходными понятиями, определенными принятыми в науке коренными способами подходы к изучению ее материала (например, принцип историзма), и методами, т. е. специальными процессами научного исследования (например, сравнительно-исторический метод).

Методологическая зрелость всякой науки зависит в значительной степени от развитости ее позитивного аппарата. Научная строгость и определенность ее основных понятий, их универсальность и дифференцированность, логическая точность и внутренняя непротиворечивость составляют необходимым предшественнику успешного функционирования каждой науки, претендующей на теоретическое осмысление своего материала. Будучи многомерным продуктом всего развития науки, они в то же время содействуют дальнейшему совершенствованию ее позитивных способностей. Вот почему разработка методологических проблем является предметом особой заботы науки, необходимым условием ее прогресса.

Основным понятием истории, как и любой другой науки, не является чем то застывшим и окончательно пришедшим данным и внешне определенным ее существенной сущностью и свойственным ей способом изучения. Она непрерывно развивается, совершенствуется и обогащается вместе с развитием науки в всего общества. Развитие их носит диалектический характер, в ходе которого возникают одни принципы, категории и методы, исчезают другие, видоизменяются третьи. Это естественный процесс, обогащающий методологический потенциал науки, поскольку он выражает как внутреннюю закономерность развития историографии, так в общем тенденцию развития самого общества, многообразными путями влияющего на историческое познание.

Методология — внутренняя область каждой науки, через которую главным образом эти последние соотносятся с другими науками, испытывая их влияние и в свою очередь воздействуя на них. Особенно тесной является ее связь с филосо-

фией. Такие основные понятия всякой науки, как принципы и категории, уже в силу своей всеобщности и всеобщезначимости характера возникают по своей природе мировоззренческие. Пусть бы они сосредоточивались они связаны с конкретными проблемами философии, то для нас важно отношение к которым определяет их содержательную сторону и даже самую их природу. Так, разные решения основного вопроса философии обуславливают глубокое различие в понимании и интерпретации категории науки. Если для материалиста категория науки является объективной в отношении любой общественной реальности, то для субъективного идеалиста — она продукт творческой деятельности разум, мыслительные конструкции, упорядочивающие свое действительности.

Тесная связь с философией определяет мировоззренческий характер методологии всякой науки. Но особенно существенно он выступает в общественных науках, имеющих дело с закономерностями социального познания, а тем более и в истории. Являясь формой самознания общества, историческая наука уже в силу этого выдвигается в социально ориентированный методологии, максимально соответствующий такому специфическому.

Мировоззренческий характер марксистской методологии истории проявляется в том, что ее теоретической базой является диалектический и исторический материализм. Раскрывая общие закономерности исторического процесса, его природу в движущей силе, исторический материализм тем самым обретает материалистическую основу методологии истории, воплощая ее категорию материалистического содержания, а диалектический материализм как всеобщий метод познания мира составляет исходную логику разрабатываемых ее познавательных принципов.

Нельзя систематическому изучению в университетскому преподаванию методологии истории позволил известный немецкий историк Йоганн Густав Дройзен (1808—1884). В 1857—1883 гг. он регулярно читал в Берлинском университете курсы по „Эпистемологии и методологии истории“, дела которого заключались в том, чтобы обосновать метод и задачи исторической науки. В опубликованном по материалам этого курса исследование Дройзен впервые сформулировал и попытался решить широкий круг вопросов, а именно составляющих существенное содержание методологии истории. Историком, подчеркивал он, важно учесть себе вопросы об отношении исторической исследования „и другим формами и направлениям человеческого знания, о своеобразии их задач, об обосновании их действительности. Таковы вопросы, которые по сей пор едва

ли и в кругу историков-специалистов и серьезно обсуждалась¹.

Их широкое изучение начинается лишь в конце буржуазного столетия, будучи закономерным следствием развития самой исторической науки. Поступательное расширение масштабов исторических исследований и усложнение речевых и исторической науки влекло за собой необходимость для историков признать историческое познание, его возможности и границы. Сложнейшие вопросы становятся предметом оживленного обсуждения в европейской, особенно немецкой и русской, фило-софско-исторической литературе, в ходе которого и происходит на рубеже XIX столетия становление методологии истории как специальной дисциплины, изучающей природу исторического познания. В рамках неклассической философии истории (А. Виттльбауд, Г. Риккерт, М. Вебер) и „Философии жизни“ (В. Дильтей) обосновывается положение и своеобразия истории как специфической формы научного познания, не сводимой к познанию естественнонаучному. Тем самым было признано характерное для позитивистской историографии XIX и начала XX столетия отношение к изучению факторов исторического процесса. Были поставлены проблемы взаимоотношений между познающим субъектом (историком) и познаемым объектом (изучаемой исторической действительностью) как одна из центральных методологических проблем.

Актуальным вопросом только временно оставленным на конкретном историческом материале, примерно в это же время активно обсуждали некоторые русские историки (Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Вятчер и др.). В капитальном труде А. С. Лаппо-Давыдовского (1863—1919) „Методология истории“ (СПб., 1910—1911. Вып. 1—2) был подвергнут систематическому исследованию обширный круг вопросов, раскрывающих в своей совокупности специфику исторического познания. В их числе отмечены также и по сей день сохраняющие научную актуальность вопросы, ныне признаны историческим знанием: критерий исторической оценки, ее основания, которого история призывает отбор материала; изучаемые цели и объект исторической науки; специфика исторических фактов и т. д. Большим значением уделялось и методологии источниковедения.

Таким образом, уже в процессе становления методологии истории как особой научной дисциплины были сформулированы основополагающие проблемы исторического познания. Однако раскрыты они не в кругу буржуазного общественнонаучного на-

¹ *Deutscher J. G. Grundriss der Historie Leipzig 1888 S. 3*

жив ни эту проблему свой отпечаток. Выдвинув действительно важные историко-методологические проблемы, буржуазные ученые не смогли дать их удовлетворительного решения. Прежде всего это относится к проблеме специфики исторического познания. Правильно указав на недопустимость отождествления исторического познания с естественно-научным, эти ученые абсолютизировали различие обеих форм научного познания вплоть до их прямого противопоставления. Так, Дильтей противопоставлял понимание как главный способ познания в исторических науках („наука о духе“) объяснению в естественных науках. Для неокантианцев история представляла образец индукциализирующей, индуграфической (описательной) дисциплины, в которой дело с единичными, уникальными и неповторимыми явлениями, в отличие от генерализирующих (обобщающих) естественных наук, вступают законы природы. В своем логическом развитии это противопоставление должно было привести в действительности к исключению из буржуазной литературы научности истории, к неэкономно тесному сближению ее с искусством и как следствие этого — к отрицанию возможности получения объективно истинного знания о прошлом. В ней широко распространяются релятивистские, субъективистские и презитивистские представления, достигшие своего пика в 50-е — середине 60-х годов XX в., когда под угрозой было поставлено самое существование истории в традиционном ее понимании как науки о прошлом. Именно в это время раздаются требования заменить ее наукой о будущем, ибо прошлое не только непознаваемо, но в знании его бесполезно для настоящего, кардинально от него отличающегося⁷.

Следует, однако, отметить, что методологические искания буржуазных ученых не только отрицают критис своей дисциплины, но в отчаянии пытаются попытками его преодоления. Эти попытки, особенно во второй половине 60-х годов, выразились в стремлении укрепить социальный статус исторической науки, ее значение в системе буржуазного обществоведения. В настоящее время на Западе выходит обширная историко-методологическая литература, которая позволяет выделить некоторые черты, характеризующие общее состояние современной буржуазной методологии истории.

Прежде всего они свидетельствуют об отказе от наиболее объективных представлений, практически отвергнутых, бессоборности и возможности научного познания прошлого. Напротив,

⁷ См. например: Louis H. E. Die Forderungen der II. Internationalen Konferenz der Geschichtswissenschaften, Freiburg i. Br., 1966.

ностями в зарисовки социалистического общества. Выходит, что сдвиг критика в адрес общественных наук имеет универсальное значение отчасти во всем историческом движении, а отчасти и методологии истории Советского Союза. Но все же невозможно использовать формы ответственности личности за различные сферы общественной практики, в соответствии с которой природа исторического познания. Между тем, вступившая в силу в Политическом отделе ЦК КПСС XXVII съезду, впервые ставит вопрос о широком выходе общественных наук из узкого круга науки практики, требует, чтобы ученые-исторические чувствительно ориентировали на практические проблемы в стране, держали в поле зрения самые важные, острые вопросы, а не только были ориентированы на практику¹⁰.

Только так же образом можно преодолеть то состояние „душевной отдаленности от зарисовки жизни“, которое, как отмечалось в докладе, характеризует все наше общественное сознание и свидетельствует об определенном его неблагополучии. Поэтому, в частности, в большой степени это неблагополучие порождает историческую науку. Возникла такая разрыв между возрастающим общественным интересом к истории страны вообще и историей нашей страны, и способностью историков его удовлетворять. Исторические знания не стали эффективным средством решения актуальных проблем современности, но не потому, что время прошитое неизменным к истованию, а вследствие того, что этот опыт не получает необходимого истолкования. Общественная жизнь исторической действительности перед нами предстает врозь, как бы выделенными „островками“, „фрагментами“, „кусочками“, которые не связаны друг с другом, „полюсами“, что исключает возможность целостного исторического познания. Недостатки, порожденные в угоду спекулятивным идеологическим требованиям, идеологическая по своему характеру, такая историческая наука неизбежно стала утрачивать доверие общества, а с этим и свою социальную значимость.

Ответственность за такое положение вещей историческая профессия и методология истории. Существование противоречивость исторической науки, она имеет не только, формирует базис. Вот почему, несмотря на свои исторические достижения, методология истории остается в значительной мере первой исторической наукой. Но отмеченные выше вытекающие моменты в методологии истории объясняются недостаточной теоретико-методологической зрелостью историков, равно как и слабым профес-

¹⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза М., 1926 с. 83

специальным мастерством историков Тверской области марксистской методологией исторического исследования нередко сопровождается бездумным притягательством, общие истинные марксистские догматы жестко прикладываются к оценке конкретных исторических ситуаций без обязательного учета и всестороннего анализа всей совокупности обстоятельств, обуславливающих данную ситуацию.

Важнейшая функция марксистской методологии истории как раз и заключается в том, чтобы с помощью разработанных ею категориального аппарата обеспечить максимально адекватное познание исторической действительности. Методология историка должна помочь историкам занять достойное место в осуществлении грандиозной программы разностороннего обновления жизни советского общества, разработанной XXVII съездом партии и XIX Всесоюзной партийной конференцией.

Сформулированная в партийных документах стратегия ускорения отхода от застоя и повышения темпов экономического и научно-технического развития страны Речь идет о создании динамичного процветающего социалистического общества, выходящего на передовые рубежи в социальном прогрессе. Двойным образом могут и должны историком приниматься участие в общественной борьбе всего советского народа за создание такого общества.

Во-первых, исторической науке принадлежит важная роль в познании механизмов действия законов общественного развития. Ведь эти законы действуют в исторически конкретных ситуациях, складывающихся в результате взаимодействия многих сил, среди которых ведущее место принадлежит человеку, человеческому фактору. Это предполагает необходимость последовательного исторического подхода и изучения закономерностей общественного развития, тем более что, как известно, не существует столько "чистого" марксизма, свободное от разнообразных слепых и алчных пристрастий.

Во-вторых, решающим условием успеха перестройки является повсеместное утверждение ее идей в сознании всех социальных слоев и групп советского общества. Однако общественное сознание не только исторично по своей природе, но и в большой мере определяется историческими влияниями. Всестороннее, без каких-либо изъятий, ответственное и правдивое освещение прошлого, в первую очередь героического и трудного пути, пройденного советским народом и строительство социалистического общества в заданой ей перспективе, является неотъемлемой предпосылкой формирования и широкого распространения социалистического общественного сознания. Важной ориен-

ческой частью его является историческое сознание. Осознание
своих свершений советского народа — в героических страницах
его истории, в его всемирно-исторических побед и упрекнутой
за них цены, — составляет важный элемент формирования
нового политического мышления как необходимого условия
необратимости совершающейся в стране перестройки.

Таковы важнейшие задачи, стоящие перед исторической
наукой и определяющие ее социальное призвание. Но обязатель-
ной предпосылкой их успешного решения, в следователь-
но достигнута исторической наукой вытекающего общественно
авторитета является повышение ее теоретико-методологи-
ческой зрелости, что и придет особую актуальность в наступа-
ющее время историко-методологическим исследованиям.

Требования, предъявляемые XXVII съездом КПСС и после-
дующими партийными документами к исторической науке
определяли целенаправленную установку и структуру настоящего труда.
Ее главная задача заключается в том, чтобы показать позитив-
ные возможности исторической науки, обуславливающие
ее общественное признание. Иными словами, всем своим
держанием книга будет стремиться ответить на двусмысленный
вопрос: „Что такое история и зачем она нужна обществу?“
Ибо к этому вопросу, словно к фокусу, стягиваются все мето-
дологические проблемы исторической науки, и в то же время
он неизменно привлекает широкое общественное внимание.

В основе учебного пособия лежат лекции, в течение ряда
лет читавшиеся автором на курсе „Введение в методологию
и историю“ на историческом факультете Томского университета.
Из этой проблематики мы опубликовали ряд работ, в том числе
монографию „О природе исторического познания“ (Томск,
1978), материалы которых частично используются в настоящем
пособии.

Глава I

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КАК НАУКИ

§ 1. История как научное понятие

Понятие „история“ принадлежит к числу древнейших научных понятий. В переводе с древнегреческого языка оно означает размышление, рассоразивание, уяснение и первоначально относилось к любым видам познания окружающего мира. Уже в VII—VI вв. до н. э. это понятие употреблялось древнегреческими философами Фалесом, Анаксимандром и другими применительно к вопросам происхождения и сущности Вселенной, а также в отношении редких, далеких и загадочных явлений, таких, как магнетизм, разливы Нила, солнечные затмения. В VI в. до н. э. в Милете и других ионийских городах появились так называемые логографы (прозвизки, авторы прозаических рассказов), самым известным из которых был Гекатей Милетский. Используя в качестве источников эпические поэмы, мифы, народные предания, они излагали происхождение отдельных местностей, городов, храмов и называли свою деятельность „историей“. Наконец, это понятие широко употреблял „отец истории“ Геродот (V в. до н. э.). Называя свою книгу „историей“, он подчеркивал, что его основной метод — рассоразивание, уяснение. Однако еще долгое время понятие „история“ охватывало все виды ученой деятельности в самых разных областях и практически лишь в новое время за ним утвердился его современный смысл.

Впрочем, и в современном языке понятие „история“ является по-прежнему многозначным. Можно, например, „любить историю“, но можно и „долбить историю“. Очевидно, что в этих двух фразах значенные слова „история“ весьма различны.

Среди нескольких значений этого слова выделяется два фундаментальных: 1) прошлое и все, что происходило в нем, и 2) рассказ об этом прошлом, зафиксированный в устной и письменной традиции. Всплывая в соотношении этих двух значений выступает как центральная методологическая проблема, определяющая природу исторической науки в противополож-

ность распространения и буржуазной науке представляли в неадекватности науки жизни и прошлом исторической действительности марксизм вследили за процессами включенности жизни средствами исторической науки. Промышленные общества и ее объективной реальности.

Это, однако, не отличает непредставления истории как действительности и истории как науки. Различивая теорию и практику общественного бытия и общественного сознания, И. И. Ленин указывал на невозможность для общественности сознанием полностью охватить необходимую цепь развития, исключив материальную и повседневную деятельность людей, и видел как одну задачу в том, чтобы охватить объективную логику развития общественного бытия в ее общих и основных чертах¹. В полной мере это возможно относится и к исторической науке, которая не может претендовать на буквальное отражение всего того, что происходило в реальной действительности. Она имеет дело лишь с такими явлениями в жизни человеческого общества, которые оказали более или менее заметное влияние на ход исторических событий и в совокупности своей дают значимость перейти в „общих и основных чертах“ весь пройденный человеческим путем.

Предметом познания великой науки является „определенный объект совокупности наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, который подвергается изучению, включен в научно-познавательный процесс. Определение предмета науки — это, в сущности, определение ее задачи и сферы ее исследования и задач². История, конечно, не может изучить прошлое человечества „во всей его конкретности и многообразии“³, и должна выделять из этого многообразия наиболее значительные явления. В этом смысле она является наукой избирательной, и сложность вопроса как раз и заключается в том, чтобы обеспечить оптимальный отбор таких явлений из жизни человеческого общества, которые бы позволяли воспринять его объективную историю.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 345.

² Клейдымова И. Д. Метод истории и социальные науки // Вопросы истории 1987 № 7. С. 4. Подчеркнем, что Клейдымова И. Д. Методы исторического исследования М., 1987. К сожалению этот методический труд, который в советской литературе достаточно широко освещает марксистский метод исследования Проблемы исторической науки и организационный аспект с методами исторического исследования, не использован в настоящей работе, так как это было совершенно для него лишним и лишним.

³ См. Бондыря С. Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1912. Т. 10. С. 575.

При этом нельзя ограничиваться простой ссылкой на то, что в разные исторические существуют различные культуры и разные общества, так как понятие „культурные“ является однозначного содержания. В каждой системе ценностей выделены свои различия, различия же являются существенными и несущественными. Выводы и собственные смыслы в это понятие, они таким образом воплощают смысл исторические обществами на разных этапах его развития. Это понятие, естественно, взаимодействует вместе с изменением условий существования общества. Понятие существенного в истории по-разному понималось во времена Геродота, Августина Блаженного или Вольтера; вводящегося трактуется оно в в одну и ту же эпоху в различных исторических системах. Но это означает, что понятие предмета истории является своеобразным зеркалом, отражающим отношение представления общества об истории и ее задачах. Проявляющаяся, как бы протекания существования исторических и выделенных понятий существенно в прошлом, в следовательно, в понятие предмета истории, мы получим представление об эволюции требований общества к научной науке и вместе с этим о возрастании объема позитивного содержания, значимого в этом понятие. Различия между тем, как понимал свой предмет последующий, например, Геродот, и тем, как это понимает историческая марксистская, обуславливаются не только различиями социальными условиями и требованиями, но и прогрессом самой науки.

Таким образом, предмет истории сам историчен, что и должно определять свои границы к его рассмотрению. Мы сосредоточиваемся на характеристике предмета марксистской исторической науки, чтобы конкретизировать понятие существенного в истории в его современном марксистском понимании. Вместе с тем для того, чтобы более рельефно отобразить марксистскую практику вопроса, будут рассмотрены представления на этот счет, распространенные в буржуазной науке. Это отнюдь не должно означать отрицательную оценку, внесенную марксистами в понимание предмета истории как науки, последующий конкретные объективные закономерности реальной действительности.

§ 2 Понимание предмета истории в буржуазной науке XX в

В буржуазной литературе XX в можно встретить самым разным определенная предметы истории, вплоть до диаметрально противоположных друг другу. Так, если, по убеждению, истин-

своего философа истории Х. Ортеги-и Гассета, „история является наукой о самом строгом настоящем“, то другой известный мыслитель — Ж. П. Сартр утверждает, что „рассвет мысли истории может быть только историей прошлого Настоящего и больше нет, так как сущность человека кристаллизуется в момент его смерти“⁴.

Однако при всем многообразии определений истории, бытующих в буржуазной историографии, можно выделить несколько общих для многих из них черт, отражающих в своей совокупности широко распространенное на Западе понимание предмета истории.

Прежде всего, это убеждение в том, что главным объектом исторического изучения является человек. Известный французский историк М. Блок определял историю как „науку о людях во времени, науку, в которой надо непременно связывать изучение мертвых с изучением живых“⁵. Главной стороной такого подхода заключаются в „личностности истории“, в осознании того, что история является ареной деятельности людей и именно поэтому представляет для нас неослабевающий интерес, и следовательно, и интерес историка к своему прошлому — это в первую очередь интерес к „жизни в истории“. Как справедливо пишет М. Блок, „из зримых смертных пейзажей, срубить нам можно, за самыми извилистыми, сухими документами и институтами, совершенно отчужденным от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не уловил, тот, самое большее, может стать чернорабочим зрелища. Настоящий же историк должен на исключительном людоеде. Где пахнет человеческой, там, он знает, его ждет добыча“⁶.

Одним в целом правильное понимание об истории как „науке о людях во времени“ получило в буржуазной историографии сугубо идеалистическое толкование. На первый план выдвигается духовная сторона деятельности человека, его психология. Тот же Блок, например, утверждал, что предмет истории „в точном и последнем смысле — сознание людей“⁷. Соответственно этому исторические факты трактуются как факты по преимуществу психологические, а сама история направленно психологизируется.

Именно по этому поводу существует давний идушее спора-

⁴ *Ibid.* no. *Stow A Philosophy of History and the Problem of Values* Мадрид, 1962 P. 19, 21.

⁵ Блок М. *Азы истории как ремесла историка* М., 1973, с. 29.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ Там же, с. 83.

ств буржуазных ученых. Еще в конце прошлого века выдающийся историк К. Лангетт отыскал борьбу разных течений в буржуазной науке, констатируя их единство и различие — «в признании того основного факта, что истинными являются почвой всей исторической науки»¹⁴. Современная историческая наука, — утверждал он в другой своей работе, — есть в первую очередь социально-эволюционная наука¹⁵. Более того: «История является сама по себе не чьей-либо, как природной психологией»¹⁶.

Эта психоэволюционная история остается характерной и для современной буржуазной историографии. Крайности ее выражением стало возмещение в бурное развитие на Западе, и особенно в США, так называемой психоистории, представляющей собой развернутое приложение созданного выстраиваемым краем психиатром Э. Фрейдом метода психоанализа к изучению истории. Представители этой дисциплины обращаются к бессознательным пластам жизни человека как к фактору детерминирующему его поведение и потому выступающим важнейшим фактором исторического развития. Закономерным следствием такой психоэволюционной истории является отказ от рационального познания общественного процесса, отрицание самой возможности такого познания. Так, одним из крупнейших выкрикивателей психоисториков П. Лангетте, провозглашая «иррационализм бытия человеческого поведения и действия», утверждает иррациональность самого исторического процесса, являющегося продуктом деятельности человека¹⁷.

С психоэволюционной историей тесно связаны другая характерная черта познания предмета истории в буржуазной литературе, заключающаяся в ее неправомерном расширении. Оно следует уже из самой формулировки предмета истории как сознания (или подсознания) людей, позволяющей все действия, происходящие через посредку людей, трактовать как исторические.

Стремление к безграничному расширению предмета исторической науки особенно обнаруживается в новейшей западной историографии, в частности французской, с присущим ее представителям всеядностью, поисками все новых и новых

¹⁴ Лангетт К. Was ist die Psychologie? // Deutsche Zeitschrift 1894/97, Vierter Jahrgang, I, S. 33.

¹⁵ Лангетт К. Was ist die Sozialwissenschaft? 1909, S. 1, 16.

¹⁶ См. Лангетт К. Die Seele des Menschen. The Psychological Approach, N. Y., 1913.

объектов исследования — от палеонтологич. палеоэтнографич. до истории дождя и меню французской кухни¹¹. Аналогичные явления имеют место и в других национальных историографиях Запада, свидетельствуя о переосмыслении буржуазными историками предмета своей науки. Такое переосмысление не может обходиться односторонне. С одной стороны, оно открывает исключительный простор поступательности расширения сферы исторического познания. Неосомненно плодотворным, в частности, является обращение к систематическому изучению исторической демографии, истории укомплектованной истории повседневной жизни, способные обогатить и конкретизировать наше знание исторического прошлого, сделать более насыщенным и полно-красивой его общую картину.

Вместе с тем беспредельное расширение предмета исторической науки имеет своей обратной стороной утрату основной целостности как в его образах, так и, главное, в самом изучении истории. Не случайно в западной исторической науке усложняются талочбы на ее протрессорирующем дроблении, которое, как справедливо подчеркивал президент Американской исторической ассоциации Ф. Муртин в своем программном заявлении, уменьшает возможность действительно качественного осмысления прошлого. Выход Куртин усматривает в создании „собственной систематической теории истории“, которая бы „объединяровала разрозненные специализации и направилла дробительский процесс“¹². Но такой выход невозможен без четкого определения предмета истории, а это-то как раз совершенно немыслимо для систематической историографии и не может дать.

§ 3. Двуплунтныа объектнолуги и субъектнолуги в историческом процессе

Именно здесь лежат водораздел в подходе к пониманию предмета истории в марксистской и буржуазной науке. Коренное отличие марксистского понимания предмета исторической науки заключается вовсе не в том, что марксисты, как утверждают эти буржуазные критики, якобы приписывают или вовсе игнорируют значение человеческого фактора в истории. Трудно найти другое объяснение в адрес материалистического понимания истории, столь же несправедливое, сколь

¹¹ См. Афеянцы В. Н. Эволюция теоретическую основу школы „Анналы“ // Вопросы истории 1981 № 9. С. 98.

¹² George F. Kurtin, *From and Beyond* // The American Historical Review 1984 V. 89 N. 1. P. 2.

ки распространяемые. В действительности, основоположники научной коммунизма неоднократно подчеркивали, что именно человек является главным деятелем истории. Известная формула, гласившая, что история есть *«деятельность человека»*¹³, четко указывает на место, которое занимает человеческий фактор в марксистском понимании развития истории.

Важно отметить, что эти формулы отнюдь не являются простой декларацией. Конкретные исторические произведения основоположников марксизма, такие, как *«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»*, *«Восемнадцатое броюера Луи Бонапарта»*, *«Христианские войны в Германии»* и др., насыщены яркими образцами людей, и противоборстве идей, стратегий и действий которых и вершились сама история. Собственно, изображение деятельности исторически личностей и составляло главную установку этих трудов.

Таким образом, принципиальное своеобразие марксистского понимания предмета истории вовсе не в том, что она приобретает изучением исторической деятельности человека. Оно состоит в том, что материалистическое понимание истории впервые открыло возможность последовательно научного объяснения этой деятельности. В отличие от распространяемых на Западе субъективистских трактовок, описывающих деятельность от не материальных предпосылок и условий, марксизм указывает на определенном историческом рынке этой деятельности, которые определяют различия личности от ее характер, идеи и результаты.

Тем самым важнейшей предпосылкой научения исторической деятельности человека является исследование обстоятельств, при которых она совершается. Смысл же эти обстоятельства объективны во своей природе. Подчеркивая эту диалектику субъективного и объективного в историческом процессе, К. Маркс писал: *«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, в которых непосредственно выносятся условия, подымы бы и перешли от прошлого»*¹⁴.

Объективность К. Марксом диалектически соотношения объективного и субъективного факторов в общественном развитии составляет важнейший отправной пункт анализа всего комплекса историей, отнесшихся к определенным предметам исторической науки. Его содержание образует исследование двух

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 3-е изд. Т. 2 С. 162

¹⁴ Там же. Т. 8. С. 119

взаимосвязанных проблем, определяемых как: 1) закономерности общественного развития и 2) историческая деятельность человека. Для истории марксисты взаимосвязать эти проблемы считают, что изучение исторической деятельности людей будет лучше вводиводным лишь в свете исследования закономерностей общественного развития, так как она в немалой степени ими определяется. Воплощая в себе материальные условия жизни общества, эти закономерности выступают объективный фактор исторического процесса.

С другой стороны, марксисты всегда подчеркивали активную преобразующую роль исторической деятельности людей. Определены предметы исторической науки предполагает выяснение подлинного характера взаимодействия между этой деятельностью и объективными законами общественного развития.

Поскольку всякое явление, представляющее интерес для истории, выступает результатом этого взаимодействия возникает вопрос о мере сочетания общего и особенного в круге вопросов, составляющих предмет изучения истории. Ибо общие воплощают объективные законы общественного развития, в особенном — историческая деятельность человека. В противуположность характерному для буржуазной историографии преувеличению значения особенного в марксистской науке всегда подчеркивались определяющая в исследуемом счете роль общего в познании конкретного многообразия исторической действительности. Соответственно этому и в исследовании предмета исторической науки, и в историографической практике делается упор на познание закономерностей общественного развития, выяснение которых дает ключ к пониманию „особенного“ и „вариантного“ в каждом историческом явлении.

§ 4. Исторический материализм — теоретико-методологический фундамент марксистской исторической науки

Заслугой марксизма является теоретическое и конкретно-исследовательское обоснование необходимости изучать историческую деятельность людей в органическом единстве с исследованными социальными и экономическими структурами, в рамках которых она протекает. Только такое понимание предмета истории сделало возможным действительно научное изучение прошлого человеческого общества, позволяя обнаружить в его беспредельном многообразии общие закономерности и ведущие тенденции исторического развития. Научная плодотворность

такого понимания убедительно подтверждается лучшими достижениями марксистской историографии.

Таким образом, в своем своем предмете история сближается с социологией (историческим материализмом)¹¹. Такое сближение закономерно, поскольку оно способствует взаимному обогащению объема дисциплины Социология, изучая общие законы развития общества, неизбежно вторгается в сферу истории, так как только на ее материале эти законы могут быть доказаны. Историк, со своей стороны, обращается к категориям исторического материализма, раскрывая с их помощью глубинное содержание изучаемых им явлений и процессов. Особенно перспективными в научном отношении являются области, затрагиваемые между историей и социологией. Работы на стыке этих дисциплин, в которой апробируются методы как истории, так и социологии, открывает большие возможности для изучения диалектики общего и особенного в ее конкретном-историческом воплощении и обнаружения на этой основе закономерностей исторического развития.

Выражением близости истории и социологии является обязательное присутствие в исторической науке социологического элемента. Всякое, даже самое эмпирическое изучение истории опирается на определенную совокупность теоретических представлений о характере исторического процесса, его движущих силах и т. п., которые обосновывает та или иная социологическая теория. Теоретико-методологическим фундаментом марксистской исторической науки является исторический материализм. Он выступает в отношении исторического познания в качестве общей теории и методологии, формирующей всеобщие принципы подхода к осмыслению конкретных исторических явлений и процессов.

Эти принципы играют роль общих методологических ориентиров в безбрежном океане событий прошлого, позволяющих обнаружить объективные связи между ними, установить определенные закономерности в той области, которая на первый, поверхностный взгляд представляется сферой произвольной деятельности человека. Лишенная таких ориентиров, история превращается в унылую бессистемную опись того, что было в прошлом. Какой бы частной проблемой ни занимался историк, он неизбежно должен обращаться к общесоциологи-

¹¹ Конечно проблема взаимоотношения истории и социологии не всякой последней сводилась бы к сближению, изучающую историю функцию социологии в развитии общества. В «Исторический Материализм» различие уровня конкретной социологии так-же не рассматриваются.

ческим категориями для ее осмысления или определенного звена исторического процесса, ибо только в таком контексте может быть до конца понято ее объективное значение.

...Задача науки заключается в том, — подчеркивал К. Маркс, — чтобы вылилось лишь выступившее в явлении движение сущности к действительному внутреннему движению.¹⁰ Прямейательно к изучению истории человеческого общества эту задачу можно решить лишь обратившись к общим законам его развития, открытым и обоснованным историческим материализмом. Руководствуясь этими законами, историческая наука впервые получила возможность раскрыть действительные факторы, объясняющие движение человеческого общества с начальных шагов его становления вплоть до сегодняшних дней, и тем самым установить объективные рамки для осмысления бесчисленного количества многообразных явлений, составляющих это движение.

Особенно важной для исторической науки является основополагающая категория исторического материализма — категория общественно-экономических формаций. Она служит историку своеобразным компасом, позволяющим ориентироваться в бесконечном мире исторической эволюции. Руководствуясь этой категорией, историческая наука получила возможность осмыслить общественный процесс в его целостности и поступательном развитии. Ведь формация, по определению К. Маркса, есть ... общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным типичальным характером.¹¹ Вся исторический процесс представляет собой последовательную смену таких формаций согласно закону обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Вследствие этого объективно-экономическая формация является для историка марксиста важнейшей категорией, с которой он непосредственно имеет дело в своей практической работе. Каким бы конкретным явлением ни изучал историк, он научное понимание прями связно с его способностью вычлнить из формальной или прикладности. Такое вычлнение составляет необходимый исходный пункт марксистского знания изучаемого исторического явления. И чем более сложным и противоречивым выступает данное явление, тем важнее его формальный анализ, необходимый не только раскрыть его существенное содержание, но и определить тенденции дальнейшего развития.

¹⁰ Маркс К., *Сочинения* Ф. Соч. 2-й том. Т. 21, ч. 1, с. 341.

¹¹ Там же, Т. 6, с. 443.

Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях явилось объективной основой для научной периодизации всемирно исторического процесса, а следовательно, и для понимания существенного содержания каждого исторического периода. Именно категория общественно-экономической формации объединяет историческому познанию необходимую целостность при изучении огромной массы разнообразных явлений, образующих в своем причудливом перелетении реальную ткань исторического процесса. Формация охватывает все стороны жизни общества в их диалектической взаимосвязи. Основываясь на определенном способе производства, она включает в свою структуру не только экономические, но и соответствующие им социальные отношения, политико-юридическую и идеологическую надстройку, а также определенные формы быта, семьи, образа жизни. Благодаря этому марксистская историческая наука получила надежный масштаб для оценки изучаемого явления, его сопоставления с другими, включения в общую историческую перспективу.

§ 5. Опасность чрезмерной социологизации истории

Выдавшееся значение для исторического познания категорий исторического материализма не освобождает, однако, историков от необходимости разрабатывать собственный методологический аппарат, или, говоря словами М. А. Барга, „систему категориального знания, находящуюся на „полпути“ между общими законами и категориями исторического материализма, с одной стороны, и исследовательской методикой историка — с другой“¹¹. Эта категориальная система, разумеется, исходит из фундаментальных положений исторического материализма, но вместе с тем, будучи ориентированной на изучение конкретной исторической действительности, она имеет самостоятельное значение, не сводимое к содержанию общесоциологической теории. Разработка такой системы является одной из самых актуальных задач исторической науки, составляя важную предпосылку замысливая ее теоретического уровня. Но успешное решение этой задачи предполагает необходимость четкого уяснения специфики предмета истории, ибо эффективность всякой теории прямо зависит от того, насколько адекватно она отражает существенное содержание своей науки.

Между тем близость истории и социологии порождает здесь свои трудности. Общее между ними подчас гипертрофируется

¹¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки М., 1964 С. 34.

до такой степени, что исчезают всякие качественные различия между предметами обеих наук. В заостренной форме такую точку зрения выразил известный советский ученый Б. Ф. Поршнев, вообще отказываясь «привести какую-либо дилемматическую линию между историком и историком-социологом в том смысле, что последний разрабатывает, исследует социологически законы, а историк — нет». Углубленная функция исторической науки в открытии истинности общественной истории Б. Ф. Поршневым рассматривалась всякое конкретно-историческое исследование как некий эксперимент на пути создания общесоциологических построений и устанавливал между учеными, занимающимися социологическими проблемами, и теми, кто проводит конкретно-исторические исследования, такое же соотношение, какое существует между физиками-теоретиками и физиками-экспериментаторами¹⁹.

Несправедливость такого взгляда убедительно демонстрируют конкретно-исторические труды советских историков, а тем числе и самого Б. Ф. Поршнева, которые характеризуются мастерскими исследованиями реальной исторической действительности во всем ее неповторимом своеобразии и в то же время никогда не являются простым «экспериментом» в созданном общесоциологических построений, обладая всегда самостоятельным значением. Достаточно вспомнить его известные исследования о Франции, впервые в исторической литературе описавшие действительный ритм классовый борьбы во французском обществе первой половины XVII в.²⁰ Конечно, этот замечательный труд внес свой вклад в обоснование и развитие общесоциологической теории феодализма. Но было бы ошибочным только к этому сводить его место в науке. Он имеет большое значение именно как самостоятельное исследование (в отнюдь не эксперимент!), не только исследовавшее сложную картину народной борьбы во Франции первой половины XVII в., но и раскрывшее социальную природу такого важного исторического явления, каким были Франца.

Такой же характер носят и другие значительные произведения марксистской историографии, убедительно свидетельствующие о том, что история имеет свой собственный предмет. Не сводимый к предмету никакой другой науки, в том числе и социологии. История же является самостоятельной дисциплиной со-

¹⁹ См.: История и социология С. 153—154.

²⁰ См. Поршнев Б. Ф. Борьба крестьян во Франции первой половины (1623—1648). М. Л., 1948.

эволюции, и степень ее зрелости не может измеряться одной только мерой ее „самодовольства“. В системе марксистского обществоведения обе эти науки, издаваясь в организационной сфере, взаимно дополняют и обогащают друг друга. Каждая из них владает человеческое общество в диалектической совокупности составляющих его связей и отношений. Единство объекта исследования образует реальную основу плодотворного взаимодействия истории и социологии.

Это, однако, не означает нерасчлененность предмета этих наук. Нельзя также искать демаркационной линии между ними во времени²¹. Подлинно научная теория общества предполагает глубокое осмысление не только его современного состояния, но и всего предшествующего развития вплоть до древнейших истоков. Достаточно сказать, что открытые основоположниками научного коммунизма законы общественного развития, как и все из социологической теории, являются результатом обобщения огромного исторического материала. Каждая категория марксистской социологии получила детальное историческое обоснование, и в этом ее сила. Ибо впечатления из странной истории социальная борьба человеческого является критерием истинности всякой социологической теории.

С другой стороны, со времени античности историческое никогда не ограничивалось изучением прошлого. Уже Геродот и Фукидид выдвигали в центр своего исследования современность (у первого это были греко-персидские войны, у второго — Пелопоннесская война). На разных этапах развития исторической науки соотношение между современностью и прошлым в кругу научных интересов исследователей не являлись одинаковыми, но никогда в историографии не было резкой границы, отделяющей изучение прошлого от изучения настоящего. Интерес в настоящему особенно характерен для современного состояния исторической мысли, когда все большей уделяемый вес в исторических исследованиях занимает изучение проблем современности. А в разных языках появились специальные термины для обозначения современной истории. Нельзя поэтому согласиться с формулировками, которые идентифициру-

²¹ Тем, несомненно исследователями П. Бобровский выдел различие между историче и социологией по существу лишь в том, что первая преимущественно в прошлом проблемы, которые преимущественно в современном обществе занимается историей (см. Bobrowski S. *Historical and Sociological Studies* В., 1967, S. 53—56). Аналогичная точка зрения имеет место и в советской литературе См. например Гельман А. В. *Эволюция истории* М., 1974 С. 30

принимать на прошлом как предмет истории, исключают из нее целые районы. Это особенно в современной науке все более возрастает.

Смещение предмета истории в социологию создает опасность „социологизирования“ истории в дурном смысле этого слова, появившаяся в историографической практике Грудов, в которой социологическая схема омертвляет реальную историческую действительность, стирает ее крайние моменты, индивидуальную неповторимость ее конкретных приложений, обезличивает историю. В таких работах истории становится безличной, в место реальных людей с их реальными чувствами, мыслями, делами вводятся мистифицированные социологические категории, выступающие в одинаковом облике в самых разнообразных исторических ситуациях.

Особенно недопустимы также схематизация истории в учебном процессе, когда яркий, живой рассказ об исторических событиях и участвовавших в них людях подменяется общими рассуждениями, разбавляемыми некоторыми количественно историческими данными, а именно. Даже правильные ссыла по себе, они не в состоянии передать все многогранное богатство действительного исторического процесса, создавая в то же время превращение представления об истории как дисциплине легкой, скучной и бесполезной. Реальность части исторического процесса обезличивается, а в малочисленные уцелевшие угадываются стереотипы, подобные шифротипной трактовке крестьянских восстаний при феодализме: крестьяне жили тяжело, их положение все ухудшалось, наконец, оно стало невыносимым и крестьяне восстали; они герметически сражались, но их силы были раздроблены, отсутствовала четкая программа борьбы, господствовали шарлатанские мастера, не было класса-гегемона, вследствие чего восстание было жестоко подавлено, но оно расшатало устой феодализма и т. д. и т. п.

Такие стереотипы в сочетании с двумя тремя сопоставительными фактами и мыслями могут вызвать положительную реакцию на человека, но они никогда не в состоянии заменить подлинное знание истории, в которой каждое событие обладает своими индивидуальными особенностями, принадлежащими ему неповторимый облик. Сложность, во вместе с тем и притягательность истории как науки в том и состоит, что она, выявляя многообразие общественного развития, устанавливая моменты повторяемости в истории, вместе с тем подчеркивает каждое историческое явление, каждую историческую личность как индивидуальное своеобразие и уникальность. В противном случае она казавшаяся бы тро-

стейшим кибереПическое устройство, в которое социолог выдвигал бы определенную программу, в которой промышл на этой основе свои расчеты.

§ 6 Дилектика общего и особенного в Историческом процессе

Действительное соотношение между историей и социологией может быть понято из диалектики общего, особенного и единичного в историческом процессе. Социологи интересуют общим законом развития человечества, движущие силы общественного процесса, общий смысл исторического движения и его основные этапы. В центре внимания социологи все карты исторического процесса, вчитая в ее существенном содержании, главная его задача — постижение истории человеческого общества в неразрывном единстве всех временных состояний — прошлого, настоящего и будущего.

Историки интересуют более ограниченные цели. Предметом его исследования всегда, даже в том случае, когда его внимание привлекает всемирная история в ее целостности, являются конкретные события и процессы, взятые в определенных пространственно-временных координатах. Даже когда историк исследует не отдельные события, а изучает историю какой-либо страны или всего человечества, он прежде всего имеет дело с конкретным в своем пространственно-временном характеристиками явлениями, отсылающими к истории этой страны либо к человеческому обществу в целом.

Потому, в частности, неотъемлемой чертой исторической науки является описательность. Она — не вынужденное то, которой приклетит прибегать в силу того, что предметом исследования историка могут быть конкретное событие, в какой-либо момент данного водитию исторического последования, или без описательности нет и самой истории как рассказ о развитии человеческого общества. Попытка достигнуть из истории описательность означает не деле умерщвление истории, лишение ее индивидуальности действительно выполнять свою социальную функцию. Присутствующий во всяком историческом произведении описательный материал не только сообщает необходимую документальную силу выдвигаемым в нем положениям, но и способствует их обратному усвоению.

В научном смысле без описательности невозможно ни воссоздание действительного водитию исторического развития человеческого общества, ни тем более ее конкретизация. Человечество может иметь свое прошлое водитию и только, несколько истори-

ческая наука в состоянии описать составляющие это прошлой существенные события.

Исполнение этого исторического события является одной из важнейших категорий исторической науки. Ведь исторические события составляют в своей совокупности живую ткань исторического процесса. Вне их нет самой истории. «Исторический мир, — подчеркивает А. И. Давыдов, — мир событий. Там, где их нет, нет и изменения, движения, развития, а следовательно — и истории как деятельности». Именно в событиях воплощается историческая действительность людей, их экономические, социальные, политические и всякие другие связи и отношения.

Но никакое событие нельзя целиком свести к математической модели или теоретической формуле. Изобразить историческое событие значит его описать. Конечно, такое изображение предполагает теоретические осмысления, а там, где это возможно и нужно, — и математическое моделирование, но без omission того, что произошло, нельзя вообще воссоздать образ изучаемого события. Только благодаря описанию историческая наука может реконструировать и сохранять в общественном сознании важнейшие исторические события в их индивидуальной неповторимости, как и весь исторический процесс в его конкретном многообразии.

Органически присущий исторической науке элемент описательности обуславливает форму, в которой она отражает свой предмет. Историческое описание предполагает историческое повествование. Оно бы так писал историк, будь это ход военных действий между двумя враждующими государствами или сложный переход социально-экономических и идеино-политических процессов, он рассказывает о своем предмете исследования.

Однако сущность исторического изображения не сводится к повествовательной форме. Историк в повествовательной форме излагает результаты проведенной им работы, которая, как и всякая научная работа, включает в себя моменты анализа и синтеза, предполагает установление за определенными рядами фактов некоторой закономерности, ими управляющей. Очевидно, что решение этих задач не может быть достигнуто лишь простым повествованием историка об интересующем его предмете. Его рассказ представляет собой концентрированный продукт исследования, создаваемый с помощью приемов субъективности различных приемов и средств научного познания истори-

¹⁰ Давыдов А. И. Историческое событие в исторической науке // Страницы жизни М., 1980. С. 16.

ческой действительности Будучи по форме повествовательной, он по существу своему является повествованием, раскрывающим и разъясняющим определенные закономерности исторического развития Вот почему является несостоятельным распространение на Западе противопоставления событийной истории так называемой структурной, или научной. Подлинно научная история является вместе с тем и историей событийной.

Двадцатилетняя форма и содержания исторического изображения открывает диалектическое единство частного и общего в истории. Преждевременно важно упомянуть положение об объектом как предмете исторической науки. Откуда же всякое особое имеет историческое значение и заслуживает поэтому внимания историка. Особенно представляется для историка интерес лишь постольку, поскольку в нем отражаются общие и его более или менее существенных черты, а само оно составляет определенное звено в общем процессе. Когда мы говорим, что то или иное событие является историческим или имеет историческое значение, мы имеем в виду, что оно оказало свое влияние на современное ему и последующим общественное развитие. Степень и масштабы этого влияния определяют черту значимости такого события и, следовательно, интерес к нему исторической науки.

В Древней Греции, например, было бесчисленное множество больших и малых военных столкновений. Но только очень немногие из них стали постоянным историческим наукой. Они интересуют историка в силу их исторической значимости, того влияния, какое они оказали на развитие событий и определенном историко-географическом регионе. Возьмем в качестве примера Пелопоннесскую войну. В этом событии, безусловно индивидуальном, особенном и неповторимом, являются вместе с тем некоторые существенные моменты, выходящие за рамки данной индивидуальности, которые главным образом и вызывают в ней наш научный интерес. В Пелопоннесской войне отразился целый комплекс противоречий греческого рабовладельческого общества V в. до н. э. В свою очередь, она их нам более обострила, обожорила основы существовавшего в греческом полувосточном порядке и в политическом смысле длительным социально-политическим катаклизмом в Древней Греции, упадку греческой рабовладельческой демократии. Но тем самым Пелопоннесская война как исторический факт не может получить научное объяснение будущим рассматриваемым сами по себе, изолированно или даже в простой связи с другими фактами древнегреческой истории.

Итак, предметом истории является особенное, которое

Мы можем определить как историческую индивидуальность, чье познание, однако, предполагает спогнессение единичного с общим. Причем суть вопроса не может быть сведена к тому, чтобы оставить изучаемый материал в области исторической науки. Необходимость этого возникает в самой реальный стороны историографии, ибо в противном случае вообще невозможно существование истории как науки. Главной задачей является в том, что для научного объяснения данного явления необходимо установить его место в общей исторической цепи, и для этого нужны теории, объясняющие существенные стороны общественного процесса.

Возвращаясь к нашему примеру, отметим, что нельзя правильно объяснить причины и характер Пелопоннесской войны не привлекая теорию античного рабовладельческого строя и более широко — теорию, разъясняющую основные закономерности функционирования и развития рабовладельческого строя. С другой стороны, эта война позволяет лучше понять процессы, происходившие в древнегреческом обществе периода его упадка, и тем самым и углубить общую теорию античного рабовладения. Так в историографической практике проявляется неразрывная связь исторического и социологического элементов.

§ 7 Историческая деятельность как предмет исторической науки

Рассматривая из изучение общественно-исторического процесса историческая наука прежде всего исследует деятельность людей, причем во времени. Если бы человеческое общество носило статичный характер не существовала бы и история как наука. Она рассматривает деятельность человека и ее результаты в развитии как последовательную цепь совершающихся во времени событий, образующих в своей совокупности единичные причинно-следственные ряды. Предметом исторического воспроизведения всегда является деятельность человека, ограниченная некоторыми пространственно-временными рамками. Всякое социальное действие, являющееся продуктом этой деятельности, включает в себя нечто целое по сравнению с тем предшествующим. Именно оно и привлекает внимание историка, стремящегося обнаружить тенденции развития человеческого общества на определенных его отрезках.

Таким образом, предмет истории составляет деятельность человека, рассматриваемая в ее развитии. Но это не пассивная объективная деятельность. В каждый человек выступает как

системная часть определенной общности — классовой, национальной и т. п. В ее рамках он осуществляет (или не осуществляет) свои цели, вступая в известную систему отношений и совершая известную сумму поступков. В этих рамках происходит все историческое развитие. Следовательно, изучение исторической деятельности человека будет научной плодотворным лишь при условии его органичной связи с выяснением закономерностей общественного развития. Иначе история представляла бы частичекое изгромождение более или менее случайных фактов, случайных в историческом известии как бы в некоторую систему не основанную тех или иных субъективных соображений.

Только признание закономерного характера общественного развития и выявление конкретных исторических закономерностей, в рамках которых осуществляется деятельность людей и которые складываются в ходе этой деятельности, составляет необходимое условие действительно научного изучения истории. Эти конкретные исторические закономерности и составляют предмет изучения марксистской науки.

{ Под исторической закономерностью мы понимаем определенную существенно необходимую связь явлений, воплощенную в конкретной исторической действительности. Можно выделить несколько черт, характеризующих в своей совокупности специфическое содержание этой важнейшей категории исторической науки.

В-первых, историческая закономерность носит конкретный характер, имеет точно определяемые пространственно-временные координаты. Нет исторической закономерности „везде“. Есть историческая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, социалистических преобразований на Кубе или любого другого существующего явления. Всякая такая закономерность является продуктом конкретных условий, складывающихся в определенном месте и времени, образуя, таким образом, необходимое звено той общей цепи развития человеческого общества, которая и составляет историческую действительность. Поэтому ее изучение является главной задачей историка-марксиста, использующего для этой цели специфические познавательные средства своей науки.

{ Во-вторых, в силу своего конкретного характера историческая закономерность тесно связана с деятельностью человека, не только накладывающей на нее свой отпечаток, но и являющейся в значительной степени обуславливающей саму возможность ее существования. Эта деятельность, воплощенная в действиях масс, классов, партий, религиозных и иных организаций, а также отдельных личностей, является потому и частью творческой

характер, что она „делает историю“.) Историческая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, например, в решающей степени связана с героической борьбой российского рабочего класса, неустанной организующей деятельностью большевистской партии, с творческим гением В. И. Ленина. Эти отдельные и их неразрывное единство привели к победе Октября, обуславливая всю историческую индивидуальность.

Историческая деятельность человека — пример „сложности“ истории, несводимости ее реального содержания к схеме самой верной схеме и чем шире масса людей, вовлеченных в прямое историческое действие, чем активнее их роль, тем сложнее и своеобразнее конкретные результаты их деятельности, выражаемые в той или иной исторической закономерности. „История вообще, — подчеркивал В. И. Ленин — история революций и частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разнообразнее, живее, „дырнее“, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революции осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения все человеческие способности, сознание, волю, страсть, фантазия десятков миллионов, подвешиваемая самой острой борьбой классов“²¹.

Наконец, в-третьих, историческая закономерность включает в себя объективный элемент, определяющий рамки исторической деятельности людей. Присутствие творческого характера этой деятельности не только не снижает, но и прямо предпосылает в марксистской науке вопрос о ее объективных предпосылках, коренящихся в материальных условиях жизни общества. Всякая историческая закономерность является сложным продуктом действия объективного и субъективного факторов, в результате чего они образуют предмет изучения истории. Если содержание второго из них ведет к сдвигу в изображении истории, то пренебрежение первым оборачивается волюнтаризмом и субъективизмом. Рассмотрение исторической деятельности людей в отрыве от объективных ее предпосылок и условий, в которых она совершается, неизбежно ведет к отрицанию закономерного характера общественного развития, к превращению истории в хаотическое сочетание случайностей и ошибок.

В числе этих предпосылок и условий первенствующее положение принадлежит материальной стороне исторического про-

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41. С. 10—11.

расся Лавра живут и действуют влившись в известную систему
произвольно-жизненно-рассятых отношений, которая прямо или
посредственно определяется как из цели и задачи, так и способы
и средства их осуществления. Тем, социалистическая революция
в России была подготовлена острою империалистическою про-
тивоборьбою, усугубленных пережитками крепостничества и гнет-
ным царизма. Объективно сложившиеся на стадии империализ-
ма материальные предпосылки для замены капиталистических
производительных отношений социалистическими в преобразование
России в наиболее слабое звено международного империализ-
ма, узловой пункт его противоборьбы обуславливали перемещение
силы центра мирового революционного движения. Это опреде-
лило как задачу, поставленную перед российским пролетариатом
так и пути ее решения, требования создания партии нового
типа как боевой революционной организации рабочего класса,
что и было сделано В. И. Лениным и его соратниками. В этом
организмическом соединении объективных предпосылок и субъек-
тивной деятельности и воплотилась историческая закономер-
ность Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак, на основе всего сказанного мы можем следующим
образом определить предмет марксистской исторической науки.
История исследует конкретные, ограниченные определенными
пространственно-временными рамками, закономерности обще-
ственного развития, связанные с деятельностью людей (истори-
ческие закономерности), а также объективные предпосылки
и результаты этой деятельности.

Таким образом, интерес историка распространяется как
на объективную, так и на субъективную сторону общественно-
го процесса. Диалектическое единство этих сторон в реальной
действительности требует от исторической науки рассмотреть
их в органическом единстве. Естественно, что в конкрет-
ной историографической практике разные ученые в зависимости
от круга своих научных интересов могут обращать преимуще-
ственное внимание на одну или другую из них. Однако полно-
но научное изучение исторической действительности достигнет-
ся лишь тогда, когда в научной работе учитываются обе ее сторо-
ны, независимо от того, какая из них вызывает интерес учено-
го. Нельзя, например, претендовать на научное освоение дея-
тельности исторической личности, не обращаясь к материальным
объективным закономерностям, в рамках которых она соверша-
лась. Но точно так же невозможно исследовать природу и харак-
тер объективной исторической закономерности без изучения
непосредственно влияющей на ее формирование деятельности
людей, социальных групп, коллективов людей, отдельных лич-

ностей. Вся отсюда изучение многообразных форм исторической активности масс, равно как и ее результатов, составляет специфическую черту истории как науки и должно быть отмечено в самой формулировке ее предмета исследования.

Категория исторической закономерности занимает ключевое положение в системе исторического познания, поэтому она требует специального рассмотрения.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

§ 1. Современная буржуазная наука о законах истории

Обоснование законосообразной природы общественного развития вошло оживило на крупнейшим законодателем европейской научной мысли нового времени. Органически связанное с признанием поступательного характера исторического процесса, оно стало выражением исторического оптимизма общества, уверенного в своем будущем. Утрата этой уверенности, наступившей в обличии критиком капитализма, выразилась в буржуазной науке в радикальном переосмотре прежних взглядов на историю. Идея прогресса, в вместе с ней и положение о закономерном характере общественного развития стали первыми жертвами кризиса буржуазной исторической мысли как следствия общего кризиса капитализма.

На протяжении всего XX века решительное отрицание законов истории являлось важнейшим аргументом буржуазных идеологов в борьбе с марксистским учением об общественно-экономических формациях и ее поступательной смене. Утверждая архаичный характер исторического процесса, в котором царит непреложный случай буржуазные теоретики доказывали невозможность научного предвидения в области истории, ибо «в истории нет общих законов... и история не может предвидеть»¹.

Этой же цели служит и наиболее распространенное в современной западной науке отрицание исторического детерминизма, т. е. учения об объективной и закономерной причинности в

¹ *Macnicke A. The Nature of History*. N. Y., 1971. P. 126-127.

и жимобусловленности исторических явлений и процесса. Откровенно раскрывая классовую сущность и крайнюю направленность этой формы, голландский историк П. Гейл еще в 1960-е годы писал, что исторический детерминизм является «опасным заблуждением», поскольку он порождает «нечеловеческую аморальную жестокость» у противников капиталистического строя и «парализующую бессильность» его защитников¹. Пусть не столь откровенно, но не менее решительно выступал против детерминизма в истории и большинство современных буржуазных авторов. С нескрываемым удовлетворением констатирует крушение моделей исторического детерминизма в новейшей западной историографии авторитетный американский ученый Л. Стоун, подчеркивая, что связанное с этим «возрождение нарратива» означает на Западе «конца определенной эры эры попыток взглянуть святые научные объяснения в прошлое»². Другой американский ученый — Э. Брей-нх прямо утверждает, что детерминистская историческая теория «все более и более идет вразрез с западной мыслью»³.

Но поскольку исторический детерминизм базируется на признании закономерности общественного развития, его критика предвещает отрицание законов истории. «В немарксистской историографии... подчеркивал известный западногерманский методолог К. Г. Фолер, — распространено сопротивление против гипотезы о закономерности в истории, которая является предпосылкой каузального объяснения»⁴. Идеиный смысл такого «сопротивления» очевиден. Поэтому, даже когда буржуазные историки говорят о законах в истории, на обиходные концепции исторического процесса остается неизменной Ибо «законы», о которых ведется речь, это абстрактные законы формальной логики, психологические и биологические законы либо правила, которые редуцируют процедуру познания и по сути своей не могут претендовать на выявление ведущих тенденций и закономерностей исторического развития.

Показательно, что новейшие тенденции в развитии буржуазной историографии практически не затронули ее основными рассматриваемого вкратце. Казалось бы, рвется за научность история, буржуазные историки должны были пересмотреть свое отношение к историческим законам, так как зрелость всякой науки определяется ее способностью адекватного пости-

¹ См.: Geyl P. Die Diskussion über Fada. Darmstadt 1968 S. 245.

² Stone L. The Past and the Present Boston, L. Hanley, 1981. P. 93.

³ Breinh K. Historiography. Ancient Medieval, Modern Chicago, 1983. P. 123.

⁴ Folter K. G. Theorie der Geschichtswissenschaft München, 1972 S. 77.

жизни законной, управлению предместом ее исследования. В действительности этого не произошло. Характерно, что в книге, посвященной итогам развития американской историографии в 70-е годы и усматривающей дальнейшую его черту и быстрый прогресс так называемой новой научной истории, нет и речи о таком пересмотре. Более того, один из ее авторов, выражая уверенность, что благодаря быстрому росту количественных специальных исследований „история может стать по крайней мере отчасти наукой“, сделал необходимым специально отметить, что под наукой здесь понимается „не то, что историки обнаружат универсальные законы, но просто то, что они установят согласие по ряду важных, хотя и узких фактов“⁷⁶ и т. п.

Впрочем, о законе жизни может идти речь, если в этой же книге утверждается, что „силы страсти и иррациональности штурмуют нас в нас самым настоятельным и непрерывным историком, что их невозможно отрицать“⁷⁷, и „растущее понимание иррациональных элементов в истории и поведения человека“ признается „одной из самых привлекательных тенденций в современной исторической мысли“⁷⁸.

§ 1. Исторический закон как особый тип общественных законов

В противоположность формализм-гегельским и субъективистским концепциям марксисты последовательно обосновывают положение о закономерном и прогрессивном характере исторического процесса. Также обоснование является настоятельной задачей марксистов на общественных наук, в том числе истории. Реальная историческая действительность настолько сложна и противоречива, настолько разнообразна сила и их причудливые комбинации определяют каждую данную историческую ситуацию, настолько эти ситуации быстро, и порою и внезапно меняются, что простое приращение к истории общих социологических законов чревато опасностью ее сгущения.

Жизнь жизни, как любит повторять В. И. Ленин, сложнее любого закона. Поэтому я объяснять ее необходимо исходя в первую очередь из нее самой. В противном случае неизбежен догматизм и подлоде к истории, а следовательно, и исключение ее, что в конечном счете ведет к дискредитации самой идеи

⁷⁶ Kossmin J. M. Quantitative Social-Scientific History // *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States*, Ed. by M. Kammen. Иск., Л., 1983. P. 446, 48, 30.

⁷⁷ *Lockwood P. Psychohistory*, // *The Past Before Us*, P. 409.

⁷⁸ *Kammen M. The Historian's Vocation and the State of the Discipline in the United States*, // *The Past Before Us*, P. 39.

экономического детерминизма, равно как и лежащих в ее основани-
иши общия социологических законы

Одним из наиболее ярких и поучительных примеров такого
догматического подхода является распространения в совет-
ской исторической литературе 30-я — начала 50-я годов попыт-
ка объяснения перехода от античности к средним векам в Запад-
ной Европе с помощью известной сталинской формулы о „ре-
волюции рабов“, упрощенной рабовладельческой Рим и от-
менившей рабладельческую форму эксплуатации. Стремление
приложить эту формулу к истории поздней Римской империи
неизбежно вело к огрублению этой последней. Поиск „рево-
люции рабов“ оборачивался искажением действительной кар-
тины социальных отношений и социальной борьбы в Империи,
а тем самым и дискредитацией фундаментального социологи-
ческого закона о социальной революции как способе перехода
от исторически сложившей себя общественно-экономической
формации к более прогрессивной.

Дело даже не в том, что этот закон неприменим к объ-
ективно переходу от рабовладельческой формации к феодаль-
ной. Главное — как следует применять этот, да и другие социоло-
гические законы к конкретной исторической действительности.
Ведь, как справедливо подчеркивает А. В. Гулыга, „ни из одно-
го общественного закона нельзя вывести дедуктивным путем
ни одного факта мировой, конкретной истории“¹⁰.

Между тем в советской философской литературе до настоя-
щего времени встречается точка зрения, согласно которой
задача исторической науки сводится к изучению проявления
действия общих законов в истории данного конкретного обще-
ства. Обосновывая эту точку зрения, В. Ж. Келли и М. Я. Коваль-
зон утверждают: „... историческая наука исследует особенности
перехода к капитализму в отдельных странах, показывая, как
в различных конкретных условиях проявляются общие законы
становления и развития этой формации“¹¹.

Приведенный пример, однако, как раз показывает явную
необстоятельность такого понимания задач исторической науки.
Опираясь только общими формационными законами, историки
не смогут раскрыть своеобразие становления и развития той
или иной общественно-экономической формации в определен-
ных конкретных условиях. В особенности же им будет трудно
объяснить многообразие вариантов, существующих в рамках

¹⁰ Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 72.

¹¹ Келли В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история (Прошлые теории
исторического процесса). М., 1981. С. 269.

данной формации, разные теории из исторического развития. Основываясь, например, только на общих законах развития капиталистической формации, нельзя удовлетворительно объяснить, почему капитализм произойдет существовать в какой-либо стране, где давно уже поразили общественные производящие силы перешли к социализму. Конечно, можно вкратце объяснить сказать, что в этих странах не сложились субъективные предпосылки для социалистической революции, но суть вопроса именно в том, чтобы показать, почему, в силу каких конкретных исторических причин в каком ряде развитых капиталистических стран оказались субъективные предпосылки социалистической революции, почему именно эти страны имеют соответствия их объективным ¹ предпосылкам.

На этот вопрос в данном ответе историческая наука конкретным исследованием конкретных обстоятельств, объяснения почему такой путь развития. Но она не сможет успешно это сделать, если попытается показать конкретные материальные классические общия социалистических законов. И в том, а во всех других случаях обращения исторической науки и науки конкретной социальной действительности необходимо предельно высокой эффективности такого метода является общими объективными капиталистическими структурами, способным обобщать конкретный исторический материал на уровне исторической теории.

В марксовской науке такая теория является необходимыми конкретными законами между общими законами исторического развития социальности, реализованная в развитии исторического материализма, и конкретной социальной действительности. Она необходима именно потому, что эта действительность сложное любого другого правового закона, а социальность, а те обобщения представляют собой теоретический уровень, чем уровень социального закона. Разумеется, отсюда не следует ни произвольности исторической теории социалистической, ни отдаления ее к той последней. Она опирается на конкретную социалистическую теорию, но в то же время вырабатывает общие законы, отвлечен от социалистического, применительно именно на научные исследования исторической теории. В той такой образом выстраивается та действительность как единство и целостности, которое характеризует историю как особую форму научного познания.

Историческая теория должна обобщать конкретный объект исследования истории. Будь это современные капиталистические процессы в странах Центральной Америки, или «дворец культуры» капитализма и востоку от Эльбы в колониальном обществе,

или любая другая конкретное историческое явление. Такая теория, базируясь на фундаментальных принципах исторического материализма, содержит верную с точки познания, объективную именно при анализе данного явления.

«Второе издание» капитализма, например, не было интерпретировано только социологическим методом. Если бы только считать его социологическим методом в процессе от философии к капитализму во всемирно-историческом масштабе, равно как и в общей логике развития мировой общественно-экономической формации. Речь здесь идет о конкретном историческом явлении, выходящем к анализу индивидуальным способом событий, происходящих в духе культурных процессов исторической теории капитализма в Восточной Европе и быстрый рост городов в условиях процесса капиталистического отмирания, что привело к увеличению уровня и структуры производства и историческому доминированию в Западной Европе и обуславливая в своем развитии функциональные к востоку от Эльбы крепостного барства² социальности, ориентированной на развитие своей производительности.

Конечно, понятие исторической теории является категорией исторической науки как необходимого существования, устойчивого, характеризующего отношения между конкретными явлениями, образующими историческое сложение исторических структур. Ориентированная на теоретическое осмысление результатов исторической действительности в ее конкретном историческом явлении, она является исключительным социальным предметом исторической науки, изучающей эту действительность.

Нельзя поэтому отождествлять с капитализмом, историческим и современной философской методологии, отвлеченным способом изучения общих исторических законов, отвлеченным от законов социальности. Обобщения эти взгляды В. В. Петрова имеют историческая действительность — это социологическая социальная действительность, состоящая из таких конкретных явлений, как капитализм, общественно-политическая, духовная. Конечно, не так складывается его обобщение, так в социологическом анализе этого складует, что не может быть особым историческим явлением, поскольку вся та конкретная область, на базе которой она могла бы развиваться.

¹ См. Славян С. Д. Очерки по истории капиталистического строительства в странах Азии М., 1963, С. 276-316.

² Дворец В. В. Петрова в исторической науке. Минск, 1981, С. 274.

См. также: Амосов Г. К., Кургинев А. К., Дворец В. В. Петрова: новые проблемы исторического познания М., 1981, С. 244-263.

Необходимость этого взгляда заключается уже в том, что он базируется на реальной практике, будучи не случайной предельной областью где действуют в действительности исторические законы. Как мы могли убедиться, такая область она и представляет для предмета исторической науки сферу конкретных исторических закономерностей. Эти особая область научного знания, требующая для своего изучения соответствующий промежуточный аппарат, наиболее место в котором представляется историческому мышлению. Подобно тому как историческая закономерность представляет собой конкретную, но именно существующую связь единичной социальной активности массы, отличающуюся от единичной особой характер своей логической закономерности, исторические законы являются законами особого рода, не сводимыми к законам социальной системы.

Для того чтобы наиболее представить своеобразные исторические законы, рассмотрим два отвлеченные от этих особенностей. Под эмпирическими законами понимаются законы, раскрывающие внутреннюю существенную связь единичной общественной жизни, рассматриваемой в целом. Они могут иметь более или менее особый характер, объяснять всю историю человеческого общества (закона соответствия производственным отношениям уровня развития производительных сил) или какую-либо ее отрезки (закона классовый борьбы), но во всех случаях это абстрактные законы, генерализирующие и абстрагирующие законы. Они раскрывают структурные связи совокупности общественных отношений и явлений, взятых в целом, но они исключительны. Всегда и всегда, в любой формации, во всяком ее стадии производственные отношения являются объективной основой для производственных сил общества. Нарушение этого соответствия невозможно ведет к конфликту между ними, превращая общественные отношения, в целенаправленный закон, быть не может.

Так же позитивно действует в любом antagonизмистическом обществе закон классовый борьбы, объективный закон, действующий на все стороны жизни этого общества и на сам характер его развития. И так обстоит дело со всеми социологическими законами, независимо от того, какой период в жизни человеческого общества охватывает его действие. Являясь во своей природе абстрактно всеобщими, социологические законы указывают во общем на направленность исторического процесса, раскрывают его необходимость и необратимый характер и вследствие этого отталкиваются от бесчисленных конкретностей его форм, скрываясь главным образом в действием субъективного фактора.

Поэтому обстоит дело с историческими законами. По своей природе они являются конкретно-всеобщими, индивидуализирующе-генерализирующими, условными (вероятностными). Это означает, во-первых, что они объясняют конкретный вид исторического процесса как продукт многообразной деятельности людей. Во-вторых, они формулируют определенные объективные эмпирические сущности, повторяющиеся связи единичных. Но сами эти явления обладают конкретно-исторической определенностью и вследствие этого несут на себе печать индивидуальности. Наконец, в-третьих, исторические законы являются для своей реализации в определенных условиях, обеспечивающих наступлении данной исторической ситуации и порождая ее соответствующий ряд событий.

Все эти отмеченные черты указывают на законсообразную деятельность субъективного фактора как исключительный признак исторического закона, отличающий его от закона социологического. Конечно, вне практической деятельности человека не может быть речи ни о каких законах общественного развития. Но социологические законы действуют независимо от воли и сознания людей. Маркс, — подчеркивал В. И. Ленин, говоря о таких законах, — рассматривает общественное движение как оставшийся исторический процесс, подчиняющийся законам, но только не зависящим от воли, сознания и измерений людей, и, напротив, определяющим их волю, сознание и поведение.¹¹

Специфика же исторического закона состоит в том, что его действие прямо обуславливается сознанием и волей людей. В этом смысле можно трактовать общественное движение в том, что, «частные люди в истории творят „дела“ (законы истории)»¹²

§ 3 В. И. Ленин об «основном законе революции» привлекая исторический метод

Наиболее представлено о природе и механизме действия исторического закона даны отрывки в обоснование В. И. Лениным исторического закона социалистической революции, который он определял как «основной закон революции».

Ленинские учения о социалистической революции базируется на социалистическом законе революции, устанавливающего ее историческую необходимость. «Для действительного освобождения рабочего класса, — писал В. И. Ленин, — необходима всеобщая и во всем развитии капиталистического способа произ-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 1, с. 164

¹² Там же т. 29 с. 211.

подвести социальную революцию»¹⁴. Решительно выступая против субъективистских-волюнтаристских представлений на этот счет, он подчеркивал, что революция может прийти лишь при наличии «предопределенных условий, являющихся закономерными и неизбежными результатами всего исторического развития определенной страны. Революция не зависит от чужаку, не производится в том или другом моменту, — указывал он, — и сопряжена с процессом исторического развития и развивается в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»¹⁵.

Здесь, таким образом, обосновывается социологический характер революции, выражающий ее историческую необходимость. Но наряду с этим В. И. Ленин различал собственно исторические законы, овладевшие которыми валилась непреложной предопределенной «эффективной революционной действительности. Сразу же отметим своеобразие ленинского подхода к ним. В его понимании эти законы, утверждающие возможность того или иного результата, но отнюдь не предусматривающие его неизбежность¹⁶.

Вследствие этого и действия исторических законов исключаются моменты непредсказуемости, который особенно рельефно подчеркивает их отличие от законов эмпириознания. Он всегда принимался во внимание В. И. Лениным при анализе перспектив революционного движения в России и во всем мире, основывавшемся на густейшем учете самой природы действия исторических законов революции. «Таких революций не бывает... — писал он, — чтобы можно было вперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы»¹⁷.

В. И. Ленин формулирует «основной закон революции», который в отличие от социологического закона указывает не на необходимость и неизбежность социалистической революции, а на условия, обеспечивающие возможность ее победы в конкретной исторической ситуации.

Что же это за условия? Для ответа на этот вопрос важнее всего имеет значение выяснение соотношения между революционной ситуацией и революцией. Как известно, В. И. Ленин обосновывал принципиальную возможность о том, что всякой революции предшествует революционная ситуация.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 6. С. 420—421.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 331.

¹⁶ См. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 82.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 3. С. 341.

и формулирует в ее основные признаки¹⁹. Наличие революционной ситуации в определенной стране означает, что здесь созданы объективные предпосылки для революции. В этом отношении она выступает как форма проявления действия стемелогического закона теории революции в конкретных исторических условиях.

Однако революционная ситуация выражает лишь возможность революции. В действительность же ее превращает революционная энергия класса, заинтересованного в коренных преобразованиях общества. Это обстоятельство специально подчеркивал В. И. Ленин, указывая, что „ни улучшение условий ни крайнее бедствие не создают еще революции. — они создают лишь гниющие страны. — если нет в этой стране революционного класса, способного превратить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания“²⁰.

Таким образом, проблема революции при наличии необходимых для нее объективных предпосылок превращается в проблему субъективного фактора, его непосредственного воздействия на развитие событий, приводящее к тому или иному результату. Здесь мы вступаем в сферу действия исторического закона, так как от субъективного фактора, т. е. расстановки классовых сил, деятельности масс, партий, отдельных личностей, в решающей степени зависит превращение возможности революции (революционной ситуации) в действительность. Это положение и получило убедительное обоснование в ленинском учении о революции, раскрывающем диалектику ее объективных и субъективных предпосылок.

Обращаясь к изучению этой диалектики к историческому опыту, В. И. Ленин устанавливает моменты повторимости в сфере действия как объективного фактора (обязательное присутствие во всех революциях данного объективных перемен в жизни общества, приводящие его на порог революции), так и субъективного, где этот момент создает (или не создает) предпосылки, от которых зависит, перерастет (или не перерастет) революционная ситуация в революцию.

В частности В. И. Ленин указывает на 60-е годы прошлого столетия в Германии, а также на 1859—1861 и 1879—1880 годы в России, когда революционная ситуация не привела к революции. «Потому, — объясняет он, — что не из всякой революционной ситуации вытекает революция, а лишь из такой ситуации когда к переизбыточному выте объективным переменам

¹⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 16. С. 218—219.

²⁰ Там же т. 13 С. 301.

Однако сильный распространённый и привычный для нас взгляд на случайность связан с деятельностью человека. Как мы уже видели, марксисты не только не отрицают роль человеческого фактора в истории, но и подчеркивают его важнейшее значение во всех сферах общественной жизни, которое отнюдь не сводится к тому, что исторические личности, равно как и события, в массе, просто выражают в своей деятельности историческую необходимость (или противостоят ей). (История не является каким абстрактным, самоделирующим понятием, отчужденным от человеческой деятельности. Без человека и без его деятельности история вообще не может быть.) Сама по себе история, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, «не делает ничего, она „только облекает в конкретные действительные бытие“ и „не спрашивает ни в каком бытии“». Не „история“, а именно человек, действительный, живой человек — вот, кто делает все это, всем обладает и за все борется».

Но это означает вторичным в истории заметить случайного, неподдающегося деятельности человека. Из истории известны множество примеров, когда те или иные исторические личности не просто выполняли свой отпечаток на ход событий, но в существенным образом его определяли, причем в таком широком плане, которое никак не вытекало из общественных обстоятельств.

Ссылемся на хрестоматийный пример внезапности решающего изменения хода Семилетней войны, последствием же смерти русской императрицы Елизаветы Петровны (1761). Как известно, она умерла в период блестящих побед русской армии, овладевшей Берлином и поставившей Пруссию на грань военно-политической катастрофы. Вопреки же на русском престоле Петра III, дальнего поклонника прусского короля Фридриха II, немедленно заключившего с ним мир и вернувшего ему значительные территории, сие же Пруссии, в том смысле оказало существенное влияние на всю дальнейшую политическую ситуацию в Европе середины XVIII в. Так событие, которое не являлось необходимым следствием исторического развития европейского общества и было по своей природе случайным (Елизавета не обязательно должна была умереть в разгар Семилетней войны), оказало значительное воздействие на политическую карту Европы.

Приведенный пример, в число не легко упомянуть, указывает на значительную роль случайности, связанной с деятельностью исторической личности. Говоря словами К. Маркса, от нее в сильной степени зависит ускорение или замедление общего

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102

хотят различия. Особенно велики они в переломные периоды жизни общества, когда возрастает значение исторического творчества масс, классов, партий, но также и отдельных личностей. Тем самым определяется значение этой категории для исторической науки.

(Естественно, историк не может заниматься догадками типа „что было бы, если бы...“). Если бы не умер так рано Александр Македонский, если бы Наполеон был убит при осаде Тулона, а Елизавета пережила Семидесятилетнюю войну и т. д. Он может дело не с тем, что могло быть, а с тем, что действительно происходило в истории. Но рассматривая то, что действительно было, он не должен упускать из виду, что все могло происходить и по-иному. В этой связи представляет интерес глубокая мысль выдвинутого немецкого драматурга Б. Брехта о самом принципе подхода к историческому материалу. Он замечал: «Работа над „Цезарем“ — это и открыл теперь, — я ни одного мгновения не хранил думать, что мой долг было произойти так, как произошло. Что, скажем, рабство, сделавшее столь невозможной попытку реформ, нельзя было отменить. Пожми плечами для всего происходившего целишь историков фаталистов»²⁸.

Можно, конечно, спорить, насколько вынужденное рабство влияло себя в злоху Цезаря, но Брехт прав в главном. Действительно, прямолинейное проведение принципа детерминизма в истории приводит к тому, что общественный процесс приобретает черты фатальной предопределенности, не оставляющей места свободному выбору человека, а следовательно, и его историческому творчеству. С другой стороны, подход к прошлому, основывающийся на убеждении, что все происходило так, как должно было происходить, создает штилетскую почву для его интеллигентки или, во всяком случае, оправдания: ведь всякий иной его вариант попросту исключается.

Необходимо не только теоретически признать значимость случайности в истории, но и учитывать ее присутствие в самом подходе к изучению прошлого, в частности к рассмотрению конкретных исторических закономерностей. Ведь, как мы могли убедиться, такая закономерность неупустима от исторической деятельности человека, а следовательно, и от элемента случайного, в которой эта деятельность связана. Конечно, такой подход не имеет ничего общего с характерным для современной буржуазной науки преувеличением роли случайного в истории. Случайность оказывает влияние на конкретный ход

²⁸ Брехт Б. Рабочий дневник //Новый мир 1976 № 5 (211

событий, но не определяет его существенное содержание в сколько-нибудь значительных исторических рамках. Она может служить единичной причиной какого-либо события, а то время как его общие причины коренятся в необходимых (объективных) условиях исторического развития, приводящих к данному результату.

Нельзя поэтому согласиться с высказанным в советской литературе мнением, будто „из того, что мы именуем случайностью, складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а поэтому никогда не устанавливаемых наукой полностью „случайных“ воль, поступков, событий, действий“²⁹. Такая позиция объективно ведет к отрицанию принципиальной различия между случайностью и закономерностью, ибо последняя оказывается всего лишь продуктом „случайных“ воль, поступков и т. п. Тем самым исчезает объективная основа исторического процесса, складывающегося из совокупности этих конкретных закономерностей.

Объективные условия жизни общества и образуют границы действия случайности в истории, но в пределах этих границ случайность так или иначе „корректирует“ историческую необходимость. Поэтому она и должна быть в сфере внимания исторической науки.

§ 5. Альтернативность в истории

Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайности, а главное — многообразная деятельность человека обуславливают его многовариантность. Материалистическое понимание истории не имеет ничего общего с вульгарными прогрессистскими представлениями об историческом процессе или безостановочном одностороннем поступательном движении «Вопреки претензиям „прогресса“, — подчеркивают К. Маркс и Ф. Энгельс, — постоянно наблюдаются случаи регресса и кругового движения»³⁰. В каждый данный момент в реальной исторической действительности имеются объективные возможности реализации различных вариантов общественного развития, обуславливающие ту картину красок реального исторического процесса, с которой имеет дело историческая наука.

²⁹ Гуревич А. Я. Об исторической законности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 77.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 91.

Эта многоприспособленность, многовариантность истории порождает одну из важнейших методологических проблем исторической науки — проблему альтернативности исторического развития, рассмотрение которой имеет существенное значение для более глубокого понимания природы и характера исторической закономерности.

Альтернативность истории означает существование в каждый данный момент различных, в том числе и прямо исключавших друг друга, возможностей дальнейшего развития общества, каждая из которых может превратиться в действительность. Быть реализованной в исторической практике людей. Эти возможности мы и обозначаем как тенденции-альтернативы.

Представление об альтернативности исторического развития очень широко распространено в современной буржуазной историографии. Исходя из признания решающей роли случайности в истории, буржуазные историки утверждают возможность одновременного существования любого числа самых различных альтернатив, каждая из которых имеет равные шансы реализации в исторической действительности, ибо, по их убеждению, все зависит от непредвиденного случая, способного радикально изменить весь ход истории.

Любопытный опыт такого альтернативного прочтения истории предпринял один из крупнейших английских историков XX в. А. Тойнби. Как известно, Александр Македонский умер в июне 323 г. до н. э. в разгар своих завоевательных походов в возрасте 33 лет, вскоре после чего созданные им огромные империя быстро распались. Исходным пунктом рассуждений Тойнби являлось предположение, что Александру удалось справиться с болезнью и он прожил еще 36 лет, продолжив свои завоевания. В их результате возникла громадная держава, включавшая в себя все страны Средиземноморья и Передней Азии, Индию, Китай. Так было осуществлено политическое единство мира, которое дублировалось его культурным объединением на основе модифицированного „лучшими умами Эллады“ буддизма. Пока Александр предавался завлеченности, его министры создали совершенную систему государственного управления, которая легко пережила незначительные беспорядки, вспыхнувшие после смерти полководца в 287 г. до н. э., и стала основой последующего расцвета мировой державы, в которой гармонично слились Запад и Восток.

Яркими красками рисует английский ученый этот расцвет. Он пишет о блестящем прогрессе науки, которым человечество обязано младшему сыну македонского полководца Птоломею.

ставшему основателем и первым ректором университета в Александрии. Этот прогресс спустя три столетия привел к изобретению „александрийскими профессорами Герона“ паровой машины, преобразившей все общество. При этом, подчеркивает ученый, огромную роль сыграл Александр XIII, „внезривший изобретению героника Герона в промышленность“. „Первым и непревзойденным министром здравоохранения“ мировой державы стал Асклеп.

„Мудрое государственное устройство“, продолжает Тойнби, позволяло найти достойное применение и способностям людей, подобных по своему характеру и талантам Александру. Например, „Гамилькар из бывшего Карфагена“ возглавил работу по освоению Тропической Африки и воплел ее в жизнь цивилизации, а его сын Ганнибал построил корабли нового типа и открыл Атлантиду. „Освоение этой удивительной страны сделало нашу цивилизацию истинно всемирной, — завершает Тойнби свой рассуждения — Будущим наследникам Александра Великого придется искать приложения своим силам уже где-нибудь вне Земли“²¹.

Едва ли эта модель заслуживает серьезной критики, тем более что и сам Тойнби, по-видимому, относится к ней с легкой иронией. Но она интересна как логическое завершение представлений об абсолютной альтернативности, когда весь ход исторического развития отдается на волю слепого случая, а декуртит, творцом истории продолжает оставаться отдельная личность.

Марксистское понимание альтернативности в истории исходит из того, что исторический процесс является одновременно и инвариативным, и инвариантным (Инвариантность — математический термин, обозначающий свойства величин не меняться при каких-либо преобразованиях). Философский энциклопедический словарь определяет инвариантность как „свойство некоторых существенных для системы соотношений не меняться при определенных преобразованиях“²². Применительно к истории этот термин используется в смысле признания необратимости исторического процесса, его единичности.)

Исторический процесс является инвариантным в своей главной тенденции, рассматриваемой на макро-историческом масштабе и выражающейся в необходимости экономического и социального прогресса человеческого общества. Однако эта

²¹ Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // *Византизм* — декабрь 1974 № 12. С. 29. 22) Критический разбор этого тезис см. История науки, техники и культуры // Там же 1980 № 1. С. 38-40.

²³ Философский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 384.

тенденция не реализуется автоматически, по мере достижения объективом определенного уровня развития производительный сил, а пробивает себе дорогу в острой борьбе с тенденциями противоположного толка. Причем если во всемирно-историческом плане представляется возможным говорить о постулательном экономическом и социальном развитии как законе истории, то это никак не означает, что в каждом данном случае (в конкретных условиях места и времени) обязательно торжествует прогресс. Историей известны многочисленные факты длительного социального-технологического регресса и даже гибели цивилизаций.

Понять эти факты можно лишь с учетом альтернативности исторического процесса. Будучи многовариантным в своей необратимости, исторический процесс является в то же время и альтернативным — в том смысле, что действие общесоциологических законов, определяющих эту необратимость и общую направленность исторического развития, оставляет достаточно широкие рамки для сосуществования различных тенденций — альтернатив этого развития, в противоборстве которых и осуществляется реальное движение истории. При этом важно подчеркнуть, что каждая из этих альтернатив имеет свое основание в реальной действительности, в объективных условиях жизни общества, порождающих ту или иную возможность его дальнейшего развития.

Следовательно, историческая альтернативность в марксистском ее понимании является объективной категорией. Историк-марксист не конструирует бесконечное количество альтернатив по принципу „могло быть и так“, а обнаруживает их в реальной действительности с целью ее более глубокого и разностороннего познания.

Существование в историческом процессе противоположных объективных тенденций-альтернатив объясняется его внутренней противоречивостью. В реальной исторической действительности одновременно существуют и противостоят различные экономические и социальные структуры, порождающие соответствующие им различные альтернативы будущего развития. Но эти же структуры определяют и границы альтернативности в истории.

Иными словами, в исторической действительности существуют лишь такие альтернативы ее развития, которые вытекают из объективных условий жизни общества. Альтернативой феодализму, например, в ранне-средневековье не мог быть капиталистический строй, так как в ранне-средневековой действительности отсутствовали такие социальные и экономические

структуры, которые могли породить буржуазные отношения. Зато в этой деятельности существовали первоначально общинный и рабовладельческий уклады, порождавшие соответствующие тенденции в историческом развитии европейского общества. В противоборстве этих трех тенденций альтернатива (первоначально общинной, рабовладельческой и феодальной) и формировался облик средневековой Европы.

Мы знаем, что в конечном итоге победили феодальные альтернативы в Европе исторически сложившийся феодальный способ производства (хотя и далеко не сразу — феодальные альтернативы окончательно побеждают здесь только в X—XI вв.). Но в разных ее регионах феодальным отношениям характерно различное своеобразие. Помимо же это своеобразие можно понять с учетом специфического соотношения указанных тенденций и соответствующий им укладов в различных частях Европы. Например, замедленность феодального развития в Северной Европе объясняется сильными плеядными, которые долго сохранял здесь первоначально общинный уклад. Коренявшаяся в нем тенденция-альтернатива хотя и не воцарилась, но благодаря устойчивости вызвавшая ее к жизни структура смогла оказать значительные влияния на утверждавшиеся здесь феодальные отношения, в определенной мере деформируя их. Еще более своеобразный характер феодальных отношений приобретает за пределами Европы. Объяснить их можно лишь в свете представления об альтернативности исторического развития.

Приведенные примеры показательны и в другом отношении. Нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает более или менее существенный отпечаток на победившую тенденцию общественного развития. Именно так в обиходе дело со многими разновидностями феодализма, воспринявшими в разной степени многочисленные элементы предшествующих общественных отношений, прежде всего общинную организацию, причем не в виде «пережитка», а в качестве необходимого структурного элемента нового общественного строя.

Разумеется, не только феодализм характеризуется многообразием своих конкретных форм. В разной мере такое многообразие присуще любой общественно-экономической формации. Как отмечал К. Маркс, «...одни и тот же экономический базис — одни и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным типичным обстоятельствам, естественным условиям, разным национальным, действующим или историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые

возможна только лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств³³.

Эти „бесконечные вариации и градации“, воплощающие конкретные исторические закономерности, и составляют предмет изучения истории как науки. Ведь она имеет дело не с формулами вообще, и с конкретными закономерностями, которые складываются, конечно, в рамках определенной формулы, но никогда не выражают ее в „чистом“ виде. В сущности, всякая историческая закономерность и выступает конкретным результатом противоборства альтернатив, выражающих различные тенденции в развитии данной формулы, порожденные теми бесконечно разнообразными эмпирическими обстоятельствами, о которых писал К. Маркс: Различный же исход этого противоборства в каждом конкретном случае и определяет во многом „многообразие“ истории.

Вследствие этого большое научное значение приобретает вопрос о факторах и условиях, обеспечивающих победу той или иной тенденции-альтернативы и, следовательно, утверждение определенной конкретной закономерности как реализованной исторической возможности. Сложность ответа на этот вопрос связана с тем, что победа какой-либо одной из противоборствующих тенденций-альтернатив не запрограммирована в историческом процессе. Она всегда выступает как результат сложного взаимодействия объективного и субъективного факторов, их определенной комбинации, складывающейся в ходе различных форм деятельности людей. Было бы при этом утешительным полагать, что необходимо побеждает тенденция, в наибольшей степени отвечающая насущным потребностям развития общества. Нередки происходившие наоборот. Достойно вспомнить победу фашизма в Италии и Германии или военно-фашистскую диктатуру в Чили.

Очевидно, что ответ на вопрос о причинах победы той или иной альтернативы нельзя искать исключительно в сфере развития производительных сил общества или демографических, национальных, религиозных и других факторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к современной политической картине в Латинской Америке. Примерно одинаковый уровень развития производительных сил породил здесь многообразие политических и социальных форм, которые в свою очередь никак не сводятся к национальным, религиозным, демографическим и тому подобным различиям. Следовательно, для того, чтобы понять, почему в Латинской Америке наряду с социа-

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. Ч. II. С. 354.

листоческой Кувой существуют стробы с диктаторскими режими фашистского толка, а между этими толками - множество переходных форм, необходимо искать причины этого порядка

Эти причины лежат в сфере действия субъективного фактора. Подобно тому как не существует исторической закономерности или прямой деятельности масс, классов, партий, отдельных личностей, так и эта деятельность оказывает решающее влияние на торжество той или иной исторической альтернативы, преградая, такты образцы, возможность определенного ряда событий, составляющих данную историческую закономерность, а действительность

Но это означает, что проблема альтернативности в истории является проблемой непосредственного политического действия, вследствие чего она имеет далеко не одно только шучное значение. Итучение обстоятельства, оказывающие решающее влияние на реализацию в исторической действительности той или иной объективной возможности, играет не менее важную роль в сфере практической политики, что определяет особую актуальность рассматриваемой проблемы

§ 6. Проблема альтернативности исторического развития России в трудах В. И. Ленина

Научные и практические-политические значение проблемы исторической альтернативности было всесторонне обосновано В. И. Лениным, связавшим ее с действием субъективного фактора в истории. Раскрывая предпосылку прямого воздействия исторического творчества человека на общественный процесс, он указывал на альтернативный характер этого последнего, обуславливающий возможность исторического выбора. При этом было сформулировано принципиально важное положение о возрастании значения рассматриваемой проблемы в революционные периоды общественного развития. Ибо, подчеркивал В. И. Ленин, революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе стратегии прямого или завуалированного пути развития на сравнительно очень продолжительное время²⁴. Понимая это положение, он отмечал в другом месте: „Именно в такие периоды проявляется с наиболь-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 8-9

шей силой непосредственная роль разных классов в определенном
форме социальной жизни, создается основой политической
„застройки“, которая долго держится потому на основе объек-
тивных производственных отношений”¹⁴.

Связав проблему альтернативности с проблемой револю-
ционного преобразования общества, В. И. Ленин в своих тру-
дах дал поучительные примеры ее решения. Обратимся к его уче-
нию о двух путях капитализма в сельском хозяйстве России.
Подчеркивая абсолютную неизбежность буржуазного пере-
ворота в русской деревне, В. И. Ленин указывал на две его воз-
можные формы — либо сохранение помещичьего землевлде-
ния путем некоторого смягчения его от крепостнических черт
в западных битраках; либо уничтожение помещичьего земле-
владения путем конфискации его и передачи земли крестьянст-
ву. Называя вопрос, по какому из двух путей пойдет в России
развитие капитализма в сельском хозяйстве, основным вопро-
сом всей революции, вопросом ее поражения или победы, он
подчеркивал: „Такова на деле историческая альтернатива.”¹⁵

Оба пути развития капитализма в сельском хозяйстве
выступают в ленинском анализе как закономерный результат
всего предшествующего социально-экономического развития
страны в целом и классовой борьбы в русской деревне начиная
с середины прошлого столетия в особенности и вместе с тем
как факт, в котором сосредоточится главный предмет всей
русской революции. Именно поэтому поставлен вопрос о пу-
ти капиталистического развития сельского хозяйства в Рос-
сии возникает у В. И. Ленина в проблеме всего дальнейшего
развития страны. „Реформаторский путь создания имперски-
буржуазной России, — указывает он, — необходимо предполагает
сохранение остатков старого землевладения и медленное, мучитель-
ное для массы населения, приспособление их к капитализму.
Революционный путь действительного свержения старого по-
рядка неизбежно требует, как своей знаменитой основой,
уничтожения всех старых форм землевладения вместе со старой
старыми политическими учреждениями России”¹⁶.

Важное методологическое значение имеет ленинские указа-
ние о необходимости для марксиста учета всех альтернатив,
существующих в реальной действительности. Говоря о двух
путях развития капитализма в сельском хозяйстве, он писал:
„Марксист не должен ни „ручаться“ ни одна из этих путей,

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 23. М.

¹⁵ Там же Т. 15. С. 237.

¹⁶ Там же Т. 16. С. 407.

на связывают себя руками с одним из них⁴³. Только такая позиция способна обеспечить на деле всестороннее изучение действительности во всей ее противоречивости и динамизме, а следовательно, и выработку подлинно научной политики.

Но это отнюдь не позиция бесстрастного наблюдателя. Напротив, осознание альтернативного характера исторического развития означало для В. И. Ленина требование активного вмешательства в его ход; и чем более драматический оборот приобретает это развитие, тем активнее и целенаправленнее должно быть вмешательство революционных сил. „Мы не пыхаем духом ни при каком повороте истории, — писал В. И. Ленин — Но мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса“⁴⁴.

Уверенность в том, что русский рабочий класс, возглавляемый партией большевиков, окажет решающее воздействие на каждый поворот истории, составляет живую душу всего ленинского подхода к решению проблемы альтернативности в историческом процессе. Установим объективную реальность двух путей капиталистического преобразования России, В. И. Ленин тем самым определил тактику борьбы партии на буржуазно-демократическом этапе революции. Последуем за ходом его мысли (из письма И. И. Скворцову-Степанову в 1909 г.), построенном на противопоставлении французского революционного, а немецкого „гнилого“, решений „общедемократических“ вопросов.

Признавая возможность в России „гнилого“ решения, В. И. Ленин тем не менее подчеркивает: „Мы обязаны все сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не „гнилое“, не немецкое, а французское.“ И далее следует глубокая мысль, что „таких законов истории нет, чтобы гнилой крик не мог превратиться в хорошему делу перадрягу. Нет таких законов. Все зависит от обстоятельств, от нашей массы крестьян (которых Сталыцин придрывил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, гонимой и конфликтной между Гучковым и „сферми“ и т. д. и т. д. Мы должны заботиться о том, чтобы мы были сильнее. — чтобы крестьяне послушались нас, а не либералов“⁴⁵.

Стремительное развитие революционного процесса в стране, как известно, быстро сняло альтернативу „американского“ и

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, С. 227.

⁴⁴ Там же Т. 24, С. 7.

⁴⁵ Там же Т. 47 С. 224—225.

„русского“ путей развития капитализма. 1917 год принес России принципиально иной выбор исторического пути — между капитализмом и социализмом. С присущей ему промышленностью В. И. Ленин обнаружил эту альтернативу в реальной российской действительности уже вскоре после победы Февральской буржуазно-демократической революции, спобравшись с немалой теоретической и организационно-политической деятельностью большевистской партии. Разработанный в Апрельских тезисах развернутый план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую как раз и является не только выраженным осознанием исторического выбора, который объективно коренился в самой послефевральской действительности, но и формулировкой условий, обеспечивавших торжество социалистической альтернативы.

Не оставалось ли на характеристике этих условий, подчеркнем лишь, что и чем воплощалось объективное единство объективного и субъективного в революционном процессе. Ленинская теория социалистической революции исходила из первоочередного объяснения наличия в стране объективных предпосылок для свержения капиталистического строя, востановивших материальную основу существования социалистической альтернативы. Однако нигде, ни в уровне развития производительных сил страны, ни в характере социальных взаимоотношений, потрясавших русское общество, не было предопределено ее безусловное и автоматическое торжество. Ленинская ответственность за победу социалистической революции отнюдь не означала отказ от учета в последующем других альтернатив исторического развития страны, реально существовавших в общественной действительности и также стремившихся к победе.

В рамках исторического выбора между капитализмом и социализмом в российской послефевральской действительности существовали по крайней мере три противоборствующие тенденции альтернативы, являвшиеся реакционно-консервативной, реформистской и революционно-пролетарской пути развития России¹¹. За каждым из них стояли определенные политические силы, выражавшие известные классовые интересы; каждый из них имел свои основания в материальных условиях жизни общества, и следовательно, и реальные шансы на победу. Вот почему В. И. Ленин, как и ранее, когда шла речь о противоборстве двух путей развития капитализма, решительно отказывался

¹¹ Подробнее см.: Волобуев П. А. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 149—183.

наше от всякого гдашней ответственности исходи из борьбы. „Что даст миру наша революция — возврат к империализму, умиротворение буржуазии, переход власти к более передовым классам — мы не знаем. И никто не знает“⁴¹. — писал он в июне 1917 г., подчеркивая тем самым незапрограммированный характер революционного процесса. Но тем напряженнее В. И. Ленин и его соратники, осознавая эту незапрограммированность, вали борьбу за торжество идеи социализма. Так категория альтернативности истории выступает могущественным инструментом не только познавая мира, но и его революционного преобразования.

Ленинский опыт решения проблемы альтернативности приобретает особую актуальность в современную эпоху, характеризующуюся воодолением и историческое творчество миллионов масс, их возрастающим влиянием на судьбы мира. Облик современного быстро меняющегося мира формируется в непосредственной борьбе различных социальных сил, от расстановки и энергии которых в большой мере зависят совершающиеся в нем перемены.

В современной действительности скрываются объективные возможности разных вариантов будущего человеческого общества. Из их числа выделяется главная альтернатива, доминирующая себе все остальные, — альтернатива разрушительной термоядерной войны, угрожающей гибелью всему человечеству, или альтернатива процветающего, свободного от изменяющейся толпы вооруженной мира. „Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над человечеством, — подчеркивается в Программе КПСС. — Но никогда не была и столь реальными возможности сохранения и упрочения мира“. Третий учет реального соотношения сил в современном обществе, тщательный анализ диалектики объективных и субъективных факторов, определение их истинных, позволяла сформулировать на XXVII съезде партии принципиальный до своему научному и политическому значению вывод о путях решения этой альтернативы в пользу мира. „КПСС исходит из того, — указывается в Программе, — что, как не велика угроза миру, оптимизма политикой агрессивных кругов империализма, фатальной неизбежности мировой войны нет. Предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты“⁴².

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 252.

⁴² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 137.

Так проблема объективности вырастает сегодня в проблему самого существования человечества. На своем материале и силами средств исторической науки должна раскрыться возможность субъективного фактора в борьбе за предотвращение термоядерной катастрофы, описать многообразие форм и методов этой борьбы.

Одним из важнейших профессиональных элит советского историков является овладение новым политическим (национальным) Отношения на позиции последовательной классового диалектико-социальным взглядом, историческая наука в то же время имеет дело с общечеловеческими проблемами, важнейшей из которых является сохранение жизни на Земле. Новая политическая империя в историческом процессе, органически сочетающая классовый и общечеловеческий подход, открывает перед нашей наукой дополнительные возможности активного влияния на жизнь общества. Диалектик этого влияния является критик, но особенно актуальным в настоящее время представляется обоснование исторического выбора человечества в пользу процветающего мира, свободного от угрозы термоядерной и экологической катастрофы, и действительное содействие этому процессу.

Глава III

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

§ 1. Специфика научного объективного знания в исторической науке

Роль личности историка в историческом познании

Рассмотрим предмет истории применительно к центральному научному вопросу исторической науки — ее способности давать объективно-истинное знание в условиях, обеспечивающих реализацию этой способности. Ведь какими бы социальными значимыми проблемами ни занималась история, ее место в жизни общества в конечном счете определяется тем, насколько эффективно она в состоянии их решать, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько адекватна исторической действительности является ее исследовательские результаты.

Не случайно огульное осуждение социальной значимости современной буржуазной историографии как выражение кризиса ее теоретико-методологических основ особенно отчетливо обнаруживается в период наиболее широкого распространения

в ней президентских и религиозных идей (50-60-е годы). В самом деле, какое отношение к себе заслуживает дисциплина, утверждающая, что прошлое недоступно изучению? И хотя сегодня буржуазная историография преодолела крайние проявления релятивизма, проблему объективности исторического познания даже в рамках „новой школы“ истории решить она не смогла. Эта проблема именуется проблемой достижения общезначимости результатов исторических исследований. Но представления об общезначимости как критерия научности были подвергнуты уничтожающей критике еще на заре нашего столетия В. И. Лениным, подчеркивавшим, что „общезначима и религия“¹. По самой сути своей она не может претендовать на объективность.

Поэтому не удивительно, что рядом с ним в современной буржуазной историографии мирно уживаются откровенно субъективистские взгляды на природу исторического познания. В наиболее развращенном виде они представлены в получившем широкую известность на Западе труде американского историка Х. Уайта, обосновывающего поэтическую природу истории, не имеющей вследствие этого ничего общего с подлинной научностью. Развивая подобные взгляды, профессор Гарвардского университета (ФРГ) О. Эккле утверждает, что XIX век с его позитивистскими претензиями на научность и объективность исторического знания является лишь „особым случаем“ в общей истории дисциплины, которая в настоящее время возвращается на свой магистральный путь исторического релятивизма².

В приведенных рассуждениях имеется, однако, рядовая логическая ошибка, которая заключается в понимании взаимосвязанности понятий „объективность“ и „научность“. Действительно, история может претендовать на ранг науки лишь в том случае, если она в состоянии доказать свою способность получать объективно-истинное знание. Вот почему проблема объективности исторического познания является одновременно проблемой его научности, что и определяет ее методологическое значение.

Марксистское решение этой проблемы исходит из уверенности в том, что история может давать объективное знание о своем предмете. Эта уверенность основывается на убеждении в суверенном характере человеческого мышления, способного получать объективное знание об окружающем мире, и под-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18, С. 194.

² См. Dexle O. B. *Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus* // *Historische Zeitschrift* 1984. Bd. 238. H. 1.

применяется обобщением всего многовекового опыта историков — снискав, это достигший и грядущий.

Вместе с тем присущий материалистическому пониманию истории гносеологический оптимизм не имеет ничего общего с распространенными в прошлом столетии позитивистскими представлениями, отождествлявшими объективность исследователя с его беспристрастностью и тем самым вообще фактически сводившими проблему объективности исторического познания к научной проблеме. Все сводилось просто. Профессиональная добросовестность историка в сочетании с его беспристрастностью считалась достаточной гарантией объективности его исследований.

Позитивистская историография выработала идеальный образ объективного исследователя, беспристрастно излагающего события прошлого и вдобавок всегда объективного тем, чтобы на этом изложении никак не скатились бури и революции современности. Согласно позитивистским канонам, такой исследователь должен был строго следовать за своими фактами, не допуская вымыслов и никак не пытаясь объяснить обстоятельства за их истолкованием. Более того, по утверждению известного французского ученого XIX в. Н. Д. Фюстеля де Куланжа, историк должен подходить к своей проблеме не только без предвзятости, но и без рабочих гипотез. Он должен смотреть на вещи так, как их видели люди того времени, которое он изучает, не пытаясь давать им оценку, и его выводы всегда не должны быть республиканские или монархист, либерал или реакционер³.

Очевидная утопичность такого образа историка, противоречившего всей историографической практике, в том числе и академической практике самого Фюстеля де Куланжа, породила экзотическую реакцию против подобной предвзятости. Но при этом в буржуазной литературе сохранилось отождествление беспристрастности и объективности, вследствие чего отрицание первой неизбежно ставило под вопрос и возможность достижения в историческом познании последней.

Отождествление беспристрастности и объективности, присущее буржуазному объективизму, настоятельно уже в силу того, что беспристрастность в историческом познании вообще невозможна. И здесь мы подходим к центральному вопросу всей рассматриваемой проблемы — вопросу о специфике исторической науки. Только учитывая эту специфику, можно рассчитывать на научные решения проблемы объективности историческо-

³ См. Gustaf G. P. *History and Historians in the Nineteenth Century*. N. Y., Bombay, Calcutta, 1913, p. 211.

го познания. Она заключается уже в самом характере отношения между познаваемым объектом и субъектом познания (исследователем).

В естественных науках между ними существует привилегированное, качественное различие. Физик или биолог, геолог или любой другой естествоиспытатель изучает мир, чуждый человеку, что и определяет его отношение к нему. Это отношение беспристрастного наблюдателя, чей объект исследования, будь это микрочастица или небесное тело, уже в силу своей нечеловеческой сущности вызывает к себе лишь строго научный интерес. Разумеется, этот интерес опосредуется возможностью социально-практической эффективности результатов естественного познания. Мы должны учитывать также, что личные качества исследователя, его этические и эстетические идеалы, как и общекультурный уровень, составляют важную определяемую в точных понятиях, но тем самым не менее важную часть естественного познания. Яркий пример тому — известные призывания А. Эйнштейна, что Достоевский оказал на него большее влияние, чем Гаусс и другие математики. В еще большей степени, в особенности на общесоциетальские выводы ученого, оказывает влияние его общесоциетальские взгляды, что убедительно показал В. И. Ленин в своей книге „Материализм и эмпириокритицизм“ на примере выдающегося открытий в физике на рубеже нашего столетия. И все же сам познавательный процесс в естественных науках свободен, как правило, от прямого воздействия конкучных факторов. Мы, конечно, не говорим о таких явлениях, как дисгенезия в биологии, або они выходящие вне долевой науки и поэтому никак не могут характеризовать изучательный процесс в естественных науках.

Иначе обстоит дело в историческом познании, которое характеризуется качественным единством объекта и субъекта познания, что превращает историю в самообозначенный объект. Это, в свою очередь, предполагает принципиально иной, чем у естествоиспытателя, подход историка к предмету своего исследования. Итучая сферу человеческими действиями и взаимосвязей, историк не может не выражать своего отношения к ним. Это отношение далеко не всегда декларируется, но в скрытом виде оно присутствует во всяком историческом исследовании, определяя выбор темы, его структуру, общую направленность и т. д.

Следовательно, во всяком проявлении истории присутствует оценочный момент, в котором выражаются его пристрастия. При этом важно подчеркнуть его присутствие на всех

стадий возможительного процесса — от выбора темы и сбора материала до обобщения на уровне страниц. Нельзя поэтому согласиться с известной формулой, выходящей своего рода изюном буржуазного объективизма, будто Деля Историк — писатель „как собственник это было“ При всей ее заманчивости (действительно, что может быть привлекательнее: писать, как это было во самом деле) она неосуществима, уточним Историк пишет не так, как это было в действительности, а как он думает, что так было исходя из своих идеино-теоретических и общенсторических представлений. Именно эти представления в последнем счете обуславливают подход историка к своему материалу и его изучение.

Синтетичность темы — творчество самого автора примененной формулы, крупнейшего немецкого историка XIX в. Л. Ранке В своих трудах по европейской истории XVI—XVII вв он изобретал не такую, какой она казалась ему в соответствии с его консервативными политическими и общенсторическими взглядами. Это были история политическая и дипломатическая, вращавшаяся вокруг были императоры и князья, дипломаты и другие государственные деятели. Примером того, как при этом искажались реальная историческая действительность, может служить трактат Ранке немецкой истории начала XVI в., крупнейшим событием которой выдвигалась Немецкая крестьянская война.

Ранке принадлежат шеститомная „История Германии в эпоху Реформации“, в которой чрезвычайно обстоятельно рассматриваются всевозможные перемены религиозно-политической борьбы в немецком обществе того времени, мельчайшие подробности заседаний рейхстагов и т. п. И лишь одна небольшая глава этого капитального труда посвящена Крестьянской войне. Уже такая структура книги делает невозможным определение действительности места в истории Германии этого эпохального события, а следовательно, и объективного содержания всего периода, выходящего предметом исследования Ранке Конечно на факты сами по себе обусловили такую структуру книги, а идеино-теоретические взгляды ее автора, которые в решающей степени отразились даже на подборе фактического материала, так и в особенности на его методологизме. В изобретении Ранке Крестьянская война предстает перед читателем как многожизный эпизод, выступление разрушительных сил общества, воспользовавшегося слабостью государственной власти. И особенно непосредственно свет расуется руководители Крестьянской войны, в частности Т. Мюнхер, а освещены цветностью которого Ранке оказывается даже от внешнего беспристрастия. Стремится

свершить образ Миншера. Ранке ценит и ценит свое изложение и секретничества заключая друга и левого революционера — Питера и Медритона, полностью инкорпорируя эти объективные произведения. Столь же „объективно“ излагается история Минстерской Коммуны. При этом в мастерстве истинного специалиста анализа, разработавший привычки научной критики исторического источника. Ранке обнаруживает интригательную „доказательность“ в отношении самых неподходящих источников, если только из них можно почерпнуть материал для первоначальной формулы вчерашних масс в из руковождении.

Так обнаруживается идейно-идеологическая направленность буржуазного объективизма, признанным марксистом которого был Ранке. На деле формула писать историю „как собственно это было“ не только не исключает внесения оценочного момента в историческое повествование, эти оценки, как мы могли убедиться, является весьма пристрастной, искажающей историческую действительность.

Однако неискренность и утопичность рассматриваемой формулы заключается не только в ее идейной ущербности. Она весьма претенциозна при всей внешней скромности, утверждая на задану, которая рано не может быть решена. Далеким не все, что „было“, может для нас должно получить отображение из страдания истории. Прежде всего многие из того, что случилось в прошлом, в особенности в отдаленном прошлом, не оставило после себя следов, точнее, эти следы не дошли до нас, вследствие чего оказались безвозвратно утраченными для истории. Напротив по отдельным сюжетам, относящимся преимущественно к ближайшей истории, имеется своеобразный переизбыток источников, позволяющих в мельчайших деталях восстановить события несомненно, но масштабы по своим масштабам и характеру преобладают незначительно в исторической памяти.

Наконец, необходимо считаться с тем, что имеющиеся в распоряжении историка данные не всегда являются в полной мере репрезентативными (представительными). Мы не можем исключить элемент случайности в характере сведений, полученных по мере от более или менее отдаленного прошлого. Отсюда не во всех случаях время погранично действительного людского важные события прошлого, что особенно относится к так называемым источникам. Подчас их место в исторической традиции занимают менее существенные данные — только потому, что в них сохранились достоверные сведения. Существует объективная опасность искажения исторической действительности, заключающаяся в простом воспроизведении дошедших до нас сведений о прошлом.

Ведь эти свидетельства сами по себе уже являются продуктом отбора. Большие группы источников, с которыми работает историк (примечания древних авторов, средневековые хроники, мемуары, дипломатические донесения, газетный материал и т. п.), содержат материал, избирательный по своему характеру. Его отбор зависит как от личных пристрастий автора личного источника, так и в особенности от господствующей в это время и в его социальной группе идеологии установок. Таким образом, когда историк приступает к изучению определенной проблемы, он должен учитывать то обстоятельство, что имеющиеся в его распоряжении документальные материалы могут именоваться первоисточниками лишь весьма условно, так как они прошли стадию отбора и первичной обработки, проведенной как раз тем временем и теми людьми, историко-история которых он собирается изучать.

В этой связи следует особенно подчеркнуть коренное известное каждому исторiku факт крайне неравномерного освещения историками положений, деятельности, политики, идеологии, культуры различных социальных, национальных, религиозных групп в классово-антагонистическом обществе. Как правило, большая часть письменных источников генетически восходит к господствующему классу и отражает его позицию. Что же касается угнетенных классов, то на протяжении долгой исторической эпохи, если судить по дошедшим до нас документальным свидетельствам, они „безмолствуют“ — не потому, конечно, что им нечто скрывать и что они в действительности молчали: вся система общественных отношений в Древнем мире, например, или в средние века исключала выражение интересов этих классов из круга гвардий письменных источников. Жизнь широких народных масс либо вообще не получала отражения в источниках, либо эта последняя в силу своей классовой природы давала о ней одностороннее представление.

Здесь мы встречаемся с еще одной важной особенностью исторического познания, состоящей в том, что оно не является прямым. История — едва ли не единственная наука, которая изучает „то, чего нет“. В самом деле, предметом ее изучения является прошедшее, недоступное прямому наблюдению исследователя. Независимо от того, о каких событиях идет речь — случившихся много столетий назад или совсем недавно, они, становясь объектом внимания историка, уже не существуют в реальной действительности.

Это, однако, не означает невозможность научного познания прошлого. Ведь оно никогда целиком не уходит в небытие. Каждое событие оставляет после себя следы, которые в некото-

ся для историка истинными или истинными. Таким образом, проблема объективности исторического познания оказывается неразрывно связанной с проблемой его источников. Суть ее состоит в выяснении того, насколько можно доверять в распоряжении историка источникам, заключающим в себе следы прошлого, достаточным для воссоздания его истинно достоверного образа.

Но это лишь одна сторона дела, ибо, как мы видели в источниках еще не содержится готовая историческая истина. Большое значение придается изучению механических познавательного процесса, получения объективно-истинного знания в истории, важнейшей составной частью которого является установление достоверности исторических источников.

Всякая работа с истинными начинается с выяснения степени их истинности. Современная наука обладает достаточно разработанной методикой, позволяющей определить надежность информации и истинность данных. Большими успехами достигло источниковедение — специальная дисциплина, разрабатывающая теорию и методику изучения и использования исторических источников.

Однако выявление достоверности исторических источников составляет необходимую предпосылку получения объективного знания, далеко не разрешающей проблему объективности исторического познания в целом. Например, критический анализ достоверности сообщений средневековых хронистов о крестьянских восстаниях недостаточен для объективной оценки такого исторического явления, как классовая борьба в средневековой Западной Европе, которое может быть осмыслено лишь в общегеисторической перспективе. Более того, даже применительно к одному, отдаленно критикуемому восстанию мы не сможем установить его общественное значение только основываясь на достоверно установленными фактами, описанными в хрониках. В лучшем случае такие данные помогут воссоздать фактический ход восстания. Но если историк, изучающий, например, Жакерию, попытается в оценке ее ограничиться самобытными Фруассара и другими хронистами, представлявшими и возглавлявшими крестьянство, он, как это нередко бывало в буржуазной историографии, создаст ложный образ событий, происходивших во Франции в мае-июне 1358 г., как выступления локальных, разрушительных сил.

Тем самым предостерегается возможность сделать ложный вывод о природе исторического познания. При всем значении источников для историка познание не может быть замкнуто на них. Если верно, что без источников невозможно историческое познание, то не менее верно и то, что только основываясь

на шаг дальше получить объективно-истинное знание об исторической действительности. Важным актуальным поводом является предупреждение К. Маркса против фетишизации исторического процесса, содержащееся в его оценке влиятельной в Германской Европе позиции XIX в исторической школы права „Историческая школа, — писал он, — сделала изучение источников своим догматом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гробца, чтобы он шмыг на погреб по ее источнику“.

Эта мысль К. Маркса, обращенная против характерного для „Исторической школы XIX в. культуры источников, указывает на действительную природу процесса познания вложенной общественной жизни, в котором вышедшее место принадлежит исторической интерпретации. Марксистской теорией познания чувствительно противопоставлены историческому источнику и его интерпретация. Историко-установленные на основе критического анализа историка его свидетельства являются необходимым исходным пунктом всякого знания, претендующего на научность. Без источника нет и не может быть научной истории. Но сам по себе историк тоже еще не история. Историей его делает интерпретация. Отвергая релятивистское положение о том, что историк сам создает свои факты, марксистская теория вместе с тем далека от позитивистского убеждения, что за историка говорят его факты, и сам он является лишь простым инструментом, устными вторым глаголет сама история.

Итак, мы опять возвращаемся к вопросу о роли историка в процессе познания. Воспроизведение исторической действительности в ее существенных чертах предполагает его активную позицию в этом процессе. Вопрос этот сложный и многоплановый. Его острота объясняется уже тем, что речь здесь идет о сложнейшем. Поэтому такое большое значение принадлежит личной личности историка, ее нравственным качествам. Более ста лет назад русский историк В. И. Герье писал, что „только глубоко нравственная... личность достойна истолковывать и объяснять величественные образы прошлого“⁴. И с ним нельзя не согласиться, ибо такое требование к личности историка предъявляет сам предмет его науки.

Конечно, такие человеческие качества, как добросовестность, смелость, мужество и откровенность истинны и т. п., должны присутствовать у каждого серьезного исследователя, но к личности историка общество наряду с этим вправе предъявлять и

⁴ Маркс К. *Сочинения* в 5-ти томах. Т. I, с. 85.

⁵ Герье В. И. *Очерк развития исторической науки*. М., 1865, с. 144.

Этире предельная, насыщенная система хиральных центров. Взаимодействие между хиральными центрами специфически направлено оптически активными молекулами. Водородные связи между молекулами обеспечивают образование монокристаллической структуры, как известно в случае монокристаллической и ахиральной фибры. Такая структура обеспечивает пространственную селективность оптического вращения. В оптически активном пространстве молекулы кристалла не имеют специфических, хаотичных оптических вращений, так как различия, вызванные оптически активными объектами молекул и ахиральными объектами, являются незначительными. Оптически активные молекулы и ахиральные молекулы, но в молекулах и объектах. Однако, несмотря на то, что структура молекулы и ахиральной молекулы различна, различия в оптических вращениях незначительны. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

Однако пространственная структура кристалла, само же и его оптоактивные свойства, являются факторами и взаимодействия, которые не являются чисто оптическими, но в основном являются объектами молекулы. Взаимодействие между молекулами монокристаллической структуры, как известно, обеспечивает пространственную селективность оптического вращения. В оптически активном пространстве молекулы и ахиральные молекулы, но в молекулах и объектах. Однако, несмотря на то, что структура молекулы и ахиральной молекулы различна, различия в оптических вращениях незначительны. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

* Paper A. N. Dreyer, *Journal of Polymer Science*, 1950, C, 114.

то в молекулах фибры. Взаимодействие между хиральными центрами специфически направлено оптически активными молекулами. Водородные связи между молекулами обеспечивают образование монокристаллической структуры, как известно в случае монокристаллической и ахиральной фибры. Такая структура обеспечивает пространственную селективность оптического вращения. В оптически активном пространстве молекулы кристалла не имеют специфических, хаотичных оптических вращений, так как различия, вызванные оптически активными объектами молекул и ахиральными объектами, являются незначительными. Оптически активные молекулы и ахиральные молекулы, но в молекулах и объектах. Однако, несмотря на то, что структура молекулы и ахиральной молекулы различна, различия в оптических вращениях незначительны. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

Однако пространственная структура кристалла, само же и его оптоактивные свойства, являются факторами и взаимодействия, которые не являются чисто оптическими, но в основном являются объектами молекулы. Взаимодействие между молекулами монокристаллической структуры, как известно, обеспечивает пространственную селективность оптического вращения. В оптически активном пространстве молекулы и ахиральные молекулы, но в молекулах и объектах. Однако, несмотря на то, что структура молекулы и ахиральной молекулы различна, различия в оптических вращениях незначительны. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

§ 2. Взаимодействие кристаллической фибры

Взаимодействие кристаллической фибры, как известно, обеспечивает пространственную селективность оптического вращения. В оптически активном пространстве молекулы кристалла не имеют специфических, хаотичных оптических вращений, так как различия, вызванные оптически активными объектами молекул и ахиральными объектами, являются незначительными. Оптически активные молекулы и ахиральные молекулы, но в молекулах и объектах. Однако, несмотря на то, что структура молекулы и ахиральной молекулы различна, различия в оптических вращениях незначительны. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы. В ахиральных объектах молекулы и ахиральные молекулы.

* Dreyer A. N. *Journal of Polymer Science*, C, 108, 111.

классовом обществе подход к изучению истории всегда, независимо от субъективных замыслов того или иного ученого, является классовым. Классовый подход обращает живую душу истории „Освобожденное“ от него равносильно утрате важнейшей социальной функции историка общественной значимости исторической науки.

В классовый направленности исторической науки выражается ее партийность. Если пристрастность историка является субъективным качеством, часто действительно отрицательно влияющим на его работу, то партийность — категория объективная, отражающая определенную закономерность, присущую самому историческому познанию. Мы определяем партийность в исторической науке как подход ученого к исследованию исторической действительности с позиций принадлежности класса, проявляющийся в проецировании в его историкографической практике идей, взглядов, настроений, идеалов этого класса. Принцип партийности находит свое выражение в совокупности основополагающих представлений, которыми руководствуется историк в грантаже общественного процесса. Будучи выражением классового подхода к истории, партийность ученого составляет исходный пункт его анализа исторического материала, обуславливая социальную направленность этого анализа и особенно рельефно обнаруживаясь на концептуальном уровне.

Партийность ученого может в разной степени содействовать или препятствовать познанию исторической действительности. Все зависит от того, насколько глубоко его классовый точный зрения помогает уяснить существо изучаемых объектов или, напротив, насколько сильно она препятствует такому уяснению. Но во всех случаях партийность исследователя входит в число факторов, оказывающих решающее влияние на историческое познание.

В самом общем виде можно утверждать, что последовательное, сознательное проведение в историко-теоретической мысли и историкографической практике идей передового общественного класса содействует объективно-истинному отражению исторической действительности, и напротив, защита сил реакции в настоящем ведет, как правило, к непониманию или прямой фальсификации прошлого. Это положение подтверждается всей многовековой историкографической практикой. В нем выражается закономерность исторического познания, органически вытекающая из самой его природы. Тесно связанной с коренными общественными потребностями, решающие их силами специфическими средствами историческое познание

и связь научных результатов непосредственно зависят от того, как же идея современности его воодушевляет?

Прогрессивные идеи, углубляющие понимание современности и расширяющие перспективы дальнейшего развития, способствуют более глубокому пониманию прошлого, и во время как в его революционные, поразительные моменты; вошедшего в строгий мир будущего, представляют последние существенные связи прошлого, обращая к его изучению понятия, выработанные под господствующим влиянием революционной идеологии настоящего. Диалектические связи прошлого, настоящего и будущего, вышедшая место в реальной действительности, находясь, следовательно, свое выражение и в процессе исторического познания.

Сказанное, разумеется, не означает, что партийность присущи каждому без исключения историческому исследованию. Во все времена существовали труды историков, являвшиеся новым общественным знанием. Посвященные, как правило, мало значимым историческим деталям, такие работы часто демонстрируют высокую профессиональную технику из истории в сфере обработки источников. Но не спорным способом общей исторической теории, но особенно жаркие споры вызывали им социально-политические конфликты и идеологической борьбы, они нередко не обращались и не могут определить облик исторической науки, ибо в противном случае они перестали бы выполнять свою общественную социальную функцию.

4.3 Специфика действия партийности партийности в марксистской историографии. Партийная партийность

Сперва же важно своего рода понятие в классическом обществе историческое носило партийный характер. Однако в марксистской историографии партийность не всегда являлась основной. Нередко они выступали под флагом некоего односторонней беспартийности. Более того, многие ученые искренне считали, что они в своем профессионализме не присоединяли никакой иной цели, кроме чистой науки. Но это не меняет сути дела. Реальным критерием определения партийности того или иного автора является не словесная декларация, а действительная социальная направленность его работы, объективное содержание тех выводов, которые в ней делаются и которые не всегда совпадают с субъективными интерпретациями автора.

Как и все другие категории исторической науки, партийность историческая в революционные общественные условия форми-

в которых они находили свое выражение, были неодинаковыми, будучи зависящими в большой мере как от уровня развития самой историографии, так и от общих социальных и идеологических условий, в которых она развивалась. И Геродот, и Оттон Фрейзингенский, и Ф. Мейннеке были историками партийными. Но выражалась их партийность по-разному. Партийность Геродота — это партийность афинского гражданина-демократа. Оттон Фрейзингенский проводил в своей „Хронике“ феодально-католическую концепцию исторического процесса, а та армия нем Мейннеке в своих многочисленных произведениях обосновывал идеологию германского империализма.

Таким образом, существуют различные формы партийности, соответствующие в данное время и в данном обществе экономическим, социальным, политическим и идеологическим отношениям. Каждый общественный класс порождает свою специфическую форму партийности, которая наиболее эффективно выражает его коренные интересы, обеспечивая возможность их проведения в историографическом прикладе.

Нередко партийный подход к исследованию является общественной жизнью маскируется. Это особенно характерно для буржуазной партийности, часто выступающей в форме так называемой беспартийности. Исчерпывающую характеристику природы буржуазной беспартийности дан в политике, так и в науке дал В. И. Ленин „Беспартийность в буржуазном обществе, — подчеркнул он, — есть лишь лживый, прикрытый, псевдоним выражением принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров“¹. Здесь же В. И. Ленин писал: „Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая“. Это положение следует понимать в том смысле, что в отличие от пролетариата, открыто формулирующего свои социально-политические задачи и цели и таким образом декларирующего свою партийность, идеологи буржуазии зачастую вынуждены прибегать к ширме „беспартийности“, чтобы скрыть своекорыстие своего класса, обмануть массы мнимой беспартийностью и тем самым содействовать укреплению буржуазного порядка вещей.

Партийный характер буржуазного обществоведения для В. И. Ленина никогда не подлежал сомнению. Помня о партийности в общественных науках, в том числе и в истории, он распространял на все общественные и классовые отношения. Что же касается так называемой беспартийности в общественных науках, то в Ленинских трудах разоблачен ее подлинный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, С. 138.

лицу тер как утиченной формы буржуазной партийности, пытающейся внести и излуждения своим тождественным „двух над скаткой“, в потому и более озабоченной, чем воинствующим проповедью буржуазной идеологии. В классовом обществе историческая наука всегда выражает определенные классовые интересы и вследствие этого вынозит определенное партийное понимание, так как „жить и обществе и быть свободным от общества нельзя“⁹.

И разные исторические эпохи буржуазная партийность оказывала различное влияние на развитие исторического познания и максимальной от того, какое место в структуре общества занимали сама буржуазия. В период восходящего развития капиталистической буржуазной партийности, выражая мировоззрение исторически прогрессивного класса, способствовали не только более глубокому постижению социальных связей современного мира, но и благодаря этому более адекватному познанию исторического прошлого. Особенно плодотворными в этом плане стало изучение западноевропейского средневековья. Обосновывая историческую необходимость победы буржуазного общества, они идеологи добились замечательных успехов в осмыслении общественного содержания средневекового развития. Крупнейшими из них являлось освобождение на большом фактическом материале теории классовой борьбы, в свете которой рассматривалась история средневекового общества. Пожалуй, никакая другая теория и буржуазной историографии XIX и не носила столь ярко выраженного партийного характера (она была создана французскими историками периода Реставрации и служила важнейшим аргументом в борьбе буржуазии за политическую власть) и вместе с тем не содействовала в такой мере объективному познанию истории средних веков, как эти¹⁰.

Но продолжая примеров, подчеркнем лишь, что крупнейшие достижения буржуазной исторической мысли, принадлежавшие тридцатому столетию славу „золотого века“ исторической науки, были из своей идеологической партийности подход к прошлому. На обширном историческом материале буржуазные ученые утверждали социальные идеалы своего класса, партийная направленность их исследований способствовала гораздо более объективному отражению прошлой действительности по сравнению

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 12, с. 104.

¹⁰ () буржуазной теории классовой борьбы и ее оценка от марксистской см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 3-е изд. т. 28, с. 427. См. также Котляков М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М., Л., 1949; Давыд В. М. Историка Франции XIX—XX веков. М., 1921.

в авторском специализированном издании опубликована на английском языке в журнале *Journal of Mathematics*.

Данное издание представляет собой перевод с французского оригинала на русский язык. В оригинале приведены доказательства теоремы о существовании функции Дирихле. В переводе приведены доказательства теоремы о существовании функции Дирихле. В переводе приведены доказательства теоремы о существовании функции Дирихле. В переводе приведены доказательства теоремы о существовании функции Дирихле.

1.4. Проблема существования функции Дирихле

Вопрос о существовании функции Дирихле является одним из наиболее важных вопросов математики. В настоящее время известно, что функция Дирихле существует. Однако до сих пор не известно, является ли функция Дирихле непрерывной. Этот вопрос является одним из наиболее важных вопросов математики. В настоящее время известно, что функция Дирихле существует. Однако до сих пор не известно, является ли функция Дирихле непрерывной.

Вопрос о существовании функции Дирихле является одним из наиболее важных вопросов математики. В настоящее время известно, что функция Дирихле существует. Однако до сих пор не известно, является ли функция Дирихле непрерывной. Этот вопрос является одним из наиболее важных вопросов математики.

¹ Journal of Mathematics, vol. 1, 11, p. 118.

XXVII серия ИИЭ. Японский журнал. — Авторский перевод с французского оригинала на русский язык. — Переводчик: Г. В. Давидович. — Москва: ИИЭ, 1978. — 118 с.

Перевод с французского оригинала японского журнала *Journal of Mathematics*. В переводе приведены доказательства теоремы о существовании функции Дирихле.

Вопрос о существовании функции Дирихле является одним из наиболее важных вопросов математики. В настоящее время известно, что функция Дирихле существует. Однако до сих пор не известно, является ли функция Дирихле непрерывной. Этот вопрос является одним из наиболее важных вопросов математики.

В. В. Давидович. Японский журнал. — Авторский перевод с французского оригинала на русский язык. — Переводчик: Г. В. Давидович. — Москва: ИИЭ, 1978. — 118 с.

¹ Journal of Mathematics, vol. 1, 11, p. 118.

² Journal of Mathematics, vol. 1, 11, p. 118.

³ Journal of Mathematics, vol. 1, 11, p. 118.

исследовании внешней общественной жизни, но и составили необходимое условие ее достижения.

„Объективизм классовой борьбы“ всей логикой ленинской мысли противопоставляется буржуазному объективизму. Его коренное отличие заключается в последовательном классовом анализе восстающих явлений общественной жизни как необходимой предпосылке их объективно-истинного познания. Применение принципа коммунистической партийности в историографической практике требует раскрытия классовой природы изучаемого явления или процесса общественной жизни. Не просто констатировать его для широкого общественного явления, гол или иной исторический факт, и вскрыть его классовую природу, выявить лежащие в его основе классовые противоречия, показать, какой именно класс определил необходимость данного процесса, — в этом заключался для В. И. Ленина путь реализации в общественном познании принципа коммунистической партийности, и следовательно, и достижениями объективной истины.

Установив, что общество распадается на классы, взаимоотношения между которыми определяют его структуру, основоположники научного коммунизма дали в руки историка надежное средство для познания глубинных причин всего его развития. „Марксизм, — подчеркнул В. И. Ленин, — унесло с собою к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения развития и упадка общественно-экономических формаций, рассмотрела сложность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества, устремля субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в составлении материальных производственных сил“¹⁶.

Принцип коммунистической партийности указывает на единственно правильный путь в изучении такого сложного и острого вопроса, как национальные отношения. Этот путь заключается в осознании классовой и национальной подоплеки. В равной степени является недопустимой как сентризм, преувеличение значеия национальных моментов, так и их игнорирование или недооценка. Поскольку классовая борьба выступает во взаимодействии с различными другими факторами, в том числе национальными, необходимо не противопоставлять классовый подход национальным моментам, а объяснить их со строго классовых позиций.

¹⁶ Ленин В. И. Речь на IV съезде ЦК 18 с. 57-58.

Как и другие принципы исторического материализма, принцип партийности не является застывшей догмой. Впервые в концентрированной форме связь истории и общества, как развивается и совершенствуется вместе с поступательным движением самого общества. Поэтому творчески разработкой принципа коммунистической партийности составляет постоянную задачу марксистской методологии истории. Ибо лишь научно размышляя над обществом, мы можем ставить перед собой трудные задачи, требующие для своего решения существенного пересмотра и обобщения не только научных принципов.

Сегодня коренным теоретическим вопросом, выдвинутым перед марксистским общественно-научным миром, является вопрос о сочетании классового и общечеловеческого начал в реальном мировом развитии, и следовательно, и в изучении этого развития исторической наукой. Центральным звеном теории общественного строя, как подчеркивается в марксистских документах последние лет, стала роль общечеловеческих ценностей. Речь идет не об отрицании классового, партийного начала в изучении истории, а об его обогащении, освобождении от всяких догматических изрещений, превращении в универсализованный классовый анализ и универсальный класс, паки и просто открывающий все тайны прошлого.

Лишь такой обогащенный анализ теоретический методический анализ классовых ценностей над возможностью критерия изучения и оценки исторической действительности общечеловеческими. Из взаимосвязи может диалектический характер. Вспомогательное же само в актуальнейшем задании методологии истории сегодня заключается в изучении этой диалектики. Обращение к общечеловеческим ценностям и критическое единство с классовым подходом не только усилит приращение марксистской исторической науки гуманистическим началом, но и тем самым будет способствовать более глубокому и многогранному, а значит и более объективному истинному исторической действительности.

§ 3. Партийность и объективность исторического познания

Подчеркивая значение принципа партийности, нельзя, однако, упрощенно трактовать значение его действия в историческом познании. Партийность ученого не является каким-либо абсолютным, неизменным и детерминированным результатом его человеческого бытия. В процессе исторического познания она находится в сложном и нередко противоречивом отношении с

другими его принципами. Характер этих отношений может или способствовать, так и препятствовать реализации принципа объективности в конкретной историко-научной практике. Наиболее распространённым здесь является противоречие между партийной партийной задачей и объективными результатами его практики. В частности, история исторической науки является многоаспектным примером разительного несоответствия идео-теоретической предвзятости, одного и его историческая исследования.

Причины такого несоответствия кроются в самой природе научного знания. Даже в структуре чистой науки, как история, подразделения которой непосредственно связаны с господствующими в обществе идеологическими и философскими доктринами, имеются элементы, не обусловливаемые таковыми идеологическими и историческими. Историк работает с историческими источниками, объективным явлением которых могут представлять его исходным идейно-теоретическим платформам. Так нередко происходит в тех случаях, когда сталкиваются революционные или консервативные идеологические принципы и идеями отрываемой в исторических источниках социальной действительности. Главу логики исторически фактов, учёный приходит к результатам, которым не только не соответствуют его партийной линии, но и, по существу, находятся в глубоком внутреннем противоречии с ней, что бы сам исследователь по этому вопросу ни думал.

Рассказывая о связи историка с общественной реальностью его труда имеет другой аспект. Декларация описания учёным идеи партийного общественного идеала автоматически не определяет научную эффективность его историографической практики. Во все времена существовало идеальное посредство между историческими произведениями, не соответствующими прогрессивным политическим и общественным идеалам своей эпохи или даже в расчёт степени противоречия им, как бы громогласно их автор не кричал в своей верности этим идеалам.

В конфликте между идеями-теоретическими принципами учёного и их воплощением в его историографической практике находит свои выражение специфика получаемых объективных данных в истории. Эта специфика заключается в относительной самостоятельности историографической практики. Являющейся объектом исторического изучения социальная действительность состоит из различных плоскостей, представляющих разные уровни не поддающиеся для выявления конкретных исторических закономерностей и связанных с этим объектом существенных социально-экономических и политических процессов.

определенные различные формы классовой борьбы и у нее неизбежно требуют в качестве своей предпосылки партийного движения то или иное другое общество, привлекаясь всякие новые моменты, не выходящие в какой-то зависимости от его классовой борьбы. Это прежде всего относится к фактической стороне исторических событий. Полученное здесь объективное знание широким, хотя, разумеется, далеко не полным, образом циркулирует партийно-классовыми методами. Уж в произведениях многих авторов содержится элемент объективной истины, относящийся главным образом к изображенным конкретным историческим событиям, которые стали прочным историческим материалом. Когда составной частью в различных, иногда диаметрально противоположные по своему классовому содержанию исторические концепции. Также элементы объективной истины различия исторической науки, составили обязательную предпосылку ее поступательного движения.

Однако не только в сугубо объективной сфере можно находить элементы истинного, изучение которых не детерминировано и классовой принадлежностью ученого, вследствие чего результаты такого изучения не носят однозначно партийного характера. Они существуют, конечно, и на сравнительно более ограниченном масштабе, и на некоторых уровнях теоретического обмысливания истории. Свидетельств в качестве примера на известную марксовскую теорию Г. Л. Маурера¹². Создавая в середине прошлого столетия ученым, придерживавшимся сугубо консервативных идеологических убеждений и бывшим одно время важным государственным чиновником, задолжителем охранительных начал, субъективно направленной на противоречивый революционный патристизм в Германии, эта теория содержала вполне объективное знание о характере аграрной эволюции (подлинная субъективность лежала прежде всего в отношении к истинности). Получившая в значительной степени основания марксистская теория.

Эта и многие другие примеры свидетельствуют о том, что в ходе исследовательской практики историка вырабатываются такие научные планы, которые обладают относительной независимостью от его классово-партийных позиций. Данное обстоятельство следует иметь в виду для понимания как развития исторической науки, так и сложившихся принципов партийности в истории. Подымаем полностью идентифицировать

¹² Восторженный отзыв этой теории в ее месте в истории исторической науки см. Давидов А. М. Проблемы аграрной истории России средневековой и ранней историкографической эпохи XIX - начала XX в. М., 1938.

партийную позицию отдельного ученого, исторической школы или целого исторического направления с их исследовательской практикой сгущает действительную картину развития исторического знания и в последнем счете лишь компрометирует сам принцип партийности исторической науки.

Из этого, однако, вывод не следует, что партийность историка проявляется лишь в сфере идейно-методологических представлений, не отражая сколько-нибудь серьезно на его исследовательской практике. Даже в тех случаях, когда неумолимая логика исторических фактов приводит ученого к выводам, объективно противоречащим его классово-партийной позиции, эти последние в той или иной степени неизбежно отражаются на его конкретных исследованиях, накладывая на них свой негладкий отпечаток. Ее влияние обнаруживается прежде всего в интерпретации изучаемых фактов, в той идейной направленности, которую приобретает все исследование. Часто, как это было в случае с марксовой теорией Маурера, это находит свое выражение в том, что реакционные или консервативные идейно-методологические взгляды ученого ограничивают научное значение его конкретно-исторических исследований, сообщая им черты неполноценности и внутренней противоречивости.

С другой стороны, провозглашение принципа коммунистической партийности в историческом исследовании само по себе далеко еще не гарантирует высокого научного качества работы историка. Самые лучшие побуждения, не подкрепленные профессиональным мастерством ученого, оборачиваются заметными потерями, что неизбежно ведет к дискредитации принципа коммунистической партийности. Поэтому научная эффективность применения этого принципа в исследовательской практике непосредственно зависит от степени владения историком всей совокупностью принципов и методов исторического познания. В частности необходимым условием получения объективно истинного знания о прошлом является строгое соблюдение принципа историзма в подходе к его изучению.

§ 6. Общая характеристика понятия „историзм“.

Буржуазный историзм

Утверждение исторического взгляда на развитие человеческого общества неразрывно связано с развитием европейской общественной мысли нового времени. На смену характерному для античности и средних веков статическому подходу в сфере социальных отношений пришла представление об их изменчивости. Тем самым возникла точка для шумного пе-

мысленной Природы исторического развития, а следовательно, в вид его объективного объяснения. В XIX в. повсеместно утвердился исторический взгляд на мир человеческих отношений, а принцип истории становится основополагающим и повелевающим (110) *Политический*

Нельзя выделить два основных течения, в которых убогребается понятие „историзма“ в научной литературе. Широко и узкое. В широком смысле это понятие охватывает способ мышления, базирующийся на осознании неразрывной связи, существующей между прошлым, настоящим и будущим, и представляющий отсюда „чувство истории“ как характерная черта мышления европейской цивилизации. В этом смысле историзм является важнейшим мировоззренческим понятием, объединяющим обращение общества к прошлому в качестве необходимой предпосылки познания им собственного настоящего и перспектив своего будущего. Отношение к истории выступает здесь как одна из существенных характеристик духовного состояния общества, господствующей в нем атмосферы.

Под историзмом в узком смысле понимается принцип научного познания, требующий изучения всякого общественно-исторического явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии (изменении). Он предполагает подход к исторической действительности, осуществляющийся во времени в разрыве с ней и в силу присутствия ей внутренних закономерностей, и рассматривает всякие составленные ее элементы как историческую индивидуальность, обладающую своими специфическими чертами.

Мы будем характеризовать историзм преимущественно в его втором, узком смысле. Однако при этом надо иметь в виду, что оба его значения — широкое и узкое — тесно переплетаются между собой, так как историзм мышления предполагает исторический подход к изучению всякой общественной жизни, а этот последний в свою очередь прямо или опосредованно имеет выход в сферу мировоззрения.

Заглавные коренные вопросы осмысления развития человеческого общества, применительно к историзму в научном смысле, лежат в основе своей сути являются марксистско-ленинскими. Поэтому различаются историзм марксистский и историзм буржуазный, имеющие разные идейные содержания, определяющиеся соответствующими классовыми позициями.

Буржуазный историзм сложился в XIX в., способствуя утверждению в науке исторического подхода к изучению прошлого. Благодаря такому подходу были достигнуты значительные успехи в понимании своеобразия каждой исторической

тогда, изучивши различные стороны его жизни. Однако уже в это время буржуазному историку как кривому зеркалу истинной жизни была присуща серьезная методичность. Собственно, истинный историк в изучении каждой общественной жизни у буржуазных ученых обнаруживался лишь в подходе к древнему. Обращая же к современному, даже самые принципиальные из них, как правило, отказывались от его действительного изучения. Характерным для них восставанием буржуазного буржуйства являлось, если и его незначительность оборачивалась убеждением, что развитие или мимолетное изменение могло быть и в прошлом. Таким образом, буржуазный историзм оказывался как бы усеченным, замкнутым на прошлое, вследствие чего он не смог стать эффективным инструментом изучения истинной природы общественной исторической реальности и его основой исключительности.

По мере же периода буржуазия не консервативная и реакционная позиция философия все более заметной деформации и отдаления от истинного и прошлого. В особенности она стремилась одерживать валиднейшей категории историзма — категории развития. В ее истинном виде возобладал плоский эволюционизм, редуцирующийся периоды в истории дискретировались, проходила делалась биологическим отклонением от нормы. Абсолютизировалось и гипертрофировалось присутствие каждой революции разрушительное начало и в то же время отрицалась ее созидательная, творческая роль в историческом развитии человечества. Прямым вызовом гегельянскому историзму стали мощные в старейшей буржуазной историографии экономический, истосоциологический и тому подобный методы, порывавшие с самым принципом историчности в любой к прошлому.

§ 7. Принципы марксистского историзма в историческом исследовании

Наиболее полным и последовательным политическим принципом историзма являлись в марксистской науке. Характеризуя историзм XVIII в., Ф. Энгельс подчеркивал свойственное ему „отсутствие исторического взгляда на вещи“, следствием чего „становилась неизбежной приемлемый взгляд на великом историческом связи, и история в лучшем случае являлась голыми и услугами факсификом оборачивался примером в какой страдан“¹². Обнаружение этой „великой исторической связи“

¹² Энгельс Ф. Соч. 1-4 том. Т. 3]. С. 281—282

стали крупнейшими личностями марксистской мысли. Они пытались соединить мир природы и мир социальных явлений в едином и своей цельности картину, главной характеристикой которой стала диалектическое движение во времени. В этой картине была преодолена как присущая Гегелю противопоставление природы и общества, так и натуралистический историзм XVIII в., отождествлявший эти две формы движения.

В отличие от всех разновидностей буржуазного историзма марксистский историзм является диалектико-материалистическим ориентировавшимся на исследование социальных классовых противоречий как движущей силы общественного развития. Благодаря этому не только была раскрыта реальная диалектика исторического процесса, но и указаны пути и способы ее материально-исторического изучения.

Основательную теоретическую разработку принципа марксистского историзма получил в ленинских трудах, где он наиболее выступает в качестве основоположителя в изучении самых сложных явлений общественной жизни. Для В. И. Ленина понятие „историзма“ и „марксизма“ неразрывно связано историческим подходом к социальному познанию вытекает из самой сущности марксизма, составляет важнейшее его требование „Наша душа марксизма, вся его система, — писал он, — требует, чтобы мы прежде всего рассматривали вещи (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным содержанием истории“¹⁴.

Образцом такого подхода для В. И. Ленина служила труды самого К. Маркса. Характерную из них „гигантский шаг вперед“ в познании действительных закономерностей общественного развития, он усматривал этот шаг в том, что основоположник научного коммунизма отбросил абстрактно-метафизические рассуждения своих предшественников „об обществе и прогрессе вообще и зато дал марксистский анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического“¹⁵.

Речь, следовательно, идет о конкретно-историческом явлении истинного общественного развития как единичным требованием историзма. И чем более сложным и многоплановым представляется это явление, тем настоятельнее необходимо такой анализ как обязательная предпосылка его объективного познания.

Каким же должен быть этот анализ? Развернутый ответ В. И. Ленин на этот вопрос и является по существу, классиче-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 139.

¹⁵ Там же Т. 1. С. 143.

ческой формулировкой марксистского историзма как принципа научного познания. Такое важное условие научного подхода к рассмотрению работы общественного сознания, писал он, «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, кем и в какой мере и в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это сознание проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²¹.

Блестящий пример реализации этого принципа в подходе к конкретному общественному явлению — известная лекция о трагедии государства Огюста, что «вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, историками и философами», он в лекции «О государстве» обращается к историческому взгляду на государство, по его словам, «надежному способу научного подхода к этому вопросу»²², раскрыли сущность государства в его историческом развитии²³.

Характерной чертой марксистского историзма является непрерывное единство исторического и классического анализа. Такое единство составляет определяющую черту всей методологии В. И. Ленина, проявляясь как в его формулировках, так и непосредственно в исследовательской практике. «Марксизм, — писал он, — требует от нас самого точного, объективно проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента»²⁴. Так требовали классического и конкретно-исторического анализа социальная сущность, обратная методологическую основу ленинского анализа социальной действительности и обуславливая его научную результативность.

Однако только этим значением принципа марксистского историзма не ограничивается. Указывая на условия получения объективного знания о существующих явлениях не только прошлой действительности, но и современности, он тем самым выступает важным средством эффективного воздействия на нее. Тесная связь исторического анализа с социальной практикой обуславливает возможность его постоянного совершенствования под воздействием этой практики. Примером тому служит обобщение В. И. Лениным опыта революционной борьбы российского и международного пролетариата. Осмысление ре-

²¹ Ленин В. И. *Собр. соч.* Т. IV. С. 47.

²² Там же. С. 64—67.

²³ См. там же. С. 72.

²⁴ Там же. Т. 31. С. 132.

выпуклостью практики способствовала обогащению революционной теории, главным элементом которой составляет принцип историзма.

Как и всякий другой принцип научного познания, марксистский историзм не является чем-то застывшим, жестким. Он непрерывно развивается и обновляется вместе с развитием науки, но прежде всего под влиянием самой жизни. Непрерывно изменяющаяся социальная действительность требует для своего адекватного постижения постоянного совершенствования познавательных приемов и средств. Эта связь с социальной практикой, воплощающейся в революционном преобразовании общества, является характерной чертой марксистского историзма неисчерпаемым источником и одновременно условием его плодотворности как познавательного принципа. Именно благодаря такой связи, объясняющей его „открытость“ происходящим в мире изменениям, он смог проявить свою эффективность в самых различных исторических условиях. Необходимо дальнейшее совершенствование этого принципа в целях более точности и глубокого познания в сегодняшнем быстро меняющемся мире.

§ 2. Количественные методы в историческом познании

Принципы коммунистической партийности и марксистского историзма образуют в своем сочетании методологический базис исторической науки. Исходя из возможности получения объективного знания о прошлом, был выявлен с тем раскрыты необходимые для достижения этой цели условия и предпосылки. Эти последние, как мы могли убедиться, строго соответствуют природе исторического познания как особой формы общественного самознания. Тем самым определяются границы использования в истории методов других наук.

Постоянное обогащение и совершенствование методологического арсенала исторической науки — необходимое условие ее всестороннего развития, всесторонности получения объективного знания о своем прошлом. Причем в этом арсенале наряду с естественно историческими методами, такими как археол., этнографическо-исторический или ретроспективный, все более важное место занимают методы, заимствованные из других наук, не только общественных, но и естественных.

Глава об этих методах заимствованных имеет длительную историю. Достаточно вспомнить статистический метод, плодот-

теория историкоэкономическая в исторической науке уже в прошлом столетии и особенно стремительно в начале семидесяти-летии нашего столетия.

Но особенно бурно эти взаимодействия шли в настоящее время, привнеслись прежде всего в историческую науку для исторических наук, в особенности всеобщей историкоэкономической методологии, связанные с микроэкономико-вычислительной техникой. В своем крайнем выражении этот процесс привел к появлению на Западе особой дисциплины, о которой уже упоминали выше, — так называемой эконометрики, основывающейся на широком применении математических методов в изучении истории. В связи с этим всеобъемлющим становится вопрос о мере присутствия в функциях естественно-научных методов в историческом познании истинности и при каких условиях применимы эти методы в изучении исторических явлений.

Как убедительно свидетельствует исследовательская практика последних десятилетий, применение новейших достижений естественнонаучных наук в истории уже сейчас привело к значительному расширению ее познавательных возможностей. Так, последние открытия в методике обработки исторических архивохранилищ позволяют систематически использовать редкоупомянутого в диалектологическом методике, позволяющие добиться значительного увеличения точности и достоверности получаемых архивных результатов, и следовательно, в их научной ценности.

Значительные успехи достигнуты и в применении в исторической науке количественных методов и математического моделирования. Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что процесс математизации истории приобрел небывалый характер равно как и о том, что в своем итоге процесс является научно обоснованным. Использование математических методов привело к расширению горизонтов исторического познания, возрастанию его достоверности и эффективности. С их помощью получены также результаты, которых было невозможно достичь при помощи только традиционных методов.

В качестве примера отвлечены условия советские историков в изучении с помощью математического моделирования социально-экономических отношений в русской дореволюционной деревне. Были получены существенно новые результаты в исследовании таких научных проблем, как формирование и развитие всероссийского аграрного рынка (И. Д. Коваленко, П. В. Мухомов), социальное экономическое строение помещичьего

использованы в конце XIX — начале XX в. (Н. Б. Селунский) и др.²⁴

Количественные методы все шире применяются в изучении политической и культурной истории, истории идей и т. д. ЭВМ становится все более важным атрибутом деятельности историка, а информатика является новым димом в учебные курсы исторических факультетов.

Бурное вторжение математики в историю, конечно, не является чем-то случайным. Оно обусловлено закономерным развитием самой исторической мысли. Углубляясь в изучение внутреннего механизма исторической жизни общества, уже не может довольствоваться общими, приближенными оценками связи той или иной ее стороны. Упомянутые параллели являются лишь требованием совершенствования методов работы с источниками, были получены извлечены и использованы содержательные факты, а фактически в особенности это относится к массовым источникам, сама природа которых предлагает необходимость применения количественных методов для их обработки.

Настоящее с тем самым использованием количественных методов в изучении истории, темопеменный шаг в нашей стране, тем и на рубежом, свидетельствует, что простого применения математики к истории еще далеко не достаточно для действительного повышения научной эффективности исторического познания. Малейшая ошибка истории будет катастрофичной лишь при складывании ряда условий, важнейшим из которых — установление оптимальной соотношения между количественным и качественным анализом в историческом исследовании. Эффективность использования математических методов в истории зависит от той методологической установки, которая определяет как постановку исследовательской задачи, так и выбор способов ее решения.

Под этим углом зрения рассмотрим решение в советской науке вопроса о характере социально-экономического строя помещичьего хозяйства в России на рубеже XVIII столетия. Научное значение этого вопроса очевидно. Ведь, по существу, здесь идет речь о выяснении предельных возможностей исторической реконструкции в деревне. Между тем его решение с помощью традиционных исторических методов шлопикалось на неуропод-

²⁴ В дальнейшем изложении автор ориентируется на работы в русской книге советского соискателя в этой области И. Д. Жолдыренко. См. Жолдыренко И. Д. О моделировании исторических процессов и процедур // Вопросы истории и обществоведения в американской историографии М., 1983: 110-111. Примененные количественные методы и ЭВМ в истории // Вопросы истории 1984 № 9. См. также Историческая наука. Вопросы методологии М., 1986 Гл. X.

нам трудности, так как в исследовании большинства помещичьих хозяйств в разной степени использовались две методические формы — капиталистическая и аграрно-крестьянская на эксплуатационно-капиталистических участках крестьян. Это делало практически невозможным строго научное решение вопроса о преобладании той или иной хозяйственной формы в обследованных хозяйствах.

Выход был найден в переходе от статистической характеристики помещичьего хозяйства к моделированию его структуры с широким применением математических методов. Только с их помощью стало возможно эффективное использование массовых источников, которые характеризуют русские помещичьи хозяйства в период капитализма (данные земской статистики, земельных банков, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг.) и позволяли часть которых ранее не были вовлечены в научный оборот.

Но модальностьному анализу этих источников преимущественно теоретическое осмысление проблемы, основанное на марксистской характеристике капиталистического производства в помещичьем хозяйстве о двух типах развития капитализма в сельском хозяйстве. Опираясь на эту методологическую базу, на основе которой были построены математическая модель русского помещичьего хозяйства, количественно выражающая тесноту взаимосвязей между различными компонентами его внутренней структуры, дифференциальной в источниках. В итоге был получен в математически обозначенный важный научный вывод о преобладании в русской деревне накануне революции капиталистической формы помещичьего хозяйства.

Приведенный пример показывает условия эффективности научного моделирования в историческом исследовании с применением математических методов. В рассмотренном случае были построены, по предложению И. Д. Козьмина, стратегическо-исследовательская модель дименсионально-матричного строя русского помещичьего хозяйства. Ее построение включало два этапа — субструктурно-содержательный (называемая модель) и формально-количественный (количественная модель). Первая модель является результатом всестороннего теоретического анализа моделируемого объекта, направленного на выяснение его сущностного содержания (в данном случае — генетический анализ эксплуатационно-капиталистического хозяйства), вторая заключалась в выявлении количественных характеристик рассматриваемого объекта (помещичьего хозяйства) и их математической обработке. Причем

и малая объективность и эффективность определяются условиями той теории, на которой они основываются.

Другими словами, возникшая проблема в применении историко-научных методов в истории лежит не столько в сфере методологии науки, сколько в области исторической теории. Именно здесь формулируются исследовательские задачи, выбираются методы, определяющие обращение к математическим методам. Таким образом, научность теории, которой руководствуются историки, является решающей предпосылкой плодотворности исследования или (математических методов). Как бы широко ни последовали бы использовались в истории, они для нас остаются неактивными методами, применимыми только исторической науке решать ее собственные задачи. Обусловленные одной постановкой ее задачи, какими бы историческими данными были, трудность введения установки обуславливает конечную научную состоятельность получаемых с их помощью результатов. Убедительным примером тому служат попытки некоторых математиков с помощью так называемых новых методов обосновать правдоподобие еще известным русским европеизаторам Н. А. Морозовым схему всемирной истории, суть которой сводится к тому, будто древняя и средневековая история человечества были „выдумкой“ и эпоху Возрождения. Показательно при этом, что, предпринимая претенциозные попытки доказать, что древняя история — это „вымышленная мистификация“, в расчет не принимается требование логичности выводов, которые „новыми методами“ в своих собственных остроумных спорах о содержании требуют фактически минимума в тенденциозно подобранным материалом.¹⁴

Так иудейская иерусалимская школа неизбежно несет на себе: выходящие данные точных наук и в том случае обнаруживается не совершенствованием истиннонаучной базы исторического исследования, а, напротив, ее осуждением теми даже прямой фальсифицированной историческими данными.

Тем более несостоятельными являются попытки подменить историко-научное изучение истории математическим моделированием тех или иных исторических явлений, что характерно для коммунизма с ее претензиями познать целостные исторические процессы в ряде главных и исторических познаний. В этом случае

¹⁴ См. об этом: Гельман Е. С., Самаря Н. М. О попытке привнесения „новых методов статистического анализа“ к материалу древней истории // *Вестник древней истории*, 1982, № 1; Гельман Е. С., Давыденко Г. А. История древнего мира и „новые методы“ // *Вопросы истории*, 1982, № 2; Гельман Е. С., Зиньков В. А. „Длинные“ „короткие методы“ в археологии древнего мира // *Вопросы истории*, 1982, № 12.

истории практической перлет свои важнейшие качества, с античных времен конституировавшие ее как особую дисциплину, перестала быть логически связным последовательным рисунком с человеческим процессом. Конкретизируя свои усилия на изучение структур, логических эквивалентных или социальных явлений, климатристы „расширяют исследование исторического процесса на отдельные моменты“¹⁷. Утверждения этого утверждаются представлениями о целостности истории, в том смысле и в объеме исторического процесса.

С другой стороны, логические климатрические исследования нередко не только не способствуют более глубокому историческому пониманию изучаемых явлений, но и приводят к парадоксальным результатам, затрудняями это понимание. Ярким примером тому служит сияющая шумную известность на Западе труды влиятельного американского климатриста Р. У. Фогеля. В одном из них (написанном в соавторстве с С. Д. Эстерманом) обосновывалась предположительная выгода и экономическая жизнеспособность рабовладельческой системы в американских южных штатах, являвшейся якобы более эффективной, чем фермерские системы в северных штатах, в таком отношении мягкость рабства как „формы индустриальной дисциплины“. В другом утверждалось, что строительство железных дорог не оказало сколько-нибудь существенного влияния на экономическое развитие США в XIX в. и вообще оно не явилось историческим фактом¹⁸. Неудивительно, что в соавторстве с Л. Стоуном, когда он по поводу подобных работ писал, что здесь „исторические источники были нетщательно проверены и верифицированы, а также «квантифицированы» при помощи Эстмана с довольно впечатляющими результатами“¹⁹.

Приведенные примеры (а их число можно умножить) показывают, что математизация истории сама по себе никакой чудодейственной силой не обладает. Напротив, признавая повышенную точность исторического исследования, доказательность его основных выводов и выводов и в конечном итоге увеличить

¹⁷ Климатристы Я. Д. Фогель и А. Нотье в предисловии кривически количественных методов в социальной и экономической историографии [Количественные методы в социальной и экономической историографии С. 17].

¹⁸ Критической анализ этих построений см. Промислав М. М. Исследования методов исследования в работах британского ученого экономической истории (США) [Математические методы в исследовании по социально-экономической истории М., 1973, Бюллетень ИИ. США. Проблемы истории и социологии историографии М., 1980].

¹⁹ Stone L. The Fun and the Fringe P. 32.

адекватность истории к адекватному отражению прошлого, или на деле может приводить к прямой противоположным результатам. Однако мы вправе заключить, что распространение количественных методов историко-математически никак не может решить проблему объективности исторического познания. Только отрываясь от всякого идеала объективности, связанного с бурными взрывами математики в истории, и разработкой строго методологически приемлемых приемов работы с ее данными, мы сумеем добиться их эффективного использования для достижения максимальной степени объективности в области исторической действительности.

Весь вышесказанный анализ — как позитивный, так и негативный — историко-количественных исследований свидетельствует о необходимости обязательного теоретико-методологического обеспечения математизации истории. Это означает, в частности, учет специфики исторического познания, существенное обременение которого объективно имеют причины партийности и историзма. Только так при решении конкретной исследовательской задачи можно выработать теоретическую программу, обеспечивающую максимальные возможности научного плодотворного использования в историографической практике количественных методов и математического моделирования. Собственно, только так и может быть достигнута главная цель применения математических методов в историческом познании, заключающаяся в том, чтобы помочь историкам получить объективное знание о своем предмете исследования.

Разумеется, мы затронули далеко не весь круг вопросов, связанных с применением математических методов в изучении истории. В частности, за пределами специального рассмотрения остался вопрос о языке историко-количественных исследований, поскольку он непосредственно не относится к проблеме объективности исторического познания. Между тем это чрезвычайно важный вопрос, прямо затрагивающий проблему социальной эффективности исторического знания, что и побуждает нас, завершая обсуждение характера историко-количественных исследований, остановиться в самом общем виде на их языке.

Дело в том, что такие исследования зачастую оказываются недоступными не только для широкой читающей публики, но и для специалистов, владеющих математическими методами. Из неудовольчивость естественно ослабляет силу социального воздействия исторической науки. Это в особенности волнющий элемент присуще западной историографии, где бурное развитие кликуметрии создало реальную угрозу раскола исторической

науки на соперничающие группировки традиционных и „ливых“ историков. Следует признать, что вопрос о языке историко-количественных исследований является достаточно острым и у нас. Ведь математизированный язык этих исследований значительно затрудняет их читательское восприятие. Будучи не свойственным самой природе исторической науки, адресуемый своим результатам массовому читателю, он в случае своего широкого распространения может стать серьезным препятствием для успешного осуществления ею своей истиннонаучной функции. Поэтому решение вопроса о мере присутствия математики в истории является одним из условий органического включения количественных методов в познавательный процесс исторической науки.

§ 9. Сложившиеся объективного и относительного знания в историческом познании

Признавая возможность постижения объективной истины в изучении прошлого и выдвигаемые для этого предпосылки и условия, марксистская методология вместе с тем предостерегает против всякой попытки абсолютизировать получаемые исторической наукой знания, независимо от того, идет ли речь о современном или отдаленном прошлом. Необходимость такого предостережения объясняется опасностью догматизации исторических знаний, превращения их в истинный абсолют, не подлежащий какому-либо пересмотру или даже сомнению.

На самом же деле в истории, как и любой другой науке, идет непрерывный процесс обогащения ее фактической основы, заключившей в себя же только получение нового знания, но и пересмотр уже имеющегося. Но не потому, что объективно-истинное знание остается лишь возможностью, так никогда и не превращающейся в действительность. Прокисавшим гносеологическим оптимизмом, марксистская теория научного познания подчеркивает присутствие объективно-истинного момента в любом знании. Но вместе с тем она рассматривает знание, получаемое наукой в каждый данный момент ее развития, как неполное и незавершенное. Объективно-субъективный характер исторического как и всякого научного познания, обуславливает наличие в его структуре релятивистского элемента.

Применительно к истории дело усугубляется тем, что неизменно является в сам предмет познания, история человеческого общества. Дialectическая связь прошлого, настоящего

то и будущего находят свое выражение в частности. А там, где явления прошлого имеют многообразные и отдаленные последствия, не только обнаруживающиеся в настоящем, но и распространяющиеся в будущее. Вследствие этого осмысление каждого такого явления будет носить ограниченный условиями места и времени, незавершенный характер. Причем по мере приближения во времени к историческому предмету или последованиям из незавершенности, а следовательно, и отнесенности и близости, естественно, возрастают.

Следовательно, настоящее и даже будущее выступают в качестве измерений, необходимых для оценки прошлого. Мы не сможем, например, понять значение победы советского народа в Великой Отечественной войне, не приняв во внимание не только современное состояние мира, включая образование мировой социалистической системы и крах колониализма, но и возможные тенденции дальнейшего развития человеческого общества, связанные, в частности, с предотвращением угрозы термоядерной катастрофы. Только так же историк, изучающий тот или иной аспект современной ИТР, обязан в какой-то мере предвидеть ее более или менее отдаленные социальные и политические последствия. Только в этом случае он сумеет приблизиться к объективной ее объективной значимости.

В полной мере сказанное относится и к событиям более отдаленного прошлого. Будущее всякий раз открывает какую-то новую грань прошлого, высветлившую тем или иным его последствиями, вследствие чего оно образует необходимый компонент, формирующий объективную оценку изучаемых событий. Игнорирование этого компонента или его неверный учет сразу же оборачиваются неоправданными просчетами в определении объективного значения изучаемого события.

Естественно, более значиме будущего носят ограниченный характер, проявляясь главным образом в установленных ведущих тенденций общественного развития. Они во многом своей являются вероятностными, благодаря чему и в ряде случаев о прошлом вносится элемент относительности. Но это, разумеется, не означает, что мы не можем иметь объективно-значимое знание о незавершенном прошлом. Конечно, возвращаясь к приведенному выше примеру, знаниям сегодня о тех грядущих последствиях научно-технической революции затрудняет ее всестороннюю оценку. Тем не менее ее современное марксистское понимание как каренного качественного изменения всей совокупности производительных сил, характеризующееся операцией развитием автоматизации, кибернетизации, информатизации, биотехнологии, микропроцессорной техники, отража-

действительные содержимые процессов, именуемых этим термином, и заключает в себе, таким образом, момент объективности истинного знания и данным данным.

Если мы признаем неизбежность прошлого, то тем более неизбежны, неизбежно „открыты“ являются процессы его познания. Современность всякий раз обнаруживает новые аспекты и аспекты прошлого, выдвигает новые точки зрения, ведущие к пересмотру сложившихся ранее представлений. Это закономерный процесс, в котором воплощается поступательный характер научного познания. При этом важно подчеркнуть, что новое знание о прошлом не просто переосмысливает старое. В своем виде это последнее присутствует в нем. Истина о прошлом в каждый данный момент познания является относительной, но ведь из суммы относительных истин и складывается в бесконечном процессе человеческого познания истина абсолютная. „Каждая ступень в развитии науки приближает новые зерна к этой сумме абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания“¹⁰.

§ 10 Исторический факт и его интерпретация

Поступательное развитие исторического познания выражается в прогрессивном накоплении достоверного фактического материала, находящегося в распоряжении науки. Исторические факты составляют основу всякого исторического знания. На них базируются все исторические представления и концепции, равно как и создаваемая исторической наукой общая картина развития человеческого общества. От того, насколько эти факты являются достоверными, в какой мере они отражают историческую действительность, зависит наше восприятие этой действительности, а следовательно, и способность адекватного постижения ее ведущих тенденций и закономерностей. Поэтому проблема объективности исторического познания в последнем счете сводится к проблеме объективности исторического факта, а трактовка его природы сводится своего рода лакуновой бумажной, помогающей выявить общую подход к познавательным возможностям исторической науки.

Получительную иллюстрацию в этом отношении претерпела буржуазная историческая мысль. Если в прошлом столетии господствовали позитивистские представления об исторических фактах как „твердых кирпичиках“, в готовом виде находившихся

¹⁰ Лопат Д. В. Поль собр. соч. Т. IV. С. 117.

се в источниках и извлеченных оттуда историками, страхином по ходу своей теории и концепции, что явилось выражением убеждения в безусловной способности исторической науки давать объективное знание о своем предмете, то утраги этого убеждения в XX в. обособили быстро и резко сформалась их переосмысление к историческому факту. Утверждалась представления о субъективной природе исторических фактов, являющихся якобы продуктом творчества самого историка, создающего свои факты в соответствии с общими запросами современности.

В противоположность такому роду субъективистским трактовкам марксистская наука исходит из привычного объективной природы исторического факта, доступной научному познанию¹¹. Впервые утверждением объективности историк имеет дело не с „фактом-символом“, которому каждый исследователь вправе приписать любое значение, а с объективной реальностью, существующей независимо от него. Каждый достоверно установленный, подтверждаемый источниками факт содержит в себе элемент объективной истины, с которым должно считаться его интерпретация. Историк может признавать этому факту то или иное значение, но исходным материалом всякого его рассуждения, если он хочет оставаться на почве реальности, является содержащийся в источниках сведения, которые и составляют данный факт.

Признаком объективной природы исторических фактов не означает, однако, возмещение исследователей-марксистов по лозунгистские починки в методологическом их месте в процессе научного познания. Отношение между историком и его фактами а действительности является гораздо сложнее, чем это представлялось позитивистами. Факты истории не являются чем-то неопределимым, раз навсегда данным, вечно существующим. Они могут включаться в научный оборот по мере успехов исторического познания, но могут и исключаться из него, оптимизация „дефектами“.

Например, в европейской науке XIX в. общепризнанным являлся исторический факт „внедрение из Западной Европы железных плужков“, включивший в себя также знания западно-европейской средневековой жизни, как подлинно историче-

¹¹ Прибыль исторического факта получила исключительную роль в науке и марксистской науке. В числе важнейших воспоминаний отмечены: Николь Г. М. Исторический метод и историческое познание. Томск, 1973; Матвей Г. М., Ефремов А. М., Петров Ю. В. Металлологический и другие исторические познания. М., 1981; Ривкин А. М. Историческое познание. М., 1982; Бодя М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

штата, рост городов, расцвет рыцарства и т. д. Однако уже в конце прошлого столетия для историков стало очевидным, что все эти явления в своей основе не были связаны с взлещем крестовых походов. Но это означает, что в исторической науке перестал существовать и сам факт этого взлещия в том его понимании, какое господствовало в историографии XIX в.

С другой стороны, хотя иуже давно были известны такие явления, имевшие место в истории Англии XVI—XVII вв., как стон крестьян с земли, кровавое законодательство против несоразмериванных, возникновение капиталистического производства, колониальная жепания, „революция цен“ и т. п., понадобился гений К. Маркса, чтобы за всем этим увидеть исторический факт „первоначальное накопление капитала в Англии“.

Приведенные примеры, разумеется, не означают, что исторические факты являются произвольными конструкциями, представляющими собой простой продукт субъективного творчества историка, ибо и в том и в другом случае речь идет о явлениях, реально существовавших в исторической действительности. Ведь К. Маркс не создал, а открыл факт первоначального накопления капитала в Англии, факт, объективно существовавший в английской позднесредневековой действительности и достоверно зафиксированный в своих костальных элементах в разнообразных исторических источниках того времени. С другой стороны, исчезновение из научного оборота исторического факта „влияние на Западную Европу крестовых походов“ в его традиционном истолковании отнюдь не означало, что было выставлено под сомнение существование в западноевропейской средневековой действительности таких составляющих его явлений, как рост городов, упадок папства и т. п. Просто с успехами исторического знания были обнаружены иные, более глубокие причины указанных явлений, корни их лежали в самой западноевропейской действительности, а происходили в ней социально-экономических и идейно-политических сдвигих.

Тем самым мы подходим к центральной проблеме, разделяющей марксистское и позитивистское понимание исторического факта, — проблеме исторической интерпретации. История отнюдь не является простым регистратором фактов, в готовом виде выуживаемым их из источников и добросовестно строящим из них твердые здания своей концепции. Воспринимая позитивистскими представлениям на этот счет он никогда не ограничивается простым воспроизведением фактов прошлого, а интерпретирует (истолковывает) их в соответствии со своими убеждениями, пристрастиями, общим духом времени. В итоге такой интерпретации возникают научные понятия, более или менее

Адекватно отражающие реальную действительность и составляющие в своей совокупности, как факты науки, живую ткань всякой исторической теории.

Между тем в нашем языке термин „исторический факт“ означает как само явление, имевшее место в реальной действительности, так и его отражение в исторической литературе и адекватные научные понятия. Такое многозначность термина порождает дополнительные трудности в осмыслении характера исторического познания, и природы исторического факта в частности. Даже в новейшей марксистской литературе встречается нередко формулировка, не учитывающая эту многозначность, вследствие чего помимо желания авторов отрицается возможность субъективистского толкования проблемы факта.

Возьмем в качестве примера одну из самых распространённых формулировок: „Факт не существует без его объяснения, как не существует объяснение без факта — в этом состоит научное исследование“²¹. Это положение безусловно верно в отношении факта, понимаемого как факт науки и неразрывно связанного с интерпретирующей деятельностью учёного. Однако оно сразу же порождает вопросы, ведь под фактом понимать, как это часто делается, „фрагмент действительности“²², реально существовавший в прошлом событии или явлении. Разве такой факт не имеет объективного значения, независимо от нашего объяснения, которое историк может лишь обнаружить, но не в состоянии произвольно принять ему? Разве только объяснение создаёт такой факт? Положительный ответ на последний вопрос неизбежно смыкается с релятивистским ветлковским пониманием проблемы факта в исторической науке. В равной мере нельзя признать безупречным ход рассуждений, когда с одной стороны, исторический факт признаётся объективной реальностью, а с другой — утверждается, что историк придаёт ему то или иное значение.

В последнем примере особенно явно обнаруживается смешение двух значений понятия „исторический факт“. Если факт действительности является объективной реальностью, то такой же реальностью является и присущее ему значение. И напротив, если историк придаёт факту определённое значение, он в известном смысле его создаёт, ибо нет факта без значения.

²¹ Сизаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографической работы // Вопросы методологии исторической науки. М., 1977. С. 53.

²² См., например Кривош В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Историческое наследие. М., 1969.

²³ См. Кривош В. А. Что такое история? М., 1976. С. 67.

Другое дело, когда речь идет о факте науки, создаваемом историком в рамках определенной концепции. Такой факт действительно обладает тем качеством, которое придает ему историк в соответствии со своими идейно-теоретическими и общезнучными взглядами. Но как раз поэтому такой факт и не является объективной реальностью.

В марксистской литературе последние лет не только верно отмечаются недостаточная дифференцированность и использование понятия „исторический факт“ но и пренебрежительно жонглируют ее предпосылки. Наиболее удачно принадлежит М. А. Баргу. Он предлагает различать понятия „исторический факт“ как „факт истории“ и „научно-исторический факт“ как „сообщение источника“, науки верифицированное (т. е. проведенное с целью установления его истинности) и омысленное историком и тем самым ставшее фактом науки. В первом случае под фактом признается объективная реальность, не зависящая от историка, во втором — ее отражение, результат процесса познания. Иными словами, исторический факт является первичным, научно-исторический — вторичным.

Развивая свою мысль, М. А. Барг пишет: „Определяющее свойство исторического факта — „фрагмента“ исторической действительности — заключается в его хронологической завершенности и онтологической нецелостности. Определяющее свойство научно-исторического факта заключается в его познавательной незавершенности, в содержательной изысканности, кумулятивности, способности к бесконечному обогащению и развитию вместе с расширением исторической перспективы и прогрессом исторической науки“²⁸.

Размыгрившее обособление понятий исторического факта как объективной реальности, независимой от историка, и научно-исторического факта как результата его познавательной деятельности, указывая на роль познающего субъекта в процессе познания, в то же время четко подчеркивает объективную основу этого процесса. Вопреки субъективистским представлениям о „факте-символе“, „факте-конструкции“, историческая наука имеет дело с фактом — „фрагментом“ исторической действительности, как той безусловной предпосылкой, без которой невозможно лучшее познание этой последней. Исторические факты в своей соизученности образуют его объективное основание. Они составляют тот фундамент, на котором реконструируются научно-исторические факты, являясь одновременно важнейшим критерием, с помощью которого проверяется их истинность.

²⁸ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. С. 152

Если дифференциация понятий „исторический факт“ и „научно-исторический факт“ отнюдь не означает их противопоставление. Каждый подлинный научно-исторический факт строится на твердом базисе верифицированных исторических фактов. Какие бы точности ни достигла наука истории, она имеет право на существование в науке лишь постольку, поскольку может быть удостоверено объективными свидетельствами, содержащимися в исторических источниках, и уж во всяком случае не противоречит им.

В связи с этим уместно заметить, что нередко с подлинными существуют ложные научно-исторические факты как бы верифицируемые на научном уровне. Это происходит, т. е. таким образом, содержание которых является продуктом субъективистского произвола исследователя и не отражает объективные данные фактов истории. Такие „ложные научно-исторические факты“, разумеется, остаются за пределами нашего рассмотрения. Однако необходимо признать во внимание также их существование. Именно они дискредитируют идею объективности исторического познания.

В свете этого нуждается в уточнении мысль, что сам историк придает значение своим фактам. Во-первых, при этом речь должна идти о фактах научно-исторических. Во-вторых, и в этом случае эта возможность далеко не безпредельна. Реконструируя научно-исторический факт, историк не наделяет его произвольным смыслом. Его цель состоит в том, чтобы дать в научных и научно-популярных изданиях идеальное отражение изучаемого явления, что предполагает принципиально точное воспроизведение объективного содержания относящегося к данному явлению исторических фактов. Именно это объективное содержание и должно обуславливать в последнем счете значение, присвоенное соответствующим научно-историческим фактам.

Историк действительно, как писал реконструируемый им научно-исторический факт в определенной системе научных представлений, придает ему определенный смысл. Этот смысл может не совпасть с мнением историка, отсюда его критико-теоретические и общенаучные взгляды. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт может получить разные истолкования и, следовательно, приобрести разные значения. Но только один из них будет истинным — именно то, которое наиболее адекватно отражает объективное содержание соответствующего исторического факта.

Испираясь к приведенным выше примерам, отметим, что и „длинное красное пальто на Зиндзуну Гарину“ и „первоначальное колониальное хозяйство в Алжире“ являются научно-

историческими фактами, построенными на основе объединения большого числа объективно исторических фактов, и только в этом смысле представляются собой „факты конструкции“ или, лучше сказать „факты интерпретации“. Однако в первом случае интерпретация складывается не адекватной соответствующим историческим фактам, а следовательно, и данным научно-историческим фактом, от которого отклонялась наука в процессе своего действительного развития. Напротив, во втором случае во власти державшие сложившиеся для объяснения социально-экономического развития Англии в поздние средневековье, единственные верной, удовлетворительно разъясняющей все отклонившиеся факты и основанной на них стали интерпретация этого развития К. Марксом, которая и вошла прямо в науку как научно-исторический факт „первоначальное накопление капитала в Англии“.

Итак, между историческими фактами и соответствующими им научными историческими фактами стоит интерпретация. Именно она превращает факты истории в факты науки. Именно она вносит в историческое познание тот субъективный элемент, без которого оно просто невозможно. Именно через нее осуществляется влияние современности на изучение прошлого. Но при всей действительно большой роли интерпретации в реконструкции научно-исторических фактов она всегда заключена в жесткие рамки, образующие объективным содержанием собственно исторических фактов. Каким бы значительным ни было воздействие современности на интерпретацию прошлого, она может только его образ лишь базироваться на объективных фактах истории. Конечно, в процессе поступательного развития науки стали эти факты изучены все более глубоко и разносторонне освещены, но это происходит как раз потому, что все глубже, благодаря все более обширной интерпретации объективных фактов, осуществляется сотрудничество.

Отсюда вытекает значение интерпретации в получении исторической наукой объективно-истинного знания. Она расширяет объективный смысл, заключенный в фактах истории, превращая их таким образом в факты науки, более или менее достоверно осуществляющие действительный ход общественно-экономического развития в его существенных тенденциях. Научный прогресс в изучении прошлого осуществляется в совершенствовании его интерпретации, в основе чего лежит развитие господствующих в обществе идейно-теоретических и общенаучных представлений. Совершенствование же интерпретации в свою очередь ведет к поступательному росту суммы объективного знания о прошлом.

При этом всякое новое истолкование прошлого, уточняя, и дополняя и отвергая преимуществующее ему, является научным

грядущей и той море, в которой она базируется на точно установленных исторических фактах. Смена одной интерпретации другой означала поэтому не „уверждение“ лежащая в ее основе исторических фактов, а не более глубокое понимание. В противном случае вся история исторической науки была бы, как это и указывали претенденты, делом обусловленных современностью субъективных интерпретаций прошлого, всяким раз навсегда не решаемых.

Объективность исторического познания — это действительное единство интерпретации объективному значению, содержащемуся в исторических фактах. Прогресс и рост знания заключаются в возрастании степени этого соответствия. При этом нередко он достигается целиком или почти целиком из сфер более глубокой и разносторонней интерпретации данного явления при сохранении в неизменном или в почти неизменном виде ее фактической основы.

Так, в частности, обстоит дело со многими нашими этнической историей, нации знания о которых основываются на данных и прочно установившимся практически не меняющимся столетиями в круте объективных исторических фактов, относящихся главным образом к сфере политической истории этничности. Справедливые исследователи, работающие в этой области, в сущности, открывают не ту же историческую базу и имеют дело с теми же историческими фактами, что и их предшественники, хотя нередко приходят при этом к существенно иным результатам.

Наряду с этим, однако, существует и другой путь увеличения суммы объективного знания в прошлом. Он заключается во введении в научный оборот новых исторических фактов, которые приносят дополнительное свет на те или иные явления и позволяют благодаря этому конструировать новые научные исторические факты, более адекватно отражающие социальную действительность. Вся история исторической науки, рассматриваемая под этим углом зрения, есть история непрерывного накопления молодящихся в ее разнородными историческими фактов и совершенствования способов их истолкования. Каждый новый шаг не только открывает новые грани и аспекты в прошлом и выдвигает его новые интерпретации, но и обогащает ту фактическую основу, на которой эти интерпретации строятся.

Между этими двумя путями совершенствования исторического познания существует органическая связь, которая находит свое наиболее яркое выражение в том, что открываемый настоящим новый оборот прошлого стимулирует историков на поиски соответствующих фактов, необходимых для его дальнейшего обоснования и развития. Так, обострение социальных пре-

выпробован в европейском обществе XIX и вызвало интерес в буржуазной историографии к „сложному вопросу“, который обуславливал начало систематического изучения обширных источников в древнем мире и в средние века, а следовательно, и обращение к новым типам источников, обеспечивающих эти исследования. Эти источники в свою очередь позволили достичь в науку новые факты, существенно обогатившие ее понимание прошлого.

Возьмем в качестве примера историю Западной Европы в раннее средневековье. Разнообразные источники по аграрной истории раннего средневековья (паллеттики, картулярии, формулы, шрларские „права“ и т. п.), ставшие предметом систематической разработки в историографии прошлого столетия под влиянием современной ей европейской социальной действительности, сделали возможным обоснование таких принципиально важных для понимания этого периода социально-исторических фактов, как „свободная община“, „местное закрепощение свободных общинников в раннее средневековье“, „естественно-коллегиальная организация раннесредневековой общины“ и т. д. Тем самым был сделан значительный шаг вперед в объективно-истинном познании одной из переломных эпох в истории человеческого общества.

Было бы, однако, упрощением полагать, что такой стремительный прогресс в накоплении исторических фактов всегда обуславливается только создаваемой современностью новым образом прошлого. Этот последний шаг формулируется в определенной мере под влиянием новых фактически данных. Однако эти по своему объективному содержанию порой являются столь значимыми, что реконструируемые на их основе научно-исторические факты существенно обогащают наше понимание прошлой действительности. Достаточно вспомнить об одном из самых замечательных археологических открытий нашего столетия — находке берестяных грамот в Новгороде, а затем и в других древних русских городах, благодаря которому радикально изменилось господствовавшее прежде в науке представление об уровне грамотности в средневековой Руси и также были получены новые важные факты, характеризовавшие другие стороны жизни Новгородской боярской республики¹⁴.

¹⁴ История изложена в изучении собственными учеными новгородских берестяных грамот получила широкое освещение в специальной литературе. Например, можно сослаться на кн. *Ванн Р. Д. В древней тебе бересту...* 74 стр. М., 1915. См. также *Фролова Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*. М., 1969.

Другой показательный пример — значительное расширение научных знаний о первых шагах становления человека на Земле в результате недавних сенсационных палеоантропологических открытий в Африке. Эти открытия, позволившие почти на полтора миллиона лет отодвинуть время появления на нашей планете человека, являются не случайной лишь ретроспективой аргументом в пользу универсалии Африканского материка колебаниями человечества⁷⁷. Тем самым реконструируется важнейший научно-исторический факт, представляющий собой сдвиг на древнейшую историю человеческого общества.

Приведенные примеры показательны и в другом отношении. В обоих случаях мы имеем дело с новыми научно-историческими фактами, революционизирующими наши знания, утверждения которых в арсенале исторической науки не было непосредственно связаны с удивительным ее специфическим качеством открытости. И в том и в другом случае эти факты выступают прежде всего как результат внутренней поисковой работы самой науки. При всей грандиозности, в подчас и невозможности измерения их в жизни открытий они все же представляются закономерными в свете постоянного роста археологически и антропологически исследуемой во всем мире.

Важно, однако, отметить, что и в этих случаях накопление науки исторических фактов не может быть понято без учета влияния на ее развитие специфичности. Новым открытиям, о которых идет речь, нельзя видеть место именно в сфере науки с точки зрения для него результатов и организации археологически и антропологически работ. Еще более существенным является то обстоятельство, что лишь малая часть предельно научного осмысления этих открытий, превращая их в результаты в широком факты науки. В особенности это относится к палеоантропологическим открытиям последних лет в Африке. Достоверное установление возраста сделанных там находок (костные остатки хомининов, галечные орудия и пр.) стали возможны лишь благодаря интенсивному применению экспериментальной методики, осуществленной из естественных наук.

Завершая свой рассказ о выгородки раскопки, Н. Я. Яков писал: «Возможности будущих открытий и исследования барасты по существу безграничны... А в смысле с барасты гравитации выгоды не будет никакой последней главы, потому что выгоды всегда существуют тут и там».

⁷⁷ См. Перлов А. И., Мельни А. Д., Адамов В. И. История первоначального общества. Ленинград, М., 1983. С. 42-43.

длителей¹⁰. Это означает, что будут установлены новые факты во разных сферах жизни русского средневекового общества, которые обогатят познаваемые закономерности его развития. Эти факты, очевидно, в чем-то уточнят описанные представления о русском средневековье, но сами они будут выступать как закономерное следствие уже достигнутого уровня развития науки, образующее необходимое звено в процессе изучения. Таким путем получения объективно-истинного знания в исторической науке

• • •

Итак, объективность исторического познания реализуется в его наступательном развитии. Наг историческая истина со временем действует в одно поколение. Есть одна истина, которая выработывается совместными усилиями всех поколений ученых. Каждое из них добывает свою частичку всеобщего знания, а историографическая практика последующих поколений, усваивающая и развивающая эти знания, служит подтверждением его объективного характера. Впрочем принципиально таким же является процесс естественно-научного познания.

Наука потому и является наукой, а не сборником догматически уложенной, что в ней «всегда не будет написано последней главы». Эта глава бесконечно пишется каждым новым поколением наследователей, и от того, насколько ему удастся приблизиться к объективному познанию действительности, зависит прогресс науки.

Глава IV

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассматривая специфику исторического познания, мы видели, насколько сильным и многоплановым является влияние современности на развитие исторической науки. Но не менее значительно и обратное влияние, обусловленное силой природы исторического познания как социального самопознания. Собственно, это влияние и определяет место истории в обществе. На разных этапах истории человечества оно, разумеется, не было одинаковым, но всегда отношение общества к исторической науке определялось мерой ее способности оказывать воздействие на различные стороны его жизни.

¹⁰ Якоб В. Л. Указ. соч. С. 135.

Не составляет исключения наше время. Возбужди порожденные силой НТР гегемонические влияния оно не только не ослабляет, но, напротив, увеличивает требованиями и гуманными тармами в том числе историческим, знаниями. История в отличие от естественных наук никогда не станет непосредственной производительной силой, но она имеет своим предметом изучения социальной деятельности главной производительной силы — человека — и в этом качестве оказывает на общество стойкое и многообразное влияние.

Это влияние затрагивает важнейшие сферы общественной жизни, формируя в значительной степени сознание общества, его идеологию и политику. От масштабов этого влияния, его характера и эффективности зависит, насколько успешно решает общество свои проблемы, господствующий в нем духовный климат. Ниже мы рассмотрим в общих чертах механизмы такого влияния истории на современность, определяющего ее социальную значимость.

§ 1. Историческая наука в историческом сознании общества

История органически присутствует в сознании общества. В своих существенных компонентах оно базируется на знаниях исторической науки, ибо каждое общество может оценить себя лишь зная объективное прошлое и свое место в общем процессе развития человечества. Все элементы, составляющие в совокупности сознание общества, — взгляды, идеи, политические и иные теории и т. п. — историчны. Они могут быть важны только с помощью исторического метода, рассматривающего каждое явление в конкретных обстоятельствах его возникновения и развития. В силу диалектического единства всех трех временных оснований обращение к прошлому (в его оценке) неизбежно присутствует во всех социальных теориях, пытающихся ее осмыслить. То или иное отношение к прошлому самым непосредственным образом отражается на идеологических системах настоящего. Воспоминания о нем и повелительная мораль определяют представления каждой эпохи о будущем. Так в общественном сознании утверждается представление о непрерывной единой истории, вследствие чего настоящее является в общую историческую перспективу.

Таким образом, важной составной частью общественного сознания является историческое сознание, т. е. совокупность представлений, присутствующих обществу в целом и его социальным

группами и отдельности, а также в прошлом и будущем нового человечества. Каждая национальная и социальная общность обладает определенным кругом исторических представлений, включающим в себя в первую очередь представления о своем прошлом, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, а отношения их с историей других общностей и всего человеческого общества. Это те „исторические предания“, которые составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, одна из способов его самовыражения.

В классовом обществе историческое сознание является классовым и, следовательно, нуждается в последовательном классовом подходе к его осмыслению. Важное методологическое значение при этом приобретает известное ленинское замечание о двух культурах в каждой национальной культуре при капитализме¹. Очень важным по своему содержанию, это замечание образует исходный пункт для изучения исторического сознания в классово-антигосподствующем обществе. Распадаясь на противоположные классы, преследующие различные цели в настоящем и будущем, это общество не может в единичном для всех составляющих его социальных групп свете видеть и свое прошлое. Каждый класс в соответствии со своим положением в настоящем выявляет из истории определенный круг представлений о прошлом, образующих в совокупности его историческое сознание.

Так, важнейшим компонентом исторического сознания революционного рабочего класса является познание и восприятие им революционных традиций. Когда В. И. Ленин писал, что „нам больше всего видеть и чувствовать классным инстинктом, гнетом и мщительством подвергнут нашу прекрасную родную царские палаты, дворцы и капиталы“, когда он подчеркивал, что русские пролетарии гордятся тем, что „этими палатами вызывали отпор из царей среды, из среды помещиков, что эта среда выдвинула Рязанцев, декабристов, революционеро-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский рабочий начал и со все время стремиться демократом, начал свергать монархию и помещиков“², он тем самым указывал на существенное содержание категории „историческое сознание революционного русского рабочего класса“.

Даже в тех случаях, когда историческое сознание антигосподствующего класса, составляющего определенную националь-

¹ См. Ленин В. И. Сочинения собр. соч. Т. 34 С. 110-121.

² Там же Т. 34 С. 107.

ную общность, исключает один в то же представляется, они нередко воспринимались и оценивались различно и различным по-разному. Например, в сознании всего русского общества оставили глубокий след крестьянские войны XVII—XVIII вв. Илья С. Т. Разина и Е. И. Пугачева прошли вошли в историческую память различных его слоев. Однако очевидно, что в историческом сознании крестьянства эти имена, реалы как и олицетворяемые ими события, звучали по-иному, чем в дворянской сознании. В первом случае они воспринимались как героические сражения и исторические, ставшие символом несправедливости и борьбы масс с силами угнетения и их надежд на социальное освобождение, в другом — как злодеяния, покушающиеся на священные устои государственной и общественной жизни, своей деятельностью представлявшие смертельную угрозу господствующему классу.

Будучи категорией классовой, историческое сознание не является величиной неизменной от своего содержания. И напротив, оно само исторично, эволюционируя, поднимаясь весьма существенно, вместе со сдвигами, происходившими в положении данного класса и всего общества в целом. Такими, например, являются историческое сознание буржуазии, знаменательные значительные перемены в мировосприятии этого класса и его историческом положении, особенно ярко выразившиеся в отношении к революции. В то время как стремившаяся к политическому господству молодая буржуазия в своей борьбе с феодальным дворянством апеллировала к революционным традициям прошлого, историческое сознание современной реакционной буржуазии носит волюнтаристский контрреволюционный характер.

Историческое сознание обладает сложной структурой. Подобно тому как различаются бытовое сознание, которым руководствуются люди в своей общественной жизни, и научное сознание, являющееся высшей формой осмысления мира, так и следует различать бытовое и научное историческое сознание. Можно выделить по крайней мере три уровня, на которых происходит встреча человека с историей и которые соответствуют определенным ступеням исторического сознания.

Как первую ступень можно обозначить непосредственную встречу с историей, которую никто не может избежать, хотя и не всегда осознавая ее. Это элементарная форма исторического сознания, в которой оно присуще каждому человеку независимо от его образования и воспитания и выражается в расплывчатых, мимолетных, ограниченных воспоминаниях о прошлом, получаемых благодаря сопереживанию с историческими событиями.

ками и символами художественной литературы, кино, театра, рисунка и галереях, приведенным музыкальным искусством, кинофильмом и т. п. — также собственному жизненному опыту. На этом уровне историческое сознание не включает в себя систематическое знание об историческом процессе. Образуется его историческое представление (эпизоды, сцены, эпизоды субъективны). Нередко они носят характер исторических переживаний, отличаются яркостью и прочностью. В подобности это относится к переживаниям, жившим талантом большого художника и обладающим огромной силой эмоционального воздействия. Достаточно вспомнить созданный тульским гением образ Бориса Годунова.

Вторую ступень исторического сознания составляют собственно исторические знания, образующие в своей совокупности известную систему представлений о прошлом. Такие знания приобретаются главным образом в результате систематического изучения истории. Идти можно на школьные уроки истории впервые приобретается систематизированное знание об историческом процессе и факты. К тому же для подвизающего большинства людей, т. е. всех тех, кто не изучает историю в высшей школе знакомство с ней на этом уровне практически и завершается. Конечно, оно может в дальнейшем пополнять свои исторические знания по тем или иным вопросам, но общее представление об истории закладывается в средней школе. В свете этого понятно, почему приближаясь, представляемые объектами к преподаванию истории и в основном к личности школьного учителя истории. От его профессионализма и педагогического мастерства, личной убежденности в нем и истинности черпать от исторических фактов глубины, яркости и прочности восприятия истории у учащихся, а тем самым и конечный счет в историческое сознание народа.

На третьей, высшей ступени исторического сознания происходит историческое творчество: осмысление прошлого на уровне мысли. Историческое сознание формируется в научном мировоззрении, воссоздающем образ истории — более или менее законченное научное представление о природе и движущих силах развития человеческого общества, его основных этапах и закономерностях. Лишь в этом случае можно говорить о научном историческом сознании, способном объяснить человеческое прошлое во всей его сложности и противоречивости, во всех конкретно-исторических проявлениях объекта развития человечества.

На всех своих уровнях историческое сознание базируется на определенном круге исторических знаний, добываемых исто-

русской наукой. На первой его ступени стояли публици и революционные публицисты, представленные обобщенными историческими событиями и личностями, почерпнутые из художественных произведений, кинофильмов, телеферидов и других аналогичных источников, основывались на данных исторической науки, представляя собой колоссальный и совершенно широкий массовый результат исследований ученых. Так, Пушкинская трагедия Петра Брусилова оказала огромное влияние на многие поколения читателей, войдя в историческое сознание русского народа. Но при этом не следует забывать, что сам А. С. Пушкин в своем сочинении Голубица, в частности его роман и галерея портретов Давыдова, опирались на материалы Н. М. Карамзина, рисующую в книге „История государства Российского“, при чтении которой, как признавался сам Петр, в душех замыслил его знаменитой трагедии.

Чем выше ступень исторического сознания, тем значительнее роль исторической науки и его формирования. В особенности она важна в выработку научного исторического сознания, прецизионизирующего наличие систематического научного знания об истории общества в целом. Только на материалах истории возможно установление ведущих тенденций и закономерностей общественного развития, понимание которых составляет фундамент научного исторического сознания. Только наука может решить только марксистская историческая наука, вооруженная новейшим действительным знанием развития общества. Следовательно, подлинно научным является лишь социалистическое историческое сознание, опирающееся на твердую почву материалистического понимания истории.

Выработка социалистического сознания всегда было предметом работы основоположников марксизма-ленинизма. Принципиально важным является ленинское понимание о том, что социалистическое сознание не может возникнуть стихийно, что оно может быть привнесено в рабочий класс лишь тогда, что оно вырастает из философских, исторических и социальных теорий, разработанных представителями социалистической интеллигенции¹. Отсюда и то значение, которое придавала основоположникам научного коммунизма не только созданию материалистической теории исторического процесса, но и распространению исторических знаний среди широких масс трудящихся, в первую очередь рабочего класса.

В связи с идейной борьбой в русском рабочем движении, подчеркивая необходимость изучения истории этой борьбы,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 30.

В. И. Ленин писал: „На высоте была сознательная работа тех, кто определился, как Иван Непомнящий, в истории своего движения“¹. Это ленинское положение имеет общесоциологическое значение, раскрывая принципиальное отличие сознательной научной работы историков от исторического образования масс. В своей деятельности они руководились не случайностью овладения трудящимися историческими знаниями как случайного условия их социальнического воспитания. В значительной степени именно эти знания были поставлены на общественное конкретно-историческое исследование, в которых историк сталкивался с фактами политического и социального бытия, факторами формирования их социального образа.

Значение истории особенно возрастает в сформировавшихся условиях обострения идеологического противоборства двух систем. Сфера исторического знания является ареной борьбы во уме и душе людей. Образы прошлого становятся для светлыми орудиями формирования целостного установившегося в нас сознания. При этом историческое сознание борется не только с прошлым, но и с будущим, образующимся всталообразно перед нами для осмысления и оценки всех других временных состояний. Таким образом, историческое сознание включает истинные в общем контексте истории, вошедшие его историю и с прошлым, и с будущим. Следовательно, его сфера составляет важнейшие мировоззренческие проблемы, связанные с истинностью содержания и ведущим тенденцией общественного развития и складывающейся в настоящее время и в будущем задачи по вопросу, за кем историческое будущее — за капитализмом или социализмом.

Императивическими рамками истории исключаются сознательные патристические образы прошлого, страдающие социальными идеями антисоветскими и антикоммунистическими, расовыми и половыми. Не случайно выдвигались французский историк П. Вальра назвал историю самым опасным продуктом, вырабатываемым людьми интеллекта². К сожалению, история XX в. приводит впечатляющие примеры, подтверждающие истинность этой формулы.

Достаточно вспомнить историю чехословацкого фашизма. То обстоятельство, что фашизм тоже считался лучшим утверждать в Германии террористическую диктатуру, а затем и развязать мировую войну, усложняет оценку бытия фашистского режима, объясняется типичными причинами. И одна из них, не последняя по своему значению заключается в том, что мы удалось справиться

¹ Ленин В. И. Сочинения собр. соч. т. 54, с. 133.

² Цит. по Бонни В. Антикоммунизм фашизма. С. 11.

исторические стремления большей части немецкого народа члнве конкретными историческими идеями, преобразить ее в послушное орудие осуществления своих вредных замыслов.

Показательно, что реакционистские настроения в современном Западной Германии питаются и подогреваются манипуляциными с историческим прошлым. Провозглашенный в начале 80-х годов кандидатом ФРГ Г. Колеи „духовно-моральный поворот“ означает последовательный обзор с привлекательными и реакционистскими нотками прошлого страны, в особенности ее недавнего прошлого. С этой целью предпринимается создание в столице ФРГ помпезного „мемориала жертвам войны и насилия“, а также „дома истории“ в Бонне и „музея германской истории“ в Западном Берлине, которые должны продемонстрировать неугасившее стремление западногерманского империализма к осуществлению „акта Гитлера“ и одновременно дать ему псевдоисторические обоснования. Важнейшей доминантой этого „поворота“ стал пересмотр отношения к фашизму, его фактически реабилитация.

Я массовыми выступлениями западногерманской реакции на исторические события своего народа активное участие принимает историография ФРГ. Об этом, в частности, свидетельствует значившаяся в 1986 г. на страницах западногерманской массовой печати так называемая дискуссия историков, направленная, по выражению одного из ее участников, на отделение немецкого национального сознания от лютифашизма. Успехами многих участвующих в ней историков „коммерция, до полной неузнаваемости изображает образ недавнего прошлого, в результате чего за разрывом вех второй мировой войны и последующий период оказываются ответственным не немецкий фашизм и международные империалисты, а в основном историческая идеология и Советский Союз“.

Сам факт, что эта дискуссия ведется не в специальных исторических журналах, а в рассчитанных на широкую публику газетах, говорит о многом. Адресуемая местному читателю, она непосредственно подталкивает к раздуванию реакционистских, националистических и антикоммунистических настроений в стране. Так сфера исторического сознания перемещается на переднем крае наступления империалистической реакции, а позиция, занимаемая при этом многими буржуазными историками,

* Об этом дискуссия см. *Klaus R. (Hrsg.) Stich zum Geschichtsbild im Nationaler Debatte*. Dokumentation, Planung und Kritik Köln 1981, *Lothar G. Del Straß* *Zeit* zum Versuch einer dogmatischen Analyse des Geschichtsbildes durch Reichsbannerstrategie. *Historiker der BRD // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1988, N 1.

заслуживает вновь и вновь повторения афоризм П. Валери: И Конечно, здесь речь должна идти не только о ФРГ.

Социалистическое общество впервые в истории человечества поставило задачу восторженно с душой решать свои задачи как необходимым условием его процветания. Неотъемлемым элементом такого развития является историческое образование. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, история, революция, их памятники — это источник воспитания народа.

Особую велика роль исторических знаний в гражданском воспитании молодежи. Привлечь ослепленный исторический опыт призван возместить недостаток у нас собственной духовной культуры, помочь выработать твердые критерии, ориентиры поведения личности и общества. Недостатки явления и жизни «бюрократического общества» во многом как раз и объясняются следствием таких критериев. Конечно, эти явления имеют объективные основания в материальных условиях жизни общества, и влиять на них, естественно, требуется партийно, заключается в искоренении самой почвы благоприятствующей их произрастанию. Вместе с тем очевидно, что успешное решение этой задачи и безудержная тяга к переделке идеологической работы, в которой свою роль должна сыграть историческая наука.

Верно оценить настоящее со всеми его достижениями, трудностями и проблемами можно только в свете прошлого, которое дает необходимый материал для такой оценки. Только так прошлое, мы в состоянии осознать цену настоящего. Этим исторический путь своего народа, выявление основных закономерностей и ведущих тенденций общественного прогресса составляет неотъемлемый элемент социалистической сознательности, идейной зрелости члена социалистического общества. Это знание дает историческая наука.

Но формирование исторического сознания предполагает не только выработку исторических знаний, но и их широкое распространение. Конечно, эту задачу решают не только историки, но и (даже в большой мере) журналисты, деятели литературы и искусства, другие культурные работники исторического знания. Именно благодаря их деятельности знания, полученные однажды личным опытом являются достоянием более или менее широкой публики, входят в историческое сознание общества. Это, однако, не освобождает своих историков от обязанности заботиться о социальной эффективности своей работы, тем более что далеко не все художественные произведения на исторические сюжеты отвечают высокой требовательности коммунистической культуры.

ности и объективности. Некоторые из них подвергались справедливой критике за искажение исторической правды, особенно опасные потому, что благодаря широкому распространению таких произведений она легко проникают в массовое сознание.

Одной из постоянных задач исторической науки является исследование борьбы с такими искажениями. Но она станет успешной лишь в том случае, если строгая научность в исследовании исторических явлений и процессов будет органически сочетаться с художественно ярким и доходчивым изложением его результатов.

Тем самым задачей воспитания социалистического исторического сознания оказывается тесно связанной с эстетической стартовой исторического познания. Эффективность усилий историков в ее решении прямо зависит от художественной формы и стилистики их трудов, от силы их эмоционального воздействия на читателей. Конечно, однако, исторические труды, являющиеся по проблематике и безупречные по идейно-научному уровню ее исследования, не находят доступа к широкой аудитории вследствие своего специфического характера. Это существенно ограничивает возможности исторической науки, ее непосредственное воздействие на формирование исторического сознания общества. Если только с помощью яркого, образного языка можно воздействовать в социальной памяти реальной процесс движимая история, складывающийся из миллионов актов деятельности людей, воплощенный разумом, волей, силой, показать подлинное величие трагических событий и крупных исторических личностей.

Взаимные и художественно-эстетической стороне истории наряду с повышением ее научности составляет необходимые условия возрастания ее роли в жизни общества. Особенно важна эта сторона в преподавании истории, обращаясь не только к умам студентов, но и к их сердцам. Учет этих требований позволит усилить значение марксистской исторической науки в формировании социалистического исторического сознания.

§ 2 История и идеология

Формирование исторического сознания общества, историческая наука обнаруживает свой идеологический характер. В буржуазной литературе широко распространены призывы к идеологизации истории. Эти призывы, действующие под флагом освобождения исторической науки от всяких оков ее архаичности, имеют ясно выраженную антимарксистскую направленность. Их подлинный смысл заключается в дискредитации

марксистской истории рафинированной, как бы научной, деликатной идеологической и пылкого патристического Хальвеса так была гонимой в природе своей собственной дисциплиной, авторами подобных работ является влиятельная идеологическая интеллигенция между идеологией и историей научной историей. В действительности, однако, с парой же шло слово существовавшая история всегда являлась наукой идеологической, решающей в обществе определенными идеологическими задачами, органически вытекающие из самой природы ее как общественной науки.

История и идеология находятся в непрерывной связи между собой. Всякая идеология является исторической в двойном смысле. Во-первых, она всегда обусловлена конкретными историческими обстоятельствами своего возникновения и распространения. Нет и никогда не было абсолютной идеологии, преемственной для всех классов и времен. Каждая идеологическая система отражает интересы определенного класса и несет на себе печать своего времени. Во-вторых, историческими знаниями образуют необходимый элемент всякой идеологии как формы общественного сознания. Такие понятия, как родина, свобода, демократия и многие другие являются историческими по своей природе. Лишь только историческая определенность, они превращаются в бесодносительные абстракции.

Эти же тесная связь идеологии и истории предельно идеологичность последней. „Освободить“ историю от идеологии — значит „освободить“ ее от самой себя, лишить самого смысла существовавшая как общественная наука. Деидеологизация истории неизбежно привела бы к ее превращению в христианство не научным обществом в целом и тем самым сведенной к „религиозному“ историческим знаниям приобретают общественную значимость в связи с объективными и идеологическими формами марксистской современности.

Всегда, в любом обществе и в любое время историческая наука выдвигает данные идеологические задачи, которые в последнем счете сводятся к жизни и укреплению соответствующей социальной системы. Когда мы говорим о марксистской, буржуазной или феодальной историографии, мы тем самым подчеркиваем ее идеологическую направленность, определяющую ее существенные черты. В своей историографической практике каждый ученый руководствуется известной суммой идеологических представлений, определяющих различные аспекты ее понимания исторического процесса и задач собственной науки.

Однако история отнюдь не является простым потребителем идеологических ценностей. Вся своей деятельностью, будучи

ин исследовательская работа или распространение и популяризация исторических знаний, он утверждает идеологию своего класса. Закономерным поэтому представляется требование чужести идеологических позиций историка, его идейной убежденности как необходимого условия эффективного осуществления социальной функции исторической науки. Это относится ко всем без исключения представителям исторической науки — к школьному учителю и не меньшей мере, чем к историку-исследователю.

Это, однако, не означает, что история является простой функцией идеологии, ее придатком. Место исторической науки в обществе во многом определяется тем, что она вырабатывает эту идеологию, а не только распространяет и защищает ее. Когда мы говорим о том, что тот или иной крупный ученый является идеологом своего класса, мы имеем в виду не просто то обстоятельство, что он в своей деятельности проводит соответствующие идеологические лозунги, а в первую очередь то, что он своими трудами вырабатывает эту идеологию. Так, созданная французскими историками верховя Реставрации теория классовой борьбы оставалась важнейшим элементом идеологии французской буржуазии того времени, сыгравшей большую роль в ее борьбе за политическое господство в стране.

Исторической науке принадлежит выдающееся значение в выработке общественной идеологии, в частности потому, что она к ней не сводится. Она обладает, как мы видели, собственным политическим аппаратом, своим исследовательским методом, которые приводят в исследовательской практике к результатам, далеко не определяющимся теми или иными идеологическими установками. Как и всякая наука, история ставит своей целью получение объективно-истинного знания, и от того, насколько успешно она осуществляет эту цель, зависит эффективность выполнения ею своих идеологических задач. Пороки современной империалистической идеологии, например, органически связаны с научной несостоятельностью тех представлений об историческом процессе, на которых она базируется и которые вырабатывались буржуазной историографией совместно с другими социальными дисциплинами.

Связь истории и идеологии не может быть доведена до требования ставить идеологическую цель каждого изучаемого историком явления, проводить или исключать из его изучения определенные идеологические взгляды. Историческая наука исследует в такие стороны человеческой деятельности, которые не носят выраженный идеологический характер. Вследствие этого не всякие результаты работы историка обладают идеоло-

гической опрделенностью. Например, изучение Пелопоннесской войны или сельскохозяиственной техники развитого западноевропейского средневековья не приводит к результатам, выходящим сколько-нибудь существенное значение для современной идеологической борьбы, точно так же как эти последние не оказывают серьезное влияние на современную тристанку этих проблем. Не продолжая примеры подобного рода, подчеркнем, однако, что в таких случаях, как правило, речь идет о явлениях прошлого, не имеющих выхода в те или иные сферы настоящего и вследствие этого утрачивающих свою социальную актуальность.

С другой стороны, даже в тех случаях, когда тот или иной серьезный исследовательский результат непосредственно связан с известными идеологическими установками и даже обусловлен ими, он может сохранять научное значение в рамках другой идеологической системы. Например, открытия французскими историками периода Реставрации борьбы городов против феодальной семьи получили у них ярко выраженную идеологическую интерпретацию, вошедшую в качестве элемента в идеологию французской либеральной буржуазии, считавшей себя наследницей средневековых городов. Но за полтора века, прошедшие со времени открытия „коммунальной революции“ в средневековой Европе, она сделалась общим достоянием исторической науки, сегодня это признаны ученые, придерживающиеся различных идеологических позиций.

О том, что история не сводится к идеологии, свидетельствует оная возможность поступательного развития научной мысли господствующая в обществе идеология не ведет к ригидному отражению всех господствующих в ней исторических представлений. Более или менее значительная часть их и переосмысленном виде включается в новые исторические теории, выражая таким образом преемственность в развитии исторической мысли. Ибо в этих представлениях содержится момент объективной истины, который не может быть „отменен“ и переосмыслен идеологическим переосвоением науки.

Характер влияния идеологии на историю определяется природой влияющей на историческую мысль идеологической системы. История — наука идеологическая. Но в самой этой формуле еще не содержится ответ на вопрос, какое влияние оказывает такой характер исторической науки на ее познавательные способности, содействует он или препятствует объективно-истинному отражению действительности. Все дело заключается в том, с какой идеологией связана история. Многообразие историко-графических практик не автоматически сводятся к следующему:

ти и то другим, как реакционная идеология оккупантов, как правило, негитанное влияние на историческое сознание, его наиболее значительные успехи всемерно связаны с усвоением исторической наукой на каждом этапе ее развития передовой для данного времени идеологической системы. Выражая в конденсированной форме наиболее прогрессивные социальные и политические идеи своего времени, такая система оказывает в силу этого и возможность более основательного проникновения в прошлое, стимулируя таким образом его науку и понимание.

Нельзя также, рассматривая влияние идеологии на историю, не учитывать ее способность концентрировать очерк различных исторических событий и деятелей. Это значение обнаруживается прежде всего в сфере мировоззренческой. Идеология общества оказывает решающее влияние на формирование общих исторических представлений, определяет их подход к истинному прошлому действительности. Но как мы уже видели, влияние в этой сфере имеет место и обратное: история на идеологию. Не считаясь с этой последней, она действует через нее и в большой мере влияет на самопознание общества, формулируя в значительной степени как самоощущение, так и его мировоззрение. Таким образом, взаимоотношение истории и идеологии является по своей природе глубоко диалектическим, приобретает характер взаимозависимости. В этом отношении и можно было бы наиболее ярко выразить значение истории в формировании общественного сознания.

§ 3 История и политика

Влияние истории на современность не ограничивается сферой общественного сознания. Заметное воздействие оказывает она также на политическую деятельность людей, в особенности на политику, т. е. сферу отношений между классами, нациями, государствами. В этом воздействии наиболее ярко выражается действительный характер возникшей науки, ее способность непосредственно участвовать в общественно-политической жизни и борьбе своего времени. Високое серьезное политическое отношение имеет, как известно, своим предпосылкой анализ прошедшей действительности и тем более нуждается в знаниях истории для своего обозначения.

Связи между историей и политикой не являются секретом и для буржуазной науки. Еще в прошлом столетии видный английский историк-исследователь Э. Фрэнсис, подчеркивая эту связь,

писан: „История есть политическая проза, и политика есть история исключительная“⁷. Разница это, конечно, современная буржуазная историко-теоретическая мысль пытается обосновать влечением между историческим событием и политическим действием, характеризуя историю как науку политическую, свободную при надлежащей поддержке со стороны правящих кругов активно влиять на политику во имя укрепления основ капиталистического общества.

Не случайно редакция влиятельного на Западе международного журнала „История и теория“ стала нужным посвящать специальный выпуск разностороннему рассмотрению связи истории и политики. Выпуск открывается программной статьей Т. Вайдера, доказывающей, что из исторического события вырывается политическое действие. Соответственно этому история определяется как „контекст, который может помочь нам проложить путь в будущее“⁸. В другой статье, помещенной в этом выпуске, западногерманский историк К. Г. Флибер полемизирует против положения, что история не может предоставить „формулы для действия в настоящем или планирования в будущем“⁹, утверждая таким образом выдающийся социальнополитический значение своей дисциплины.

Узнавание связи истории и политики, однако, отмечается в широкой распространенными в современной буржуазной литературе представлениями о ее негативном влиянии на общественность исторического познания. Не случайно поэтому А. Марчелли считает „одним из великих достижений“ исторической науки „растущую способность историков прояснить своими собственными политическим пристрастием“¹⁰. Шарлотта жалобно на примере движения государства на историческую науку „в этом zakresie - подчеркивает новейший американский автор, — прелек свободы в интерпретации становится проблемой сопротивления власти“¹¹.

Таким образом, в буржуазном мнении политика истории и ее научность метафизически противопоставляются. Вследствие этого вся проблема соотношения истории и политики приобретает искаженный вид, противостоятный ее научному

⁷ Фрэнсис Э. Метод изучения истории. Главные периоды европейской истории М., 1891 С. 32.

⁸ Schieder Th. The Role of Historical Consciousness in Political Action //History and Theory 1978 V XVII N 4. Pp. 17-38.

⁹ Faber K. G. The Use History in Political Debates //Ibid. P. 16.

¹⁰ Marchelli A. The Nature of History N. Y., 1971 P. 271.

¹¹ Bush W. C. Freedom and Interpretation //The Politics of Interpretation Chicago, P., 1983. P. 51.

решения, а тем самым и пониманию действительного места исторических фактов в жизни общества.

Ключом к решению данной проблемы лежит в признании историчности самих исторических познаний и общественной практики. История как наука о том, что происходило в человеческом обществе, не может рассматриваться изолированно или тем более противопоставляться истории или фактору социального действия, активно взаимодействуя со современностью. Для нас измерения одной и той же науки, для которой познание прошлого является необходимой предпосылкой для восприятия и настоящего, особенно рельефно выступавшего как раньше в сфере политики.

Но все времена прошлое является фактором, могущим оказать влияние на политические решения современности. В различных конкретных условиях отношение к прошлому могло быть различным — от его абсолютизма до полного отрицания, — но во всех случаях оно всегда стояло на спинах тех, кто пытался эти проблемы решать. При этом разумеется, речь идет не только о политических деятелях. Складывавшийся у каждой социальной группы свой образ истории непосредственно влияет на ее политическое мышление и поведение. Не случайно поэтому в политических программах разных социальных партий такое большое место занимает апелляция к прошлому.

Прошлое неоднородно; разные политические силы имеют свое прошлое, благодаря чему его влияние на политическую жизнь современности далеко неоднозначно. Поэтому является справедливым вопрос, как соотносится или нет влияние „наследия прошлого“ на современность. Важно то, о каком конкретном наследии идет речь и как оно трансформировалось в политических программах настоящего. В свете этого следует характеризовать место истории в политической жизни современности, ее связи с политикой.

Благодаря огромной силе воздействия своего материала на мысли и чувства людей история является действенным оружием политиком, причем далеко не всегда праведным. Фальсифицируемые данные истории во все времена служили обоснованием агрессивной политики одних государств против других, оправданием сильными слабым, богатыми бедным, угнетенными социальными и политической несправедливости. Порабощаемые исторические факты нередко вели к взаимной непримиримости, становились источником межгосударственных и методов социальных конфликтов.

Однако неблагоприятные политические дела, в которых использовались и используются данные истории, не исчерпывают подлинный характер взаимоотношений истории и политики. Еще меньше они могут претендовать на выражение самой сущности исторической науки. Здесь представляется уместной параллель с естественными науками. Если бы можно, например, возложить вину на физику как науку за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, хотя без ее данных было бы невозможно создание атомной бомбы. Ответственность за то, что они были сброшены на мирных жителей японских городов, лежит не на науке как таковой, а на политических и военных деятелях США, принявших решение о бомбардировке. Аналогичным образом обстоит дело с историей. Как наука она не может нести ответственность за недвусмысленные исторические выводы, которые делаются на ее материалах теми или иными историками и политиками. Сводить к таким выводам место истории в обществе — все равно что судить о социальном значении физики только на основании трагедии Хиросимы.

Параллель, однако, может быть продолжена. Столкнувшись с неизменно рьяно острейшей вопрос о социальной роли ученого, об его ответственности за то, как общество может использовать результаты его исследовательской работы, имеет к историкам такое же отношение, как и к физику. В известном смысле данные истории являются не менее грозным и разрушительным оружием, чем данные физики. Другими словами, вопрос о соотношении истории и политики является важнейшей составной частью более широкого вопроса — об ответственности историка перед обществом в свои времена. Историк должен ответственно сознавать политический характер своей науки и сознательно стремиться служить прогрессивным идеалам своей эпохи.

Политику подлинно научное решение вопроса о соотношении истории и политики возможно только с истинной полнотой. В классовом обществе Политика всегда является классовою, что и определяет природу ее взаимоотношений с исторической наукой. Этот вопрос имеет две стороны — влияние политики на историю и обратное влияние. В обоих случаях такое влияние может быть как позитивным, так и негативным характером. Все зависит от того, о какой политике и какой истории идет речь. В реальной действительности обе эти стороны неразрывно связаны между собой, взаимно дополняют друг друга. В таком непрерывном взаимодействии истории и политики происходит все развитие нашей науки. Но упуская этого из виду, мы все же для удобства изложения разведем эти стороны, будем рассуждать каждую из них в отдельности.

Новым и важным подвигом на истории Оно должно и рым в кругу исторической науки, выполняющей в классовом обществе определенный „социальный заказ“ — выявить и обосновать политические идеалы и воззрения определенного класса или социальной группы. В наиболее отчетливом виде этот „заказ“ обнаруживается в политическом сознании, сформировавшемся в кругу высшего исторического сословия. Правда, в конкретной историографической практике эмпирически констатируя не всегда выступает в виде четко сформулированных положений. Нередко она проявляется в скрытых или опосредованных смыслах и акцентах, в выборе и прицелу, в выборе и в самом выборе темы исследования и формулируемых на его основании выводов.

Но в какой бы форме историк ни выражал свои политические взгляды, они всегда являются отражением его классовых взглядов. Высказывая в своих трудах личностные политические убеждения, историк тем самым защищает интересы определенной класс, содействуя укреплению его позиций, усилению его влияния и т. д. При этом далеко не всегда он осознает подлинную классовую направленность своих трудов. Порой даже может место противоречия между субъективными убеждениями историка и объективным политическим смыслом его последовательной практики. Так, О. Тьерри был искренне убежден в том, что защищает интересы всего „третьего сословия“. Однако политические идеи, которые он проводил в своих исторических исследованиях, объективно отражали классовые интересы французской буржуазии, в значительной мере способствуя утверждению ее политического господства в стране. Даже от имени народа выступали в последней четверти прошлого столетия и многие русские либеральные историки, хотя объективно политические идеалы, которые они закладывали в свои труды, означались в буржуазном преобразовании России. Но это не значит и означает, что действительный характер связи между историей и политикой может быть раскрыт только с помощью эмпирического анализа. Классовый подход дает надежный критерий для определения характера влияния политики на историю. Так, где политические идеалы ученого отражают интересы определенного класса, они оказывают благотворное влияние на историческое познание, и наоборот. Свидетельством тому является вся история нашей науки, поступательное развитие которой всегда было неразрывно связано со силой классов — двигателей общественного прогресса.

Составляя фундамент, из которого основывается влияние политики на историю, „социальный заказ“ вместе с тем не ис-

черта имеет все многообразие каналов этого влияния. Среди них следует специально выделить национальную (государственную) принадлежность ученого. Как свидетельствует вся историографическая практика, через этот канал наряду с классовыми позициями исследователя влияние политики на историю является особенно чувствительным. Оно легко обнаруживается уже в „Историях“ Геродота с ее проафинской ориентацией и явно проследимается на всем дальнейшем развитии исторических исследований, несущих на себе печать национально-государственной принадлежности их авторов.

Это, естественно, не только дополняет, но и усиливает политическую канцелярию, лежащую в основе исторического исследования, ибо влияние национально-государственной принадлежности ученого не может быть сведено к его классовый позиции. Хорошо известны многочисленные примеры того, как историки, стоявшие на противоположных классовых позициях, выступавшие разной национально-государственной принадлежностью по-разному трактуют один и тот же исторический материал. Сопоставим, в частности, на проблему перехода от античности к средним векам, освещенные которой в западноевропейской буржуазной историографии XIX в., как это было отмечено еще П. Г. Виноградовым, приобрело ярко выраженный националистический оттенок.¹¹

Итак, историческая мысль является тенденциозной в том смысле, что своими специфическими средствами она проводит определенную политическую тенденцию. Независимо от того, действует или преобладает эта тенденция изучению прошлого, она составляет неотъемлемый компонент исторического познания, будучи конкретизированным выражением влияния современности на историю. Речь, следовательно, должна идти не об освобождении исторической науки от политической тенденциозности вообще, а о освобождении ей такой тенденции, которая бы, выражая передовые идеалы своего времени, способствовала объективно истинному познанию истории человеческого общества.

Исследуя все возрастающее влияние политики, история в свою очередь оказывает на нее не менее сильное воздействие. С появлением истории рождаются определенные политические задачи, проводятся в массовое сознание определенные политические взгляды и оценки, осуществляется воспитание масс и духе определенных политических идеалов. Поэтому является необходимым четкое осознание историками политической значимости

¹¹ См. Виноградов П. Г. Присущие им феодальным отношениям в Лангобардской Италии С. 115. 1880. Введение.

ды и науки и сознательное служение с помощью своих профессий своим средствам высшим политическим идеалам современности.

История, однако, не просто орудие политики. Ее место в культуре и значительной степенью определяется способностью функционировать и объяснять само политическое. С античных времен история претендовала на то, чтобы быть „учительницей жизни“, давать на основе изучения прошлого рекомендации, полезные для настоящего и будущего. Высшей гни взаимоотношений между историей и политикой представляет собой тесное взаимодействие между марксистской историографией и социалистической политикой. Его ключевое своеобразие заключается в том, что впервые в истории возникла действительная возможность превращения нашей науки в действительный фактор научного управления обществом. То о чем мечтались раньше, теперь приводилось в качестве дела, столь же желанной, сколь и неизбежной, стало в социалистическом обществе настоятельной практической задачей.

Для успешного решения этой задачи требуется наличие двух взаимосвязанных предпосылок. Для того нужны, во-первых, наука, способная на основе изучения закономерностей прошлого пылать ценные для современности политические рекомендации, имеющие объективно-истинный характер, и, во-вторых, общество, достаточно зрелое для того, чтобы воспринимать эти рекомендации, используя их в выработке своей политической линии.

Для предпосылки складывается в социалистическом обществе, объективно заинтересованном как в безграничном расширении прошлого, так и в подлинно научном смысле науки, выдвигаемой настоящим. Происходящее сейчас революционное обновление советского общества прямо предполагает настоятельную необходимость всестороннего познания объективных закономерностей его функционирования. Ибо без этого невозможна ликвидация негативных явлений в жизни общества и тем более создание условий для такого его поступательного развития, которое будет способно полностью реализовать все возможности, заложенные в самой природе социализма нашей страны. Таким образом, всестороннее развитие объективных наук является жизненной потребностью социалистического общества. Отсюда вытекают высокие требования ко всем областям знания, в том числе к истории, и в особенности к ее функциям активно влиять своими исследованиями на социально-политическую жизнь общества, на формирование его политической линии.

Углубляющаяся перестройка всех сфер жизни советского общества требует осознания каждым историком высокой социальной ответственности, как своей личной, так и науки в целом. Не будет преувеличением сказать, что ни одна эпоха не знала такой огромной меры ответственности, как наша. Сложившийся марксистской историографией образ прошлого не только фиксирует историческое движение в идеологии общества, но и оказывает значительное влияние на его политику. Плодотворность этого влияния в конечном счете прямо обуславливается тем, насколько глубоко и всесторонне познаны закономерности общественного развития, и также, не в меньшей мере, насколько ответственно формулируются и реализуются основные на этом основании политические рекомендации.

§ 4 Актуальность в истории

Политические обязательства исторической науки находят свое выражение в ее актуальности. Актуальность исторической науки означает ее полезность, необходимость для общества, значимость и важность для современности ее исследовательских результатов. Другими словами, она составляет обязательное условие своего функционирования истории как общественной науки, решающей своими средствами выдвигаемые обществом проблемы. Именно попытки с современностью, способностью удовлетворительно ответить на поставленные ею вопросы определяется актуальность исторического исследования. Не всякое историческое исследование является актуальным для своего времени, но историческая наука в целом не может не быть актуальной. В противном случае ей угрожает утрата социальной значимости, а с ней вместе — и доверия общества.

Актуальность исторической науки находит свое выражение в способности откликаться на запросы самых различных сфер современности, будь это идеология или мораль, право или даже другая область настоящего, задающая свои вопросы прошлому. Ответы на них, история «работает» на современность, и чем эти вопросы важнее, а ответы убедительнее, тем значительнее место, которое они занимает в жизни общества.

Особенно большое значение имеет вопрос о политической актуальности исторической науки, так как именно в сфере политики влияние истории на жизнь общества является наиболее непосредственным и действенным. Не исчерпывая всего содержания проблемы, этот вопрос позволяет особенно рельефно представить требования общества к нашей науке. Актуальность истории в этом смысле — это ее способность вносить действитель-

ный вклад в формулировку, обоснование и проведение стратегической политической линии.

Политическая актуальность исторической науки определяется как во отдельным исследованием, разрабатывающим конкретные актуальные для данного общества в данное время проблемы (как и в особенности по ее общей направленности, политическим выводам, вытекающим из создаваемого ею образа прошлого). Чем ближе к объективной действительности этот материал, чем основательнее он разрабатывается, тем политически значимее представляется он для современности. Выработка такого образа прошлого, составляя главную задачу исторической науки, всегда имеет большое политическое значение, является предметом особой заботы общества.

Актуальность в истории нельзя сводить к решению конкретных политических задач. Политически актуальным является не исследование, способствующее пониманию ведущих закономерностей общественного развития (в той мере, в какой оно выявляет сущность этих закономерностей, оно являет собой вклад в воссоздание научного образа прошлого, а следовательно, и в обоснование соответствующей политической линии, опирающейся на данную систему исторических представлений.

Отсюда, в частности, следует, что понятия „актуальность“ и „важность“ в истории отнюдь не тождественны. Быть актуальным еще не значит просто писать на волнующую современников тему. Политически актуальным является такое исследование, которое системно выводя из результатов помогает решить существенные задачи для современности проблемы, независимо от того, какой теме они посвящены и в какой области истории выстроены. Будь это область международных отношений и сотрудничества или сфера материальной культуры и нравственности.

Степень актуальности темы исторического исследования не измеряется ее хронологической близостью к современности. Конкретные обстоятельства времени могут привлечь стойкий научный и общественный интерес к далекому прошлому, в глубинах его разработки, талант историков, его изучающих, призваны к тому, что это прошлое приобретает острую политическую актуальность, становится предметом ожесточенной полемики, являющейся выражением политической направленности. Так, в частности, обстояло дело с дискуссией вокруг проблемы феодального землевладения и перехода от античности к средним векам в буржуазной историографии конца XIX — начала XX в., когда, казалось бы, глубокая древность преявлялась в сильнейшее политическое оружие реакционной буржуазии в ее борьбе с марксизмом и социализмом.

Этот пример показателен и в другом отношении. Актуальность в истории не является абстрактной категорией, рат и навсегда присутней определяемым исторически явлениям. В процессе исторического познания хронологически истерическию обладание актуальной проблематики Проблемы, вызывающие живой общественный интерес в одну эпоху, теряют свою актуальность в другую, и наоборот. Представляется, например, что в наши дни утрачивает былую политическую и идеологическую остротность вопрос о формах землевладения в раннее средневековье, который еще совсем недавно являлся предметом жарких дискуссий в исторической литературе. Новейшие исследования в области обширного землевладения в средние века практически не содержат политических и идеологических выводов характерных для предшествующей литературы¹¹.

С другой стороны, в наше время повышенную актуальность приобретает культурологическая проблематика. Возрастают потоки литературы, посвященный различным сторонам культурной жизни античности и средних веков. Все более пристальное внимание исследователей привлекает внутренняя жизнь человека, его чувства и умонастроения, его повседневная жизнь и взаимоотношения с окружающей средой. Очевидно, что все эти проблематики актуализируется обостренным современным интересом к человеку, сопряженным с дозревающей тревогой за судьбы культуры и всего человечества и век терминированной угрозы к жологическому кризису.

Таким образом, актуальность выступает как свойство, которое, не будучи атрибутом данного явления, предается ему спарременностью. Именно настоящее с его проблемами определяет актуальность изучения тех или иных явлений прошлого. Поэтому даже в тех случаях, когда одна и та же проблема на протяжении века сохраняет свою политическую актуальность, в разное время в зависимости от вопросов, задаваемых современностью, на передний план выдвигаются разные ее грани.

Так обстоят дела с проблемой перехода от античности к средневеку. На протяжении двух с половиной столетий она сохраняет для буржуазной историографии свою политическую остроту. Но если в XVIII - начале XIX в. ее актуальность заключалась в обоснования в борьбе с феодальным дворянством исторического права буржуазии на политическую власть, то в XX в. ситуация изменилась. Первая мировая война и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция, положившие

¹¹ См., например: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1983. Т. 1.

иногда обанному критику капитализма, выставили идеологов буржуазии обвинять и к этой проблеме под иным углом зрения. Непосредственно актуальность приобрела для них сама эпоха истории единичности, в которой стала усматриваться параллель с современными спонсором современной им буржуазной культуры¹⁴.

Актуальность прошлого, однако, не всегда помогает его объективному осознанию. Там, где к прошлому индифферентны и противные социально-политические силы, общественная острота индифферентна к нему обрывается искажением его действительности содержанием. Чем актуальнее данная проблема в реакционной историографии, тем более вероятным является ее извращение в угоду определенным классовым интересам в настоящем. Например тому может служить так называемая гитлеровская школа в современной западногерманской историографии. Вышедшая к жизни стремлением обелить немецкий империализм и индифферентная в этом отношении чрезвычайно актуальной в НМ она фальсифицирует действительную историю предвоенной Европы.

Только в том случае, если актуальность исторического исследования является выражением заинтересованности и трезвым парадоксом общественных сил, она может способствовать его объективно истинному отражению. Такой характер, например, имеют эмпирические изучения в марксистской школе истории угнетенных классов и их борьбы за социальное освобождение, которое способствует более глубокому познанию, выявлению действительных закономерностей исторического процесса.

Другой пример — заметное оживление марксистских историко-источковедческих исследований, происходившее под несомненным влиянием бурного роста национально-освободительного движения в странах Азии и их все более возмущающей роли в современном мире. Эти исследования не только ведут к созданию широкой панорамы исторической жизни народов Востока, но и имеют важное теоретико-методологическое значение. Они существенно углубляют представления и понимание истории, формирования членения общества соотношением общества и индивидуального в историческом процессе и т. п.

¹⁴ Тем характернее критика известного западного германского историка и историка С. Хаффнера. Кто обвиняет советский Союз, и кто обвиняет Западный Рим — но не в творческой работе Августа, а в период упадка последнего — литература Рихарда Аншюта. То что происходило 1500 лет назад имеет много удивительного сходства с тем, что происходит сегодня" (Haffner S. Im Schatten des Kaisers. Stuttgart, 1985 S. 25).

С актуальностью в истории нельзя путать конъюнктуру. Во все времена наряду с серьезными историческими исследованиями, в которых общество искало ответы на важнейшие его вопросы, существовали конъюнктурные подделки, написанные на злобу дня и потребу минуты. Авторы таких подделок были одиозны не столько отмыслом истины, сколько стремлением угодить власти и мушкетерам, преследуя при этом нередко свои корыстные цели. К сожалению, от полубогатой рой работ на свободе в советская историческая наука. Но конъюнктурным соображениям неоднократно перекрывались целые разделы прошлого, от истории произвольно изымались отдельные имена и события, непомерно преувеличивалось значение других, неверно оценивались третьи. Стремясь отстраниться от тех или иных текущих интересов дня, историки-конъюктуристы своими чужими набегами на прошлое компрометировали сами эти лозунги. Но особенно большой вред конъюктуризма наносит исторической науке. Подменяя объективное изучение прошлого его подгонкой под заранее известные ответы, она дискредитирует историю, создает впечатление о ней как о безвольной и беспроиниципной служанке политики и тем самым глубоко подрывает общественное доверие к ней, а значит, и ее социальную значимость.

Между тем история не является простой функцией политики — «политикой, обращенной в прошлое». При всем значении взаимодействия истории и политики природа исторического познания вне этой связи не определяется. Сведение истории к политике не только обедняет природу первой, но и в конечном итоге наносит ущерб последней. «Актуализация» прошлого в таких случаях не только превращает его подлинно научному познанию, но и, по существу, не достигает тех политических целей ради которых оно предпринималось.

Чтобы история действительно была фундаментом политики, нужно, чтобы она к ней не сводилась. Только оставаясь наукой, она может быть действительно актуальной. Она имеет свой предмет исследования, свои методы, свои факты, свою внутреннюю логику развития. Как и всякая наука, она стремится к познанию объективных закономерностей реального мира. Глубина этого познания и обуславливает плодотворность ее влияния на политику. Естественно поэтому, что политика должна быть заинтересована не в навязывании истории своих установок, а в максимально объективном изучении прошлого, так как только такое свободное от деформирующих идеологических влияний изучение может быть для нее действительно полезным.

Полезность истории для развития определяется той мерой, в какой она способна сделать достоянием настоящего исторические осмысленный опыт прошлого. Таким путем она вносит свой вклад в выработку научно обоснованной доктрины.

Обращение современности к опыту прошлого преследовало и преследует самые разные цели, но при этом всегда, начиная с античности, среди многообразных форм, в которых исполкуется этот опыт прошлого, особое значение принадлежит попыткам извлечь из него уроки, полезные для настоящего и будущего. Приемы исторического опыта выступают в марксистской науке как проблема осмысленного таящихся общественного развития. Признание закономерного характера общественного развития, зыри коющегося в диалектическом единстве прошлого и будущего, с одной стороны, в присутствии во всемном особенном и единичном момента общего — с другой, вынуждает ставить на действительно научную основу вопрос о возможности использования знания прошлого для понимания существенных явлений современности.

Объективность прошлого обуславливает и объективную иерархию уроков истории. Вопреки утверждениям современных буржуазных историков, настаивающих на субъективном характере исторического опыта, возможность различных интерпретаций опыта в тех же событиях отнюдь не означает отсутствия объективной ценности опыта прошлого. Одна из важнейших задач исторической науки заключается в том, чтобы сделать этот достоянием настоящего. Она решается совокупными усилиями многих поколений ученых, реализуется как в накоплении фактического материала о прошлом, так и в стремительности его интерпретации. Этот процесс кристаллизующий и обобщающий исторической наукой опыт прошлого и составляет ту объективную основу, благодаря которой только и возможен извлечение уроков из истории.

Интерпретируя накопленный ею фактический материал, историческая наука объективным путем извлекает из него уроки, полезные для настоящего. Мера объективности этих уроков, их глубины и эффективности зависит от того, насколько объективным является выводы и результаты исторических исследований. Так проблема уроков истории оказывается неразрывно связанной с проблемой объективности исторического познания. Разное решение последней как это имеет место в марксистской и буржуазной науке, обуславливает и методологический подход к первой.

Исходы и возможность получения объективно-истинного знания о прошлом, марксистская историческая наука поддерживает объективную природу извлекаемых из этого знания уроков. В той интерпретации прошлого, которая именуется „урок истории“, как и в любой другой, конечно, присутствует субъективный момент, ибо она осуществляется ученым, обладающим своей системой убеждений и своими симпатиями и антипатиями, складывающимися на его работе. Этот момент несомненно накладывает свой отпечаток на конечные выводы историка, придавая им более или менее ярко выраженную субъективную окраску. В еще большей степени он складывается на самой направленности исследовательских поисков, равно как и на социальном значении их результатов. Но как бы сильно ни всем этим ни проявились пристрастия ученого, они не должны затривать объективного содержания, заключающегося в уроках истории. В противном случае нельзя говорить о них вообще.

Вот почему именно в широком движении в современной немарксистской науке подписание о том, что из одного и того же материала прошлого может быть извлечено множество, в том числе и диаметрально противоположных, уроков, нуждается в принципиально важном уточнении: из этого множества интерпретаций прошлого только одна является истинной, именно та, которая способна уловить и отразить в своих существенных чертах объективную закономерную связь, соединяющую изучаемое явление с современностью, и тем самым быть подлинным уроком истории. Все остальные истолкования прошлого, какими бы мотивами они ни вдохновлялись не являются истинными и в силу этого, даже если их извлекать „уроками истории“, по сути дела, таковыми быть не могут.

Вследствие многогранности самого прошлого и огромного числа точек его соприкосновения с настоящим историческая обыв является категорией многозначной, что позволяет говорить о различных функциях, в которых эта категория выступает в марксистской историографии. Выяснить эти функции — означает понять, как история воздействует на современность, а, следовательно, установить главные пути воздействия опыта прошлого на настоящее и будущее.

Теория и практика марксизма-ленинизма убедительно показывает, каким действенным средством в решении актуальных проблем современности становится прошлое, если из него делаются научно обоснованные выводы, позволяющие обращаться к его урокам в самых разных областях свободной практики. История неизменно присутствует в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Она переполнена историческими высе-

ма, обыкновения, даты. Чувство историзма буквально пронизывает нас, составляя важнейший элемент нового подхода к изучению важнейшей общественной жизни. При этом значение истории никогда не сводится к иллюстрации или даже обоснованию той или иных положений. Обращение основоположников научной коммунизма к истории всегда делалось отчётливым осознанием необходимости использования уроков прошлого для деятельности в настоящем. Научно осмысленный опыт прошлого выступает обязательным компонентом марксистской интерпретации настоящего, являясь действенным орудием в идейно-политической борьбе современности.

Общезвестно влияние, какое на весь противник своей научной и политической деятельности уделял истории В. И. Ленин. Понимание прошлого всегда являлось для него обязательным условием осмысления настоящего, а уроки его становились необходимой предпосылкой выработки практически политической линии. Рассмотрение в этом плане ленинских трудов позволяет более глубоко постичь принципы использования исторического опыта, а также сам характер его взаимосвязанности с современностью. В них содержится целый ряд принципиально важных положений и прираще категории „исторический опыт“ и его функций, ценность которых велика вследствие того, что они не просто декларируются, а применяются при анализе сложнейших явлений русской и мировой действительности.

Представляется возможным выделить ряд функций, в которых выступает в ленинских произведениях категория „исторический опыт“.

Воспитательная функция исторического опыта. В ленинских работах часто встречается положение типа „история учит“, „массы из опыта истории учатся“ и т. п. Их анализ свидетельствует о том большом значении, какое придавал В. И. Ленин воспитательному воздействию истории. Правильно понятой опыт прошлого является действительным воспитателем масс, необходимым условием их политического просвещения. Особо большое значение в этом отношении В. И. Ленин придавал революционному опыту масс. Проблемы усвоения массами опыта революционной борьбы, их воспитания на этом опыте является одной из центральных в ленинских трудах. Отсюда так огромное место, какое занимает в них обращение к европейским революциям конца XVIII—XIX в. и революционным потрясениям начала XX в., в особенности в России.

Показательно в этом отношении внимание В. И. Ленина к опыту революции 1905—1907 гг. Партия, писал он, необходимо должна бороться в том, чтобы богатые политические уроки нашей

революции и контрреволюции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами"¹¹. Образцом такой заботы является в первую очередь многонаправленные исследования самого В. И. Ленина, в которых опыт революции, как позитивный, так и не в меньшей мере истинный подучил всесторонним осмыслению, стал программой всей работы партии в массах. Результаты ее сказались очень скоро. Объясняя причину сравнительно быстрой и легкой победы Февральской революции, В. И. Ленин указывал прежде всего на то, что русский народ „до осени 1905 года имел гигантский запас революционной боеспособности“¹². Так политическое просвещение масс, и воспитание на уроках истории стало мощнейшим средством социально-политического преобразования действительности.

Исторический опыт как критерий истины. В марксистский периодологии обобщилась практика рассматривается как решающее звено в процессе общественного познания. „Практика человека и человечества, — писал В. И. Ленин, — есть проверка, критерий объективного познания“¹³. В ленинских трудах получила всестороннее обоснование положение об историческом опыте — кристаллизируются выражения социальной практики человечества. В одной из своих работ, опубликованной в 1905 г., В. И. Ленин, говоря о необходимости сдерживания самодержавия и создания временного революционного правительства как условия проведения действительно свободных выборов, подчеркивая, что необходимость этой меры исторически доказывается историей¹⁴.

Это убеждение в неопровержимости данных исторического опыта, характерное для всей ленинской системы аргументации, составило исходный пункт его отношения к истории блестящий полемик В. И. Ленин в борьбе со своими политическими противниками повсеместно обращался к истории как важнейшему аргументу в утверждении своих и критике других взглядов, а также для проверки той или иного социального учения или практической политической линии.

Зарисовочная функция исторического опыта. Ленинские труды помогают понять природу одной из самых важных и вместе с тем самых трудных историко-теоретических проблемы — проблемы использования опыта прошлого в целях познания общественных явлений в процессе современности. Для В. И. Ле-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 16 с. 124.

¹² Там же т. 16 с. 93.

¹³ Там же т. 29 с. 193.

¹⁴ См. там же т. 10 с. 215 — 216.

никак оригинальные исторические опыты всегда являлось обязательным условием научного анализа настоящего. При этом, что особенно важно, он указывал на принципы, обеспечивающие научную плодотворность использования уроков истории в анализе явлений современности.

Наконец-то из него заключается в требованиях конкретности подхода к опыту прошлого. Для В. И. Ленина исторический опыт всегда конкретен. Он прямо противопоставляет его конкретные данные общим абстрактным рассуждениям. „Всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, — характеризует его, — становится фразой“¹⁹. Не существует опыта истории „вообще“, пригодного ко все случаи жизни. Лишь те истории могут служить действительным средством познания только тогда, когда они органически соотносятся с теми явлениями современности, для осмысления которых они применяются. Вот почему в числе обязательных условий научного анализа явлений общественной жизни В. И. Ленин включал требование рассматривать их только в связи с конкретным опытом истории.

Прошлое присутствует в настоящем. Без учета этого нельзя ни понять современность, ни тем более активно и целенаправленно воздействовать на нее. Но возникает вопрос о мере такого присутствия. Переоценка опыта прошлого и осмысления настоящего представляет не меньшую опасность, чем его недооценка. Как Гегель различал мифовые иллюзии тех, кто сводил жизнь истории к сумме примеров из прошлого для руководства в своих действиях в настоящем, „в сутолоке мировой истории, — заключил он, — не помогает общий принцип или вспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспроизведение прошлого не несет никакой силы по сравнению с живостью и свободой настоящего“²⁰.

Прошлое нельзя устрани́ть от настоящего, но оно не должно и давить над ним. Если игнорирование опыта прошлого создает мифотворную почву для субъективизма и волюнтаризма в политике, то переоценка его мифиче́ства ведет к догматизму, подчинению живой жизни готовой схеме. Теоретически и практически можно установить принципы соотношения и взаимодействия данных истории, с одной стороны, и анализа явлений настоящего — с другой, в познании современности. Поучительные соображения на этот счет содержатся в ленинских произведениях. Уже в од-

¹⁹ Ленин В. И. *Соч.*, собр. соч. Т. 23. С. 311.

²⁰ Гегель Г. *Соч.* М.-Л., 1934. Т. II. С. 8.

ной из своих работ, созданный в период борьбы за построение партии нового типа. В. И. Ленин сформулировал принципиально важное положение о соотношении между опытом истории и анализом конкретной ситуации в настоящем в определении практически политической линии. В статье „Наша ближайшая задача“ он писал: „История социализма и демократизма в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целиком новую организационную и тактику нашей партии. „Обработка“ этого материала должна быть однако самостоятельной, ибо готовые образцы нам искать негде.“

Учет исторического опыта, таким образом, является необходимым условием познания ведущей тенденции современного развития и выработка научно обоснованных практически-политических решений. Однако он не является самоцелью или самоцелью и неперсонифицированной категорией. По образному лексическому выражению, это лишь материал, который, составив для обязательную предпосылку познания современности, должен быть „обработан“ в соответствии с конкретной спецификой данной ситуации. Другими словами, в оценке конкретной ситуации решающее значение принадлежит всестороннему анализу ее своеобразия, той совокупности конкретных обстоятельств, которые в своем неповторимом сочетании образуют именно данное состояние. Но такой анализ будет научно плодотворным только в том случае, если одной из его обязательных предпосылок станет учет опыта истории, который поможет включить рассматриваемую ситуацию в общие исторические рамки, обнаружить тенденции, объективно проявляющиеся в этой ситуации, и благодаря этому глубже познать ее существенное содержание.

В свете этого выступает выдвинутая социальными науками марксистской исторической науки Аккумуляция опыта предшествующих поколений, создавая объективный образ прошлого, она воплощает живую связь времен. Воспроизводящее ею прошлое составляет исходный момент всякого социального и политического действия в настоящем. Уже само это определяет место исторической науки в обществе. Предлагая нам ее интерпретацию прошлого прямо или опосредованно, оказывает существенное влияние на современность, формирует которую достаточно жеманно. Одной из наиболее эффективных ее форм является „уроки истории“.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4 С. 189—190

Строго говоря, то, что обычно понимается под этим термином, далеко не обязательно формулирует именно исторические „Уроки истории“ часто формулируются профанальными политическими идеологами, публицистами. Однако это не умаляет исключительной значимости исторической науки. Кто бы ни извлекал исторические уроки из прошлого, он делает свои выводы из материала, представляемого историческими исследованиями. Уроки истории суть высшее выражение влияния исторической науки на современность. Его эффективность и благотворность непосредственно зависят как от способности историка давать объективно-истинное знание о своем предмете, так и от готовности общества делить со этого знания необходимые выводы.

В этой связи важно подчеркнуть возросшее стремление советского общества учиться у истории — одна из характерных черт совершившейся в стране перестройки. Повсеместный интерес к прошлому не замыкается на любительности или простом побуждении старыми желаниями минувших дней. Укрепляется сознание того, что „история учит“ и именно ее уроки представляют самое ценное в опыте прошлого, являемся постоянным спаренностью. Возрождая ленинскую традицию учиться у истории, все чаще обращается к историческому опыту политическое руководство страны, оно историчнее учитывается и выработке и обосновании стратегии ускорения.

В деловом ряде своих выступлений Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев специально подчеркивал, что историю, собственно, и надо изучать для того, чтобы извлечь из нее определенные уроки. Подчеркивая, что именно опытом истории обосновывает он необходимость последовательного осуществления демократизации советского общества. „Главный урок, — подчеркивает М. С. Горбачев, — состоит в том, что начинавшие в прошлом процессы, предпринимавшиеся попытки реформ, относящиеся и к политической сфере, и к экономической, и к социальной сферам, не подкреплялись расширением и развитием демократии, включением в эти процессы через механизмы демократии массы трудящихся, всего общества. Это — главная причина неудач в прошлом“²⁰

Способность общества усваивать уроки истории, в том числе в горькие, — залог его динамичного действительного движения, вместе с тем она создает особенно благоприятные возможности для развития исторической науки, стимулируя ее ответственный подход к осмыслению исторического опыта.

²⁰ Встреча М. С. Горбачева с представителями французской общественности //Пресса. 1987. 10 сент.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

§ 1. Помните

„социальные функции исторической науки“

‘Многообразие форм влияния исторического опыта на современность обуславливает наличие у исторической науки социальных функций, т. е. ролей, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которым в своей совокупности определяет ее социальную ценность. Ибо какими бы значительными ни были собственно научные достижения историков, социальный статус каждой науки в решающей степени зависит от того, насколько эти достижения помогают обществу в решении стоящих перед ним проблем.

Собственно, в эффективности выполнения исторической наукой своих социальных функций и заключается ее актуальность. При этом, разумеется, нельзя противопоставлять актуальность научной актуальности социально-политической. Между ними существует диалектическая связь, нарушение которой одинаково губительно как для научности истории, так и для ее партийности. Ведь глубина и основательность научного познания прошлого, как мы могли убедиться, в большой мере зависит от тех вынуждений, которые историческая наука получает от современности, и с другой стороны, социальная эффективность исторического познания в конечном счете определяется его способностью раскрывать объективные связи, существующие между прошлым и настоящим, и благодаря этому ставить вопросы не службе настоящему.

Несомненно, поэтому историческое познание естественно, не может быть сведено исключительно к оторывлению исторической науки от своих социальных функций, равно как и его развитие зависит не только только социальными вынуждениями. Зависание этого неизбежно ведет к культуризации вынуждения природы исторического познания, а следовательно, и его социальной роли. В самом обращении человека к прошлому несомненно присутствует элемент любопытства, являющийся вырванным свойством человеческого природы творческого начала, стремления к знаниям и истине ради этих целей. Без учета этого элемента невозможно до конца понять всю историю каждой науки, важнейшим ее достижениям, лишь одним простым фактом — почему ученые историков обращаются в своем

исследованиях к разной проблематике. Его наличие отчасти объясняет преобладание в развитии исторических знаний. Он присутствует во всех серьезных исследованиях и деятельности каждого научного направления, каждой исторической школы.

Потребность знать свое прошлое органически присуща человеческому обществу, будучи выражением свойственного ему стремления к самопознанию. Любопытность человека, никогда не оставляющая его жажда познания составляют необходимую предпосылку удовлетворения этой потребности. Но с первых же шагов исторического и по настоящее время простая любознательность всегда была тесно связана с общественными запросами, толкавшими людей к изучению своего прошлого, и неизменно занимала подчиненное по сравнению с ними место среди мотивов, обуславливавших потребность такого изучения.

Подушим стимулом в обращении к истории всегда являлось стремление извлечь из знания прошлого нечто полезное для настоящего. Это полезное могло доходить по-разному: от воспитания молодежи на героических деяниях предков до вынесения уроков из данных истории, существенных закономерностей и тенденций общественного развития, но неизменно оставалось одно — обращение к прошлому всегда спонсировано мотивировано, направлено на удовлетворение тех или иных общественных потребностей.

В категории „социальные функции“ и воплощается ответ исторической науки на эти потребности. А поскольку интерес общества к своему прошлому всегда стимулировался определенными вопросами к нему, порождаемыми настоящим, и изучение истории было призвано давать ответы на эти вопросы, социальные функции оказываются имманентно присущими историческому познанию с глубокой древности.

Уже на заре исторического познания были осознаны и четко сформулированы одна из важнейших его функций — функция социальной памяти. Начиная свою знаменитую книгу, „отец истории“ писал: „Никто из последующих историков Геродот Галикарнасский предпринимает для того, чтобы от времени не изгладилась из нашей памяти деяния людей, а также чтобы не были бесследно забыты огромные и удивительные союжения, исполненные частью эллинами, частью варярами, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла война между ионами“¹. Огромная популярность в античном обществе труда и самого имени Геродота свидетельствует,

¹ Геродот. I, I.

что эти цели не уступают выразителю назревшей общественной потребности. Динамично развивавшееся в V в. до н. э. древнегреческое общество обнаруживало возрастающий интерес к своему недавнему прошлому, к особенностям и такой его ставшей страной, как греко-персидские войны, ставшие переломным моментом в истории Древней Греции, способствовавшие расцвету афинской рабовладельческой демократии. Этот интерес и нашел свое удовлетворение в книге Геродота, что и обуславливало ее большой общественной резонанс.

По мере развития исторической науки и самого общества ее функции усложняются, становятся все более многообразными. Пытаюсь удовлетворить усиливавшиеся потребности общества в осмыслении настоящего и предвидении будущего, история все активнее вторгается в его жизнь. Все более настоятельными делаются запросы общества, и все более широкие сферы его жизни становятся объектом изучения и прямого воздействия исторической науки. Прогрессирующее усиление социальной активности исторического познания, таким образом, неизбежно ведет к расширению социальных функций исторической науки.

Итак, социальные функции исторической науки не являются величиной постоянной и неизменной. Они эволюционируют и видоизменяются вместе с развитием исторической науки и самого общества. Смена классов — носителя общественного прогресса — неизбежно отражается на социальных функциях историографии, способствуя, как правило, их расширению и дифференциации. Но даже в рамках господства одного класса социальные функции выразившей его историографии не остаются неизменными. Вследствие того, что каждый класс на разных этапах своего развития предъявляет к изучению прошлого разные требования, происходит их непрерывное видоизменение, направленное на наиболее адекватное выполнение предъявляемых им историко-«социального заказа».

Поэтому методологически неверно пытаться рассмотреть функции исторической науки «вообще». Безотносительно к ее конкретному классовому положению. Конечно, отдельные ее функции, такие, например, как функции социальной памяти или воспитательные, неизменно присутствуют самой ее природе и обнаруживаются на всех этапах ее развития. Однако, не говоря уже о том, что каждое время вкладывает свое содержание в различные эти функции (воспитательная функция марксистской историографии, например, по своей направленности и своему смыслу радикально отличается от аналогичной функции

современной реакционной историографии), только совокупность функций, выполняемая наукой на каждом этапе ее развития, может дать действительное представление о ее месте и значении в социальном обществе.

Никто не должен упускать из виду, что в конкретных условиях места и времени одна и та же функция может играть в истории общества диаметрально противоположную по своему объективному значению роль. Воспитательная функция, например, присущая буржуазной историографии, в годы господства империализма реализовывалась в духовном развращении широких слоев немецкого народа. На этом основанно было бы абсурдно делать вывод о специальной вредности исторической науки вообще. Но так же будет ошибкой дело с любыми попытками, рассматривая социальные функции исторической науки, переносить частное на целое. Ключевый характер исторического познания является доминирующей, определяющей место истории в обществе, ту действительную роль, позитивную или негативную, которую (или объективно играет в его жизни. Соответственно этому реализация исторической наукой присущих ей социальных функций в последнем счете зависит от природы того общества, чьи интересы она выражает.

Тесная связь истории с современностью, обуславливающая ее зависимость от господствующей в данном обществе идеологической предвзятости, определяют и ее возможности в осуществлении своих социальных функций. Мы уже не говорим о реакционных обществах, деформирующих самую природу истории, сводящих ее функции к фальсификации припосады в угоду властям преобладающим. Но даже в классово-антагонистических обществах, которые находятся на восходящей стадии своего развития, легко обнаружить отчетливые границы, препятствующие полному и всестороннему раскрытию всего потенциала возможностей исторической науки.

Эти рамки ставит сама природа антагонистического общества, не заинтересованного в объективном изучении всех социальных ему противоречий. Вследствие этого и социальная активность исторической науки носит классово-ограниченный характер, не только не способствующий полной реализации ее потенциальных возможностей, но и серьезно препятствующий этому. Ибо такая реализация угрожала бы господствующему положению данного класса, доказывая его историчность, а следовательно, и преобладающий характер.

Только социалистическое общество впервые открыло для исторической науки возможность всестороннего и гармонического развития всех заложенных в ее природе социальных

функцией. Предъявляя историческим классам требования, оно вместе с тем создает необходимые предпосылки для их реализации в историографической практике. Главным образом, определяющим отличием социалистического общества к истории, является объективно присутствующая ему потребность в подлинно научном познании закономерностей социального развития, которая соответствует глубоким интересам составляющих его классов. Удовлетворение этой потребности предполагает всестороннее, не ограниченное какими-либо классово-политическими мотивами, развитие общественных наук, в том числе истории. Оно является также важнейшим условием поступательного движения самого общества.

Ниже будут рассмотрены основные социальные функции марксистской исторической науки. Сказавши, что выделяемые в этой главе функции не исчерпывают всего спектра социального воздействия марксистской историографии, мы в то же время полагаем, что в своей совокупности они позволяют достаточно полно представить то выдающееся место, какое принадлежит истории в жизни социалистического общества.

В их числе особенно значительная роль принадлежит научно-познавательной функции. Это фундаментальная функция исторической науки, определяющая как положение истории среди других наук, так и ее место в обществе. Реализация этой функции марксистской исторической наукой предполагает не только изыскание и осмысление научных истин, но и выяснение на конкретно-фактологической основе ведущих закономерностей общественного развития. Только успешно решив эти задачи, историческая наука может эффективно выполнять и все другие свои функции. Вот почему рассмотрение функций марксистской исторической науки мы начинаем с характеристики этой основополагающей функции. Основное внимание при этом будет сосредоточено на значении исторической науки в познании закономерностей общественного развития, ибо именно от того насколько успешно историческая наука решает эту задачу, зависит эффективность выполнения ею научно-познавательной функции и социальная результативность всего исторического познания.

§ 2. Научно-познавательная функция

Самознание общества достигается совместными усилиями всех общественных наук, в системе которых фундаментальное положение принадлежит истории. Ибо всякое знание об обществе является по своей природе историчным. Невозможно

принять истинное во всей сложности и противоречивости составляющих его процессов без упрощения их исторических корней. Нет и не может быть внелитературности истины, поскольку не существует абстрактных общественных отношений. Каждое данное общественное состояние имеет определенными пространственно-временными характеристиками, являясь продуктом конкретных исторических условий. Поэтому без помощи исторической науки невозможно познание его существенных сторон равно как и ведущих тенденций его развития. Это означает не только обязательное соблюдение требований историзма в научной и повседневной общественной жизни, но и то, что всякая закономерность в развитии общества может быть познана лишь в свете истории. Именно в этом двойном смысле можно истолковывать известные слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «мы знаем только одну единственную науку, науку историю»¹.

История отличается свой метод другим общественным наукам в той мере, в какой она нуждается в диалектическом (историческом) рассмотрении своего предмета. Особенно важным признаком значимости исторического подхода для выявления общих закономерностей развития человеческого общества является то, что эти закономерности действуют на протяжении более или менее длительного периода, не поддаются невозможному вне исторического рассмотрения. Только на материалах истории может быть обнаружено действие законов общественного развития. Только исследование на страницах истории социальной практики человечества может служить адекватным научным критерием, различающим действительные законы общества от идеологических спекулятивных построений, претендующих на их ранг. Вот почему преобразование данными истории, конструирование без их учета законов общественного развития неизбежно ведет к абсолютизации неких „законов“ в бессодержательные абстракции, не выражающие ничего, кроме непомерных претензий на теоретический или научный статус без всяких подтверждающих связей реального мира. Такая судьба „диалектики“ и „формы“ законов позитивизма, как, впрочем, и всех других идеалистических философских систем.

Вот почему, наконец, такое большое место занимает для нас история в системе марксистско-ленинской. При этом, конечно, речь идет не просто о присутствии исторического материала в трудах основоположников научного коммунизма. В разной мере такой материал имеется и в идеалистических системах общественного развития. Главное заключается в том, как при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. (1912) т. III, с. 114.

существует история в той или иной социально-философской системе. Если в идеалистически учениях ее данные прикладываются для иллюстрации или в лучшем случае обоснования отдельных приращиваемых тезисов, то в марксизме действительность ее принадлежит именно по фундаментальной постановке, которая единственно делает возможным научно предвидение исторического развития истории и социально-философских обобщений.

„История — это для нас все, — писал Ф. Энгельс, — и она становится нам ядром, там, где мыслями-либо другими более или менее философскими учениями...“ В этой связи показательно, что основоположники марксизма называли историческими все общественные науки, включая политическую экономию и философию, и эту последнюю даже рассматривали как науку, истиннонаучную в отношении к истории⁴. Открытое и разработкой ими материалистическое понимание истории не только означало коренной переворот в развитии самой исторической науки, но и утверждало качественно новые принципы в ее взаимоотношениях с другими общественными науками.

Открытые марксизмом закономерности закономерности развития общества явились итогом обобщения гигантского исторического опыта человечества. Будучи по своему характеру историческими, эти закономерности могут быть обнаружены и обоснованы только с помощью данных истории. Тем самым определяются место истории в системе марксистского обществоведения. Во-первых, только на ее материалах возможно открытие законов общественного развития, а ее метод, состоящий в историческом подходе к явлениям общественной жизни, необходимым для их достоверного познания. Во-вторых, материал истории, объективно отражая социальную практику людей, является высшим критерием истинности таких законов. По существу, именно история доказала и продолжает доказывать правоту марксистских законов общественного развития, равно как и научную достоверность вычисленных буржуазными идеалистическими схемами исторического процесса.

Таким образом, важнейшей социальной функцией марксистской исторической науки является вычисление закономерностей общественного развития, составляющие необходимую предпосылку научного руководства обществом. Сообщая свой метод другим общественным наукам, исследуя конкретные исторические закономерности, такая наука в большой степени содействует раскрытию ведущих тенденций общественного

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1 С. 397.

⁵ См. там же С. 415.

развития. Ее подписание в обществе во многом зависит от научной результативности ее усилий в решении этой задачи.

Следует, однако, отметить, что эта результативность в настоящее время не удовлетворяет возрастающим требованиям и запросам общественности общества. Важнейшим рычагом ускорения развития общества на современном этапе является всестороннее внимание к науке и ее многообразности. Но важнейшим условием этого является объективная оценка прошлого. В основе, которого лежат и активно выявление и использование закономерностей общественного развития. Научно-педагогический смысл прошлого выступает объективно, необходимой предпосылкой отношения настоящего ко всем его проблемам. Нельзя сказать, что советские историки не изучали опыт прошлого и не стремились выявить во него полезное для настоящего урочище. Однако такое изучение, в особенности применительно к истории советского общества, носило во многом односторонний характер. Изучалось главным образом лишь то, что объективно приводило к искажению общей картины прошлого и тем самым препятствовало познанию действительных закономерностей развития социалистического общества со всеми присущими ему противоречиями.

Это познание предполагало учет не только позитивных, но и негативных явлений, выявленных в прошлом. Сейчас особенно актуально звучит ленинское предостережение о том, что «нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если вы вчерашний день не открыли глаза на несправедливость старых приемов»¹. Забывая этого, как и пренебрегая негативным опытом вообще, критично-рефлексивным социальным исследованием, ведет к повторению и усугублению ошибок в том же смысле, как и вчерашние и вчерашние негативные тенденции в общественной жизни.

Отсутствие же в такте познания вещей в значительной степени ведет к исторической науке. Слишком робко и непоследовательно обращаемся мы к острым вопросам нашей истории, слишком редко и колеблем отсюда необходимые для социальной практики выводы. Наиболее необходимым, в частности, становится тщательным и всесторонним изучением причин возникновения, природы и последствий культуры личности (такая). Без этого невозможно ни полноценно изучать основные истории советского общества, ни эффективно критично-рефлексивным советским обществом, отбрасывая чуждые и вредные и безжалостно вечно культу личности с силой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

природой социализма. То же самое открылось и в необходимости исследования устойчивых явлений истинного прошлого. Именно в таком ответственном, строго научном подходе и позиции различаются историческая наука требователем строгости, с такой силой прозвучавшее на XXVI съезде КПСС и в последующих партийных документах. Только на основе всестороннего, без каких-либо изъятий, изучения опыта прошлого возможна подлинно научное познание закономерностей современного общественного развития, а следовательно и его ускорение. В решении этой задачи и заключается важнейшая социальная функция исторической науки.

§ 3. Прогнозирующая функция

«Выяснение закономерностей общественного развития» составляет необходимую основу научного прогнозирования его тенденции и перспективы. С античных времен люди стремились использовать знания прошлого для суждений о будущем. Однако эти суждения, не опираясь ни на какие действительные законы общественного развития, носили, как правило, утопический характер. Правда, история всемирноисторической историографии знает отдельные случаи удачного прогнозирования будущего. В особенности это открылось в буржуазной исторической науке периода ее восходящего развития. В трудах А. Томаши, Я. Буркхардта и некоторых других ее представителей были верно предугаданы некоторые существенные черты и моменты будущего. Однако даже порой прельщаясь тем, что действительно происходило в будущем, сами трюмальные представители историографии в силу марксистской ограниченности своих познаний не могли представлять на научное познание его полного содержания. Вплоть до появления марксизма такое познание оставалось невыполнимой мечтой, нередко оборачивавшейся горькими разочарованиями и самой возможностью научного предвидения.

Только открыл законы развития человеческого общества, марксизм впервые сделал возможным превращение этой мечты в реальность. Как никакое другое философское учение, марксизм ориентирован в будущее. Вся система его категорий направлена на выяснение ведущих тенденций исторического развития, позволяющее не только глубоко осмыслить настоящее, но и на этой основе предвидеть будущее.

При этом в марксистской науке в полной мере осуществляется специфика социального прогнозирования. Вследствие того, что история делает людей прогнозируемыми в сфере общественных

мудр, является несомненно более трудным и менее точным, чем в области естествознания. Если ли возможно, например, на современном уровне развития обществоведения пытаться, как это делают, впрочем, не всегда удачно, ученые-естественники в сложной прогнозе развития той или другой науки и отрасли промышленности¹, точно определить, какие конкретные изменения произойдут в политической и социальной жизни той или иной страны через 10–20 и более лет, какие события будут иметь место на международной арене в эти годы и т. п. То что сегодня кажется совсем близким, внезапно отодвигается в более или менее отдаленное будущее или оказывается вовсе несуществующим, и напротив, случается в реальной действительности то, что совсем мало или совсем совсем далеко от будущего или совсем невозможным. И это не удивительно — слишком много факторов, в том числе и непредсказуемых, принимают участие в формировании конкретного облика будущего человеческого общества.²

(Это, однако, отнюдь не означает, что историческое прогнозирование вообще невозможно. К нему лишь следует подходить с несколько иными мерками, чем к естественно-научному прогнозированию. Нередко по аналогии с естествознанием смысл его усматривается в предвидении конкретных событий будущего и на этом основании отрицается возможность прогнозирования в мире людских страстей. Действительно, такое прогнозирование крайне трудно, а зачастую вообще невозможно. Слишком много переменных величин, не поддающихся заблаговременному учету исторических случайностей, влияет на конкретные события, чтобы их можно было заранее предвидеть с естественной научной точностью.

Иное дело — события всемирно-исторического масштаба. Они детерминированы всем ходом исторического развития, куда случайности входят составной частью, уравновешиваясь и погашаясь другими случайностями. Вследствие этого становится возможным предвидение таких событий на основе знания общих законов развития человеческого общества и умелого применения их в анализе конкретной исторической ситуации. Известные примеры такого предвидения имеет в своем арсенале марксистская наука.

Наиболее известны из них предвидение Ф. Энгельсом первой мировой войны. В 1887 г. он писал: «...для Пруссии — Германии неотомыслима уже теперь никакая иная война,

¹ Опыт такого прогнозирования см.: Байбуртз И. *Визия*. 3 Мар. в 1900 году. Связь между мировым прогнозом. М. 1973.

контингентом сделать научные предвидения грядущего коммунистического переустройства общества. Эти социальные предсказания включали в себя не только определенную степень реальности объективного фактора, но и соответствующую подготовленность фактора субъективного, в том числе и уровень развития современной К. Марксу науки.

В-третьих, долговременное научное прогнозирование общественного развития необходимо предпосылает обязательный учет данных истории. Если успех социального прогнозирования в решающей степени зависит от общей социологической теории, способной адекватно отразить существенное содержание исторического процесса, то самое построение такой теории невозможно без помощи исторической науки. В силу того что обнаружение законов общественного развития возможно только в широких исторических рамках, охватывающих весь приближенный человечеством путь, социальное прогнозирование на базе этих законов должно опираться как на фактические знания, которые дает история, так и на ее метод.

Поучительным примером тому служит марксистское учение об общественно-экономических формациях, образующее научный фундамент долговременного прогнозирования тенденций общественного развития. Составляя краеугольный камень материалистического понимания истории, оно само глубоко исторично. И не только потому, что основывается на огромном историческом материале. Еще более важное значение имеет то обстоятельство, что формулируемые на этом материале особые законы, регулирующие развитие данного общественного организма и смену его другим, высшим организмом, являются по своей природе историческими законами⁸. На необходимость детального исторического изучения условий существования различных общественных формаций как обязательную предпосылку всякого теоретического обобщения настоятельно указывал Ф. Энгельс⁹. Всякая попытка долговременного прогнозирования общественного развития, лишаясь исторической ретроспективы и игнорирующая исторический метод, неизбежно превращается в гадание на кофейной гуще, далекое от подлинной науки, хотя в прямом социальном измерении оно, столь распространенное на Западе

Тем самым определяется значение исторического познания, без которого невозможно понимание существенного содержания главных процессов, влияющих на характер общественного раз-

⁸ См. Ленин В. И. *Соч.* т. 1, с. 161.

⁹ См. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 37, с. 371.

вита в будущем. Но истинным ли мнением прошлого об-
щает историческая наука для того, чтобы оно могло стать обяза-
тельным для научного предсказания будущего? Многие историки
системно вторы дают на этот вопрос отрицательный ответ. Мы
уже не говорим о тех из них, кто, провозглашая необратимость
процесса между настоящим и прошлым, вообще отрицает вся-
кую пользу знания прошлого для настоящего, а тем более для
будущего. Но даже ученые, признавшие связь времен, а с ней
вместе и объективное значение изучения прошлого, выражают
сомнения в возможности исторической науки представлять такое
неоскалывающееся теоретическое осмысление прошлого, которое
стало бы основой прогнозирования будущего.

Так, в частности, рассуждает видный западноевропейский
ученый Э. Нолте, полагающий, что нет такого теоретического
познания, которое было бы способно так вскалывающим обя-
зательность прошлую действительность, что стало бы возможным пред-
сказание будущего развития¹⁰. Иными словами, но, по существу,
ту же мысль выразил авторитетный представитель аналитиче-
ской философии истории А. Пайто утверждая, что „способ
предсказания событий, присущий истории“, не возмозлет пред-
скалывать будущее¹¹.

Эти аргументации возмоз бы силу лишь в том случае, если
бы будущее являлось прямой и непосредственной проекцией
прошлого. И Нолте, и Пайто, и их многочисленными единомыш-
ленники изначально исходят именно из этой предпосылки. В
действительности, однако, отношения между ними носят гораз-
до более сложный характер. Будущее является не только про-
должением прошлого, но и его отрицанием. Вследствие этого
предсказывающее знание прошлого, даже если бы оно и было
возможным, само по себе еще не обеспечивает предвидение
будущего.

(Пригнозирующая функция исторической науки основыва-
ется не на мнимой возмозности тотального охвата прошлого,
примиряемого за будущее, а на ее способности выснавать та-
комерности общественного развития, определяющие долго-
временные тенденции движения истории. Конечно, реализация
такой способности предсказывает наличие достаточной суммы
фактического знания, без чего вообще нельзя говорить о науч-
ном изучении прошлого, создании и непрерывное обогащение

¹⁰ См. Nolte E. *Zeitgeschichtes als Theoria. Eine Erwiderung* // *Historische Zeitschrift* 1976. Bd. 221. H. 2. S. 317.

¹¹ Пайто А. *Analytische Philosophie des Geschichtes*. Frankfurt am Main, 1974. S. 13.

из фактической основы является усилением осуществлении исторической науки как не фукцной, а тем числу и прогнозирующей. Однако изложением фактического материала никогда не являлось для исторической науки самцелью. Фактические основы истории нужны настолько и в таком объеме, поскольку это необходимо для решения той или иной стоящей перед ней задачи.

Главное заключается в том, насколько адекватно находящийся в распоряжении историка материал отражает реальную действительность в тех ее характеристиках, которые необходимы ученому для реализации его познавательной установки, в данном случае - для прогнозирования общественного развития. Для этого, inevitably, требуется не столько „всеохватывающее обобщение“ прошлого, сколько выявление ведущих закономерностей, позволяющих постичь определенные тенденции этого развития. Историческая наука обладает методом, позволяющим проложить мост между прошлым и будущим и, таким образом, прояснить самую направленность общественного развития. Вся практика прогнозирования общественного развития убедительно показывает эффективность такого использования данных и методов истории, и следовательно, и эффективность прогнозирующей функции исторической науки.

§ 4. Функция социальной памяти

Защитившись от стрелов истории опыт прошлого во всей его грандиозности и противоречивости вместе с тем самостоятельное значение, которое не может быть сведено к вычислению тенденций общественного развития и прогнозированию его тенденций. Воссоздав действительную картину развития человеческого общества во всем многообразии его бесчисленных красок и оттенков, которая выполняет функцию социальной памяти человечества.

В этом своем качестве история является неотъемлемой предельной инстанцией развития и самого существования человеческой цивилизации. Ни одно поколение не обходится с нуля, каждое выступает на арену исторической деятельности усложив в той или иной степени опыт прошлого, опираясь на него в своей социальной практике. Историческая наука - великий посредник между прошлым и настоящим. Собираемые ею знания составляют необходимый элемент духовной культуры, образуя в структуре наследия тот отправной пункт, без которого невозможно ее поступательное движение.

Вот почему историческим знаниям принадлежит столь значительное место во всей системе просвещения и культуры.

Они определяют необъятный элемент школьного образования. Они входят в сознательную и живую жизнь человека не только в качестве суммы знаний об историческом прошлом человечества, но и в определенную систему нравственных функций для ориентации в настоящем. Они присутствуют в каждой науке, в каждой отрасли культуры, воплощая воедино преимущества и во развитии историческом и жизни человеческого общества. Именно им необходима устойчивость, а значит и долгая жизнь на страницах истории „древняя старина глубинной“ служит неиссякаемым источником его самутверждения.

Эта значимая историческая панорама и жизнь отдельного человека в кругу человеческого общества удивительно точно выразил А. С. Пушкин:

Под чуждым древом бродил я сам —
 И сам обрел ты опору новую —
 Любовь и речному течению,
 Любовь и океану глубок.
 На ней возросши от века,
 Плыли вы в море,
 Гранитовые колонны,
 Занега вознеси его.

В прекрасной ипсилонической форме здесь получены яркие выразительные глубины мысли о том, что память историческая, бытие историческое жизненно необходимы для всякой человеческой цивилизации. Горю обществу, лишенному этого чувства! Оно может внешне процветать, развивать высочайшую материальную культуру, обладать самой совершенной технологией, но, лишившись связи со своим прошлым, оно неизбежно обречено на «тонкий деградацию».

Вышеуказанное историческое присутствие прошлого в нашей жизни исторической памяти принадлежит олко из ключевых моментов духовной жизни общества, а самым его функциональным являющимся как целостноспособного организма. Не является превращением распространяемое сравнение его с местом, которое занимает в жизни каждого человека его индивидуальная память. Историческая память человека, даже если во всем остальном он обременен долгами, по существу, перестает быть человеком, если только он перестает ощущать себя личностью, утрачивая связь с ней.

Выдающийся образ такого немилосердия создан выдающийся русский писатель Чингиз Айтматов. В своем известном романе „Буранный долустьяк“ („И дальше земля дается день“) он описывает о некоем кочевом племени жульгулунчи, подвергнутом гонимости в плен рабов чудовищной участии страшной

ладкой, длительною несколькими сутками, она утомляла память раба, превращая его в манкурта — роботаю сиюминутно, абсолютно покорную и уязвимую в своем густом переносе, но не осознающую себя человеческим существом.

Писатель известует о женщине, потерявшей своего сына, закаленного в плен жуаньжунами и превращенного ими в манкурта. С большим трудом ей удалось его разыскать, но, лишенная человеческой памяти, не ведая ни имени своего, ни своего происхождения, сын-манкурт не узнал свою мать. Слова и смысл пытались женщина пробить в глузую дщерь сокрушенной памяти сына, и стало уже казаться, что бегущий след материнской любви вот-вот совершит невозможное — пробудит человеческие чувства в манкурте. Но чудо не произошло. Так и не вспомнив, кто она, эта женщина, манкурт убивает ее.

Странный образ манкурта выражает в символ-предупреждение: утрата исторической памяти самоубийственна для человека и человечества. Человеческое общество может осознать себя лишь обладая систематизированным воспоминанием о прошлом. Такое воспоминание может дать лишь историческая наука с системой понятий, организующих бесконечное многообразие фактов прошлого в форме, доступной для широкого восприятия настоящего. Возвращая прошлое из небытия, историческая наука удовлетворяет тем самым насущную потребность общества в самопознании как условии его нормальной жизнедеятельности. Ведь, изучая предков, — подчеркнул В. О. Ключевский, — узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайными, не связанными как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы в нем живем, как и к чему должны стремиться...¹²

Собирая, храня и распространяя память о прошлом, историческая наука во многом формирует духовную атмосферу общества, помогает ему определить свое место в бесконечном потоке времени, или — коллективная память общества.

Как уже отмечалось, функция социальной памяти выматериально присуща историческому Явно обнаруживалась уже на самой заре его, она несомненно присутствует на всех этапах исторической науки, ибо каждое общество может воспринимать себя лишь в свете собственного прошлого. Это же означает, что в разных социальных условиях рассматриваемая функция выполняет различные роли. Напротив, в силу того, что каждое общество задает прошлому собственные вопросы, разными являются

и профили и в социальном смысле, складывающиеся из ответов, которые на эти вопросы дает история.

Память о прошлом вследствие своей социальной природы избирательна. Каждое общество имеет свои иерархия ценностей, которые определяет и принципы отбора того, что историческая наука делает своим социальным достоянием. Память не формирует, например, тот факт, что до XIX в. в исторических произведениях практически отсутствовали народные массы. Ни войны, трудовая деятельность, борьба являлись для авторов того или иного "История" и "Хроника" предметом, не достойным быть запечатленным в социальной памяти и, следовательно, "происхождения". Правда, временами народные массы все же попадали на страницы этих сочинений, но лишь тогда, когда их поведение приобретало угрожающий для господствующим классам характер.

Нельзя не отметить и то, что должно было заботиться о социальной памяти. Четко формулируя основные на эти критерии принципы отбора материала для исторической сочинений, средневековый хронист писал: "Что касается третьего сословия, составляющего все население королевства, то сюда входят добрые люди, мужи и трудовая масса, на которых не подобает останавливаться так же подробно, как на дворян, потому что они сами по себе не способны к высокой политической деятельности, пребывая на стадии рабства"¹³.

Лично стали расхожими жалобы на достоверность и некорректность истории. Действительно, она оставалась в памяти человечества, например, Герострата, но не охранялась всеми средствами возможными на время. И это в известном смысле символично: в отличие и больше она говорила и разрушителя, чем о созидателя. Память чаще занимала ее страницы, чем жертвы, угнетенные массы — нем угнетенные. В этом находили свое законное выражение мораль того общества, социальная память которого формировалась историческими представлениями жителями различных классов. По образу и подобию своему создавала она картину прошлого, в которой каждый всегда побеждал раба и именно поэтому заслуживал быть запечатленным в памяти поколений. Такая картина была в равной мере и исторической и необъективной. Память о прошлом, складывавшаяся на ее основе, являлась искаженной памятью. Иначе, впрочем, и быть не могло. Общество, построенное на различии

¹² Ключевский В. О. Письма Вячеслава Афанасьевича в память об отце. М., 1968. С. 312.

¹³ Пат на им. Вильгельм О. Л. Энциклопедическая средневековая историография. М., Л., 1964. С. 67.

социальной несправедливости, прощало свое приду-
ше и на будущее поколение.

Только горькое преобразование общечеловеческих отношений открыло возможность принципиально нового подхода к прошлому. Подобно тому как социалистическое общество впервые в истории превратилось в качестве своего основополагающего принципа всестороннее развитие человеческой личности, марксистская историческая наука также впервые выдвинула как систематическое изучение условий жизни, деятельности и борьбы народных масс — главной производительной силы общества. Трудящийся человек и его повседневной хозяйственной деятельностью и освободительной борьбе, формирующая конкретные исторические закономерности, стал главным объектом и главным героем марксистской историографии.

Конечно, такая переориентация истории как социальной памяти — процесс чрезвычайно сложный. Ведь в многовековой истории историософия марксистская наука представлял в количественном отношении небольшую главу. В изучении многих разделов прошлого она вынуждена опираться не столько до нашего времени историческому факту, сколько «глухо» обобщенному историко-народному мифу. Отсюда в какой-то мере исключены и попытки в деталях верным изображением этой истории в марксистской науке. Поэтому заслуживает высокой социальной признания большая работа, проводимая историками-марксистами по выявлению и изучению новых источников, позволяющих раскрыть и конкретизировать мифы представления о разных сторонах жизни народных масс в прошлом.

Ориентация на систематическое изучение истории народных масс, разумеется, не только не усиливает, но и прямо предопределяет марксистское исследование истории эксплуататорских классов, ибо лишь таким путем может быть достигнуто всестороннее изучение закономерностей развития социально-экономических областей, а вместе с этим и подлинный рост в истории народных масс. Это означает, что функция социальной памяти впервые освобождается от нежелательной присущей ей релятивной односторонности, благодаря чему история становится объективной, а следовательно, и справедливым отражением прошлой действительности в ее реально существующих пропорциях и связях.

Функция социальной памяти может быть содержимое на разных этапах развития исторической науки не только исключительного характера подхода к явлениям прошлого, но и в не меньшей степени в силу их осмысливания. Запечатлеть в памяти людской деяния прошлого означает в то же время обо-

ции не в свете господствующих в данном обществе идеологических и общесоциальных представлений. Одни и те же вечные нравственные проблемы получают в разных системах идеологических представлений диаметрально противоположную окраску, что определяет их неодинаковое звучание в памяти различных общественных классов. Но удивительно поэтому, что функция социальной памяти имеет выраженный нравственно-этический характер.

Настоящее небезразлично к памяти о своем прошлом, равно как и это последнее отнюдь не является мертвыми грузом равнодушным к живучим проблемам современности. Поэтому не может быть социальной памяти нейтральной по отношению к современности. Какое бы отдаленное прошлое ни представляло в ее личной, судящие о нем, и следовательно, и его оценки и функции социума детерминированы настоящим.

Именно поэтому это относится к эпохальным событиям недавнего прошлого, тысячами разнообразных нитей связанным с нашей современностью и своим многочисленными последствиями оказавшим на нее воздействующим.

Такие события вследствие своей исторической значимости принадлежат не только прошлому, но и настоящему, оставаясь основным фактором современности. Являются естественным образом не только выдающееся место, которое занимают эти события в исторической памяти человечества, но и определенное влияние современности на свое формирование этой памяти. Именно живые в памяти современников, чтобы стать исключительным достоянием книжной учености, они являются всегда вторгаются в жизнь, определяя существенные этапы развития. Так, все развитие современной эпохи происходит под воздействием влияния Великой Октябрьской социалистической революции. Идея Октября, его революционной идеи изменила весь мир, сферически определила главную тенденцию современности как эпоха перехода от капитализма к социализму и коммунизму во всемирно-историческом масштабе.

Ввиду всепроникающего влияния Октябрьской революции на современность ее образ в социальной памяти человечества формируется не только исторически. Он складывается под воздействием живых впечатлений крупнейших событий современности, пронизанных лучами этой общесоциального влияния. Развертывающейся вокруг идеи идеологической борьбы миллионов людей все области общественно-научной, в тесной и тесной степени под влиянием личного опыта современников, все члены которых так или иначе связаны с этими событиями. Именно между отцами и в других событиями недавнего про-

нового, вродителівадям, вудробно второй мировой войне, благо-даря своим многообразным последствиям жить в настоящем.

Это не означает, однако, умаления значения функции социальной памяти истории. Хотя она и не выступает здесь единственной хранительницей памяти о прошлом, ее роль обусловлена целым рядом других факторов. Она систематизирует (собирает) различные материалы, систематизирует полную картину данного события во всех его аспектах и опосредованно, выдвигает его в обществено-исторический контекст, что позволяет показать его дей-ствительное место в развитии общества и далеко не в последнюю очередь в современной идеологической борьбе.

Для советских историков, например, воссоздать образ второй мировой войны означает не только восстановить дей-ствительный ход событий вкратце и вкратце, их причины, характер и след-ствия, но и запечатлеть в памяти народный как героизм совет-ских людей, самоотверженно защищавших свою Родину, и патриотизм других стран, борозивших против фашистского зверства, так и ужасы фашизма и войны, чтобы сделать невозможным их повторение в мире и войну, неизменно более страшным модифицирует. В ту борьбу, какую ведут сегодня миролюбивые силы планеты против угрозы ядерной катастро-фы, свой важный вклад вносит марксистская историография второй мировой войны, не позволяя человечеству забыть ве-ну ипустаельности агрессорам.

Именно поэтому советские историки тщательно раз-обличают всякие попытки, под каким бы соусом они ни пода-вались, ослепить фашизм и его глупостей, скрыть его подлин-ную классовую природу, затуманить его кровавую политику. „Проблема Гитлера“ в современной идеологической борьбе крайне не случайна и имеет прикладное. Действительный смысл ее заключается в предостережении против опасности возрожде-ния фашизма и угрозы войны в наши дни. А о том, насколько эта опасность реальна, свидетельствует не только широкое распространение ее Запиде разного толка неофашистских ор-ганизацій и временное торжество в отдельных странах реакцион-ных сил, подобно военно-фашистской диктатуре в Чили, но прежде всего сама природа империализма, непрерывно поро-ждающая угрозу войны и фашизма. Вот почему должно сопри-кнуться помнить о преступлении фашизма перед человечеством в 30-40-е годы: их нужно помнить, чтобы они не повторились в будущем. Так память о прошлом превращается в действитель-ный фактор современной жизни.

Приведенные примеры раскрывают еще одну важную ха-рактеристическую функцию социальной памяти. Память о прошлом

фа является и не может быть беспристрастной. Она всегда окрашена и определенными морально-этическими тонами. «Выражающие современное общественное мнение и определенному событию или личности и целому Эпохе лирические и ввиду их прямого морального воздействия, часто и справедливо выдвигаемые в философско-исторической литературе. Задача историка не в том, чтобы читать равнодушно и выставить оценки по поведению деятелей прошлого. Объективно изучая прошлую действительность, она превращает ее образ в фактор, обладающий огромной силой национального воздействия на современность. Тем самым функция соразмерной памяти тесно коррелируется с воспитательной функцией исторической науки».

§ 1. Воспитательная функция

Практически всеми функциями исторической науки присущее ей также воспитательное воздействие, что можно было видеть из всего предшествующего изложения. Воспитательный момент присутствует во всей историографической практике, и поэтому специальное выделение его будет носить в известной степени вторичный характер. Вместе с тем будет правомерно особо рассмотреть воспитательную функцию исторической науки. Это позволит рельефно показать общественную значимость исторической науки, подвести своеобразные итоги всего изученного проблемы „История и современность“.

Целям опыта прошлого достоянием современников, историческая наука играет выдающуюся роль в их социальном воспитании. Внутренне присущая исторической науке воспитательная функция обусловлена смыслом ее предметов. Воспитывает сама история. Независимо от субъективного желания отдельных авторов, сообщаемые ими факты прошлого несут в себе объективно воспитательный заряд, эмпирически воздействуя на современников и таким образом оказывая на них более или менее сознательное влияние. Нет более поучительного драматизма, чем исторический процесс во всей многокрасочности составляющих его элементов. Рождение, расцвет и гибель великих цивилизаций, древние, триединые социальные потрясения и политические перевороты, калейдоскопические смены ситуаций, величественные пышества человеческого разума и мрачные инферналы варварства, яркие и сильные характеры, причудливое смешение высокого трагедии и жалкого фарса — все это и многое другое, формируя ходящее simile пыльное и смелое воображение, образует в творчестве художника живую ткань истории.

В наше время, начиная с античности к истории обращались поэты и писатели. Ее непродуманный прагматизм

вдохновлял на лучшие произведения, обуславливал огромную силу их воспитательного воздействия».

Опыт прошлого, запечатленный в социальной памяти народа, обладает высоким нравственным потенциалом, способным превратиться при соответствующих обстоятельствах в реальную политическую силу. Не случайно в критические периоды жизни народа обостряется его интерес к истории. Историческая память становится источником его нравственного обновления, духовной силы, политической энергии. Здесь выражается существенная закономерность, раскрывавшая воспитательные в самом широком смысле этого слова значение исторического опыта.

Действие этой закономерности прослеживается уже в глубокой древности. Уже тогда на крутых поворотах истории обращение к прошлому служило важным аргументом в социально-политическом воспитании. Голос прошлого, его героические страницы всегда в трудный и ответственный час воодушевляли современников, становились активной силой в их жизни и борьбе.

В русской истории, например, такую роль играла память о Куликовской битве. Когда сто лет спустя, во время известного „стояния на Угре“, решался вопрос о будущем Русского государства и его взаимоотношениях с Золотой Ордой, воспоминания о Куликовской битве стали одним из факторов, непосредственно повлиявших на его решение. В то время как часть бояр советовала Ивану III примириться с золотоордынским ханом и отвести свои войска, архиепископ ростовский Вассиан обратился к великому князю с обширным посланием, в котором, решительно осуждая эти советы, напомнил Ивану III о его предках, мужественно сражавшихся за землю Русскую, и в особенности о Дмитрии Донском. „Достолепный великий князь Дмитрий, твой прадед, — говорил он, обращаясь к Ивану, — какою мужеством и храбростью показал за Дочем над теми же сыроддами окаянными, сам напереди вылся, не воцарился инвота своего для избавления христианства, не испугался михлистая, но сказал сам себе: У меня жена, дети и богатства много, если землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь, но не сомневался не мало. Воспринял удары, наперед вылезал и в лицо стал против окаянного волика Мамаи“¹⁶.

Как известно, Иван III явил этому обращению, прокляв необходимую стойкость Хан Ахмат явственно посвещено отошел от Угры, что знаменовало окончательное освобождение Руси

¹⁶ Цит. по кн. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, 1960. Кн. 1 Т. 5. С. 80

«...занимательской зависимости. Так память о прошлом стала функцией политического действия в настоящем».

Наставительная функция исторического знания не может, однако, быть сведена к простому представлению примеров и предостережений для размышления или подражания в настоящем. Ее роль в жизни общества заключается в том, что создаваемый исторической наукой и входящий в массовое сознание образ истории в ничтожной степени формирует самое отношение к настоящему. Ведь верная оценка настоящего возможна только в свете истории, и только история сообщает необходимый масштаб, позволяющий сравнивать «век нынешний и век минувший».

Из силу выраженного мировоззренческого характера воспитательной функции исторической науки ее различное содержание и значение всецело зависят от исходных идейно-теоретических позиций, с которых осуществляется подход к прошлому и его осмысление. Соответственно этому в каждой системе идеологических координат складывается свое представление об истории и ее воспитательной функции.

Марксисты черпают из истории уверенность в конечном торжестве своих идеалов и вместе с тем сознание необходимости упорной и самоотверженной борьбы за их осуществление. Марксистскому пониманию истории в равной мере чужды как бездумный и поверхностный оптимизм, так и мрачный и безысходный пессимизм, ибо и то и другое не соответствует реальной исторической действительности. Отрицая общественный процесс в его реальной сложности и противоречивости, марксистская историческая наука обнаруживает массы научно обоснованным убеждением в необходимости прогресса и человеческом объединении, испытывает гордость за человека и веру в его безграничные возможности в совершенствовании окружающего мира.

Марксистская историография отнюдь не игнорирует и не преуменьшает мрачные стороны и истории человечества: кровопролитные и олушительные войны, временное торжество реакции и контрреволюции, массовые проявления фашизма, национализма и шовинизма, регресс и гибель целых цивилизаций, варваризм и т. п. Но великое воспитательное значение истории в том и состоит, что она всем своим ходом неопровержимо свидетельствует о противоречивом и трудном, олимпийским подвигам вероятна тяжелой ценой, но тем не менее неизбежном развитии человечества, которое закономерно должно привести к утверждению во всемирно-историческом масштабе коммунистического общества.

История уверяет нас в грядущем торжестве общества, основанного на началах социальной справедливости и экономическо-

го процветания, обеспечивающего всестороннее развитие человеческой личности, не является продуктом бездумного фетишизма или морально-этических размышлений, выливающихся в сентенциозный штамп „добро в конечном итоге побеждает зло“ и т. п. Они зиждутся на знании действительных закономерностей общественного развития, и воспитательная функция марксистской исторической науки как раз и выражается в том, что весь ее материал укладывается на ведущую тенденцию опаремости, воплощающую эти закономерности и указывающую на конечное торжество коммунистических идеалов.

В связи с этим настоятельной задачей марксистской историографии продолжает оставаться всестороннее изучение революционных традиций. Воссоздавая с объективной точностью во всех деталях подлинную картину многоэксплойной борьбы народных масс со силами угнетателями, рисуя яркие образы ее героев и мучеников, историческая наука предоставляет в распоряжение общества материал огромной воспитательной силы, оказывающий большое влияние на формирование коммунистического мировоззрения людей. Не случайно поэтому истории классового боя и особенно ее высшей формы — революционных движений — всегда являлась ареной непримиримых идеологических сражений, выражавших антагонизм моральных мировоззренческих принципов. Именно в этой сфере историческое познание имеет прямой выход в социальную практику, непосредственным образом воздействуя на идейно-политическое воспитание широких масс.

Для основоположников марксизма-ленинизма идейно-политическое воспитание масс на революционных традициях всегда являлось одной из важнейших задач исторической науки, определявшей в значительной степени ее место и идеологическую борьбу своего времени. Выдвинутой всем ходом боя против буржуазного строя, эта задача в полной мере сохраняет свою актуальность и в условиях победившего социализма. Коммунистическое воспитание трудящихся обязательно предполагает усвоение важнейших вех освободительной боя народных масс. Знание ярких страниц революционного прошлого народов, особенно собственного народа, составляет непременную предпосылку формирования научного коммунистического мировоззрения, определяя тем самым значение исторической науки во всей системе идейно-воспитательной работы.

Этим, однако, воспитательная функция марксистской историографии не ограничивается. Большие воспитательные значение имеют и другие аспекты прошлого, являющиеся предметом исторического исследования. Героическое прошлое

фены) его материальные и духовные достижения, получая широкое отражение в исторической литературе, обладают большим воспитательным зарядом и играют важную роль в формировании коммунистической общественности.

Особенно значительной является роль марксистской историографии в воспитании социалистического патриотизма и коммунистического интернационализма. Сознательная любовь к социалистической родине предполагает знание ее истории, главные страницы борьбы народа за социальное освобождение и национальную независимость, его неустанный социалистический труд, величественные творения рук его и разума, яркие характеры народных вождей и героев составляют предмет национальной гордости. Запечатлевая в памяти народа его трудные и героические прошлые, марксистская историческая наука тем самым играет выдающуюся роль в выработке национальной самооценки.

С другой стороны, поскольку история каждого народа является органической частью истории всего человечества, ее материал имеет первостепенное значение для воспитания коммунистического интернационализма. Как ни один другой общественный науки, история всем своим содержанием подчеркивает неразрывное единство национального и интернационального. Подлинное уважение к другим народам, которое предполагает коммунистический патриотизм, основывается на знании их истории. Во всей своей работе историческая марксисты исходят из принципиального понимания о том, что нет народов „исторических“ и „неисторических“, что каждый народ, большой или малый, вносит свой вклад в сокровищницу человеческой культуры, что исторический процесс является сложным продуктом многообразной деятельности всех народов, населяющих и населяющих нашу планету.

Особенно важным является воспитательное воздействие истории на подрастающее поколение. Историческим знаниям принадлежит главное место в процессе выработки коммунистического мировоззрения. Поэтому такое важное значение в системе воспитания принадлежит школьному преподаванию истории, а также всему комплексу мероприятий, направленных на овладение не выходящей сколько-нибудь серьезного воспитательного опыта молодежи основами научных исторических знаний, которыми должны возместить этот опыт.

Целью, однако, не видеть, что эффективность воспитательного воздействия советской исторической науки, в особенности на молодежь, все еще не достаточна. Она явно не удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым обществом к

история. Исторические знания играют явно недостаточную роль в воспитании у молодежи выносливых гражданских качеств. Многие изъяны в этом воспитании объясняются отсутствием у части молодежи чувства истории, которое так важно для того, чтобы правильно ориентироваться в современном мире, видеть его подлинные ценности. Чтобы верно оценивать настоящее во всем его достижениями, трудностями и проблемами, необходимо знать прошлое во всей его сложности и противоречивости, осознавая цену, которой был оплачен каждый шаг советского народа на пути к сегодняшнему дню.

В свете этого нуждается в перестройке сам характер преподавания истории, прежде всего в средней школе. Оно не должно быть бесстрастным рассказом о законах общественного развития, отчужденным от живой деятельности людей, в котором и противоборство страстей которых эти законы реализуются в конкретной исторической действительности. Нельзя сводить его к и к одному лишь запоминанию событий, имен и дат, равно как и к простой иллюстрации мысли, что прогресс в конечном счете всегда торжествует в истории всем своим весом убеждает в этом.

Школьное преподавание истории прежде всего должно преследовать выраженную воспитательную цель. Воссоздавая яркие образы прошлого, показывая героические свершения советского народа и вместе с этим раскрывая в доступной учащимся форме трудности, просчеты и ошибки, оно призвано воспитывать у них определенную патристическую гордость, позволяющую уверенно ориентироваться в самых сложных проблемах, порожденных современностью.

На уроках истории должны решаться и другие актуальные задачи, органически связанные с первой, — задачи нравственного воспитания молодежи. Ни одна такая задача, за исключением литературы, не обладает для этого такими возможностями как история.

Общество всегда обращалось к истории в целях воспитания на лучших образцах прошлого выносливых нравственных качеств у молодежи. Примеры такого обращения дает уже античность. Широкую известность приобрели „Сравнительные жизнеописания“ древнегреческого писателя-моралиста Плутарха. Но его убеждения, биографии выдающихся греческих и римских деятелей должны были служить примером подражания для молодежи, в изучение их — главным источником ее нравственного воспитания.

Современная историческая наука обладает несравненно большими возможностями для нравственного воспитания, чем

во времена Плутарха. Задача заключается в усиленной реализации этих возможностей. Составляя одно из важнейших оснований гуманистического образования, история учит человечности, добру, справедливости, равно как и мужеству, неустанно и бескомпромиссно бороться за их торжество в повседневной жизни.

Важно, однако, подчеркнуть, что историческая наука сможет эффективно осуществлять свою воспитательную функцию лишь в том случае, если различные аспекты воспитательного воздействия истории будут выступать в органическом единстве. Нельзя, например, воспитывать патриотизм-интернационализм, углубляя воспитание человечности, справедливости и других нравственных качеств, без которых невозможно гармоничное развитие личности в социалистическом обществе. Только умелое использование всех истинно безграничных возможностей, присущих самой природе исторической науки, позволит ей внести свой вклад в решение поставленной Программой КПСС задачи воспитания нового человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, история принадлежит особой форме научного познания, имеющей дело с многообразными видами деятельности людей, в процессе которой складываются конкретные исторические закономерности, состоявшие в своей совокупности решенный общественный процесс. Но точно так же как эта деятельность не может быть уподоблена действию сил природы или движению физических тел, так и изучение ее не должно оцениваться по меркам естественно-научного познания. Историческое познание нельзя рассматривать как более низкую (или, напротив, более высокую) форму научного познания по сравнению с естественно-научным. Тем более нельзя его судить с позиций некоего абстрактного идеала научного познания вообще.

Единственным критерием, определяющим степень научности истории, заключается в ее способности объективно отражать социальную действительность на уровне конкретной исторической закономерности. Как свидетельствует историографическая практика, наука обладает такой способностью. Она имеет в своем распоряжении необходимый методологический аппарат, позволяющий на достаточной источниковой базе реконструировать действительный ход истории в его существенных проявлениях и тенденциях. И в этом отношении история является такой же наукой, как физика, например, или геология.

Вместе с тем следует признать, что по своей результативности естественно-научное познание в настоящее время значительно превосходит историческое, что является следствием большей зрелости естественных наук, в частности зрелости методологической. Мы вынуждены, таким образом, констатировать относительное отставание исторической науки.

Это оставление носит объективный характер и объясняется прежде всего гораздо большей сложностью самого предмета истории. И дело не просто в том, что она изучает деятельность людей, т. е. имеет качественно иной, чем естественные науки, объект познания. Главнее заключается в природе этой деятельности, ее целенаправленном характере. „В истории общества, — писал Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, интуитивные обдумываю или под влиянием страсти, стремления к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без железной цепи“¹⁸. Очевидная сложность изучаемого осмысления такой деятельности усугубляется необходимостью изучения объективных условий, в которых она протекает, и ее результатов, также влияющих объективным по своему характеру.

Вит в этом сочетании объективных и субъективных начал в самом предмете исторической науки и коренится трудность для научного познания. Ведь чем сложнее предмет исследования, тем медленнее и труднее совершается процесс познания, тем позднее и реже происходят прорывы в его эволюции, знаменующие гигантские скачки в развитии каждой науки.

Иными словами, темпы развития всякой науки непосредственно зависят от того, какой форме движения материи соответствует ее предмет. Трудности, стоящие перед исторической наукой, коренятся как раз в том, что она изучает одну из высших форм движения материи, ставящую ее перед проблемами, являющимися в определенном смысле качественно более сложными, чем проблемы, которые решаются естественными науками.

Одним из путей преодоления этих трудностей является увеличение историками понятийного аппарата и методов естественных наук. Но это не главный путь. Решающим средством повышения эффективности исторического познания является всесторонняя разработка исторической теории, ориентированной на адекватное отражение социальной действительности в ее конкретном сложении. Такая теория не является, однако, простым сплелком с марксистской социологической теорией, применительно к выводу конкретных исторических выводов. Это специфическая научная теория „среднего уровня“, основные положения которой не только ориентированы на

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, С. 306

изучены конкретной исторической действительности, но и вырабатываются на основе постижения ее глубинных связей.

Познание прошлого выступает одной из самых сложных форм научной деятельности еще и потому, что история, как никакая другая наука, тесно связана с современностью. Развивающаяся под ее могущественным воздействием, обладающая выраженным политическим и идеологическим характером, занимающаяся изучением многообразных сфер общественной деятельности человека, история является важной формой смыслознания общества. Это придает исторической науке огромную социальную значимость. Но это же неизбежно вносит в процесс познания субъективный момент, оказывающий влияние на его ход и результаты.

Присутствующий в историческом познании субъективный момент не только затрудняет получение объективной истины, но и создает определенные трудности в осмыслении природы истории как науки. Однако вопреки многим современным буржуазным теоретикам, включающим на этом основании историю к числу естественных наук, сфера исторического познания отнюдь не означает некой его „второстепенности“ по сравнению с другими формами научного познания. Для марксистов суть вопроса заключается не в том, является ли история наукой или нет, о чем не прекращаются споры в буржуазной литературе, а в исследовании условий, обеспечивающих наиболее эффективное функционирование ее как науки. С открытием материалистического понимания истории историческое познание превращается в действительную науку, дающую объективное знание о своем предмете, раскрывающую конкретные закономерности общественного процесса, формулирующую совместно с другими общественными науками ведущие тенденции его дальнейшего развития.

Следует только окончательно избавиться от иллюзий, будто овладение марксизмом является легким делом, если бы не автоматическим следствием усвоения учебной вузовской программы. Чтобы действительно стать историком-марксистом, необходимо не только постигнуть все богатство марксистско-ленинской теоретической мысли, но и уметь творчески применять его к анализу исторической действительности, что предполагает высокий профессионализм ученого-исследователя. Быть марксистом отнюдь не означает изучать известные количества цитат и уметь их удачно использовать в соответствующих местах. Не подгонять под тот или иной формулы живую жизнь, а самостоятельно исследовать во всем ее многообразии и про-

типречети, руководствуясь марксистским методом, — такая задача советского историка.

Необходимой предпосылкой успешного решения этой задачи является теоретическая разработка теоретико-методологических проблем исторической науки. Здесь лежит магистральный путь повышения научной результативности исторических исследований, а следовательно, и возрастания социальной значимости исторической науки, ее все более действительного и разностороннего влияния на современность.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. Т. 3.
- Маркс К. Воспоминания братьев Луи Бланкери // Там же. Т. 4.
- Маркс К. К критике политической экономии Природолюбов // Там же. Т. 13.
- Маркс К. — П. Кугельдишу 13 апреля 1871 г. // Там же. Т. 31.
- Энгельс Ф. Введение к английскому изданию „Религия социальности от углов и козла“ // Там же. Т. 22.
- Левин В. М. Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? Вып. 1 // Там же. Собр. соч. Т. 1.
- Левин В. И. Социалистическая партия в борьбе против реакционных сил // Там же. Т. 13.
- Левин В. И. Карл Маркс // Там же. Т. 26.
- Левин В. И. О государственстве // Там же. Т. 39.
- Левин В. И. Детская болезнь „левизмы“ и анархизма // Там же. Т. 41.
- Левин В. И. — И. И. Смирнову-Степанову // Там же. Т. 47. С. 226 — 232.
- Левин В. И. — И. Ф. Арнольду // Там же. Т. 49. С. 129 — 130.
- Материалы XVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964.

* * *

- Барт М. А. История и методы исторической науки. М., 1964.
- Виттуричелли А. Д. В гостях у Кюри. Петербурга, 1966.
- Гуанли А. В. Искусство истории. М., 1960.
- Давидсон А. М. Историческое событие и историческая наука // Собр. соч. М., 1963. Вып. 43.
- Левин В. А. Методология истории и критика ее истощения. М., 1974.
- Ленинская Е. А. История — историческая наука. М., 1961.
- Ершович Н. А. Что такое история? М., 1976.
- Жуков Е. М. Сущность методологии истории. М., 1963.
- Никитин Р. В. Социальная история и объективность или методологические проблемы. М., 1933.
- Никитин Г. М., Коршунов А. М., Петров Д. В. Методологические проблемы исторической философии. М., 1961.

- Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1966.
- История и социология. М., 1964.
- Коллонтай М. Д. Методы исторического исследования. М., 1963.
- Коллонтай М. Д. Методы исторической и социологической историографии. М., 1963.
- Копи М. С. Философский анализ в теории буржуазной исторической школы. М., 1959.
- Левин В. И. Социальная философия истории. Ташкент, 1966.
- Петровский Е. Д. Вопросы методологии исторической науки. 3-е изд. Киев, 1976.
- Рыков А. И. Историческая наука. М., 1962.
- Селин В. Д. История и современная буржуазная историография. М., 1973.
- Смирнов А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1964.
- Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- Фришман А. Е. Причинность в истории. М., 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Предмет истории как науки	13
1. История как научное понятие	13
2. Понимание предмета истории в буржуазной науке XX в.	17
3. Дилемтика объективного и субъективного в историческом процессе	20
4. Дилемтика объективного и субъективного — теоретико-методологический фундамент марксистской исторической науки	22
5. Специфика чрезвычайной социологической истории	23
6. Дилемтика общего и частного в историческом процессе	29
7. Историческая необходимость как предмет исторической науки	31
Глава II. Исторический процесс и историческая закономерность	36
1. Современная буржуазная наука о законах истории	36
2. Исторический процесс как особый вид объективных законов	38
3. В. И. Ленин об „экономическом законе развития“: пример исторического закона	43
4. Историческая необходимость и историческая случайность. Речь случайности в истории	47
5. Альтернативность в истории	52
6. Проблема альтернативности исторического развития России в трудах В. И. Ленина	58
Глава III. Объективность исторического процесса	63
1. Специфика получения объективного знания в исторической науке. Роль личности историка в историческом процессе	63
2. Партийность исторической науки	73
3. Специфика действия принципа объективности в марксистской историографии. Буржуазная партийность	73

1. Принцип марксистско-ленинской партийности в исторической науке	73
2. Партийность и объективность исторического знания	81
3. Общественно-научная функция „партийности“ исторической науки	84
4. Принципы марксистского историка в историческом процессе	86
5. Количественные методы в историческом процессе	89
6. Качественные методы исторической науки и исторический процесс	96
7. Исторический факт и его истеропретация	98

Часть IV. История и современность 108

1. Историческая наука и исторические события общества	109
2. История и идеология	117
3. История и политика	121
4. Актуальность в истории	128
5. Исторический опыт и современность	133

Часть V. Социальная функция марксистской исторической науки 140

1. Понятие „социальной функции исторической науки“	140
2. Научно-политическая функция	144
3. Прогнозирующая функция	148
4. Функция политической культуры	154
5. Воспитательная функция	161

Список литературы 168

1. Литература на английском языке	173
-----------------------------------	-----